

ОГОНЁК
№ 36 СЕНТЯБРЬ 1953
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ИЗ ИЛЛЮСТРАЦИЙ Д. А. ШМАРИНОВА К НОВОМУ ИЗДАНИЮ РОМАНА Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР» (Детгиз).

На первой странице обложки: Лев Николаевич Толстой. Портрет работы художника Н. Н. Ге. 1884. Государственная Третьяковская галерея.

На последней странице обложки: Ясная Поляна. Дом, в котором жил Л. Н. Толстой. Фото О. Кнорринга.

ОГОНЁК № 36 (1369) 6 СЕНТЯБРЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

31-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ЗА МИРНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ

Октябрьский зал Дома союзов, 31 августа. Участники расширенного пленума Советского комитета защиты мира слушают доклад Н. С. Тихонова.
Фото Дм. Бальтерманца.

— Провожая меня в Москву, на пленум Советского комитета защиты мира, — сказала Т. Ф. Воронова, агроном колхоза «Гигант», — колхозники просили передать, что они до конца будут отстаивать дело мира и идею мирных переговоров и это свое решение подтвердят успехами в созидательном труде на благо Родины.

Весь советский народ готов практическими делами активно поддержать решения Всемирного Совета Мира о расширении борьбы за урегулирование всех международных вопросов путем мирных переговоров — эта мысль отчетливо звучала в докладе, с которым выступил на пленуме председатель Советского комитета защиты мира Н. С. Тихонов и в развернувшихся затем прениях.

Да, мы, советские люди, хотим честных и открытых переговоров между заинтересованными странами по всем нерешенным вопросам международной политики.

С глубоким удовлетворением участники пленума отметили успехи, которых добились народы мира в борьбе за мир. А успехи эти немалы. Перемирие, достигнутое в Корее, люди доброй воли встретили с огромной радостью, справедливо расценив его как великую победу корейского и китайского народов и всего лагеря мира и демократии. Важной победой сторонников мира явилась ликвидация провокационной авантюры поджигателей войны в Берлине.

Советские люди решительно осуждают политику превращения Западной Германии в колонию американских монополистов и возрождения германского империализма.

В речах участников пленума отразилось негодование миллионов трудящихся СССР по поводу провокационных действий лисынмановской клики и маневров ее американских покровителей. Теперь уже каждому ясно, что эти маневры направлены на срыв дела мира в Корее и на Дальнем Востоке.

Советские люди не могут примириться с игнорированием прав великого Китая при решении важнейших международных вопросов. Народы Советского Союза требуют восстановления законных прав китайского народа в Организации Объединенных Наций.

Предложения Советского правительства по германскому вопросу, по заключению мирного договора с Австрией, по разрешению корейской проблемы, по сокращению вооружения и запрещению атомного и других видов оружия массового уничтожения создают прочную основу для мирного урегулирования путем переговоров всех спорных международных вопросов и поэтому отвечают кровным интересам миролюбивых народов.

Участники пленума, представители всех слоев советского общества, выразили горячее одобрение внешней политике, которую неизменно проводит Советское правительство. Эта политика основана на твердой уверенности, что любой спорный или нерешенный вопрос сегодняшнего международного положения может быть разрешен мирным путем, на основе взаимной договоренности заинтересованных стран. Эта политика основана на желании нашего народа жить в дружбе со всеми народами. Борясь за дело мира, советские люди помнят о необходимости повышать бдительность и неустанно разоблачать происки поджигателей войны.

Решения Будапештской сессии Всемирного Совета Мира призвали всех людей доброй воли развернуть широкую международную кампанию за мирные переговоры. Эти решения будут широко обсуждены у нас в Советском Союзе на расширенных пленумах республиканских, областных и краевых комитетов защиты мира совместно с представителями местных общественных организаций. Эти решения обсуждаются и находят горячую поддержку на каждом советском заводе, в колхозе, учебном заведении.

Пленум решил созвать в декабре этого года пятую всесоюзную конференцию сторонников мира.

В резолюции, которую единодушно приняли участники пленума Советского комитета защиты мира, говорится:

«Советский комитет защиты мира выражает твердую уверенность в том, что все советские люди горячо откликнутся на призыв Всемирного Совета Мира и активным участием в движении за мирное урегулирование международных проблем с новой силой продемонстрируют перед всем миром свою неизменную волю к миру и еще теснее сплотятся вокруг Коммунистической партии и Советского правительства, твердо и последовательно отстаивающих политику мира.

Пусть во всем мире восторжествует дух мирных переговоров!

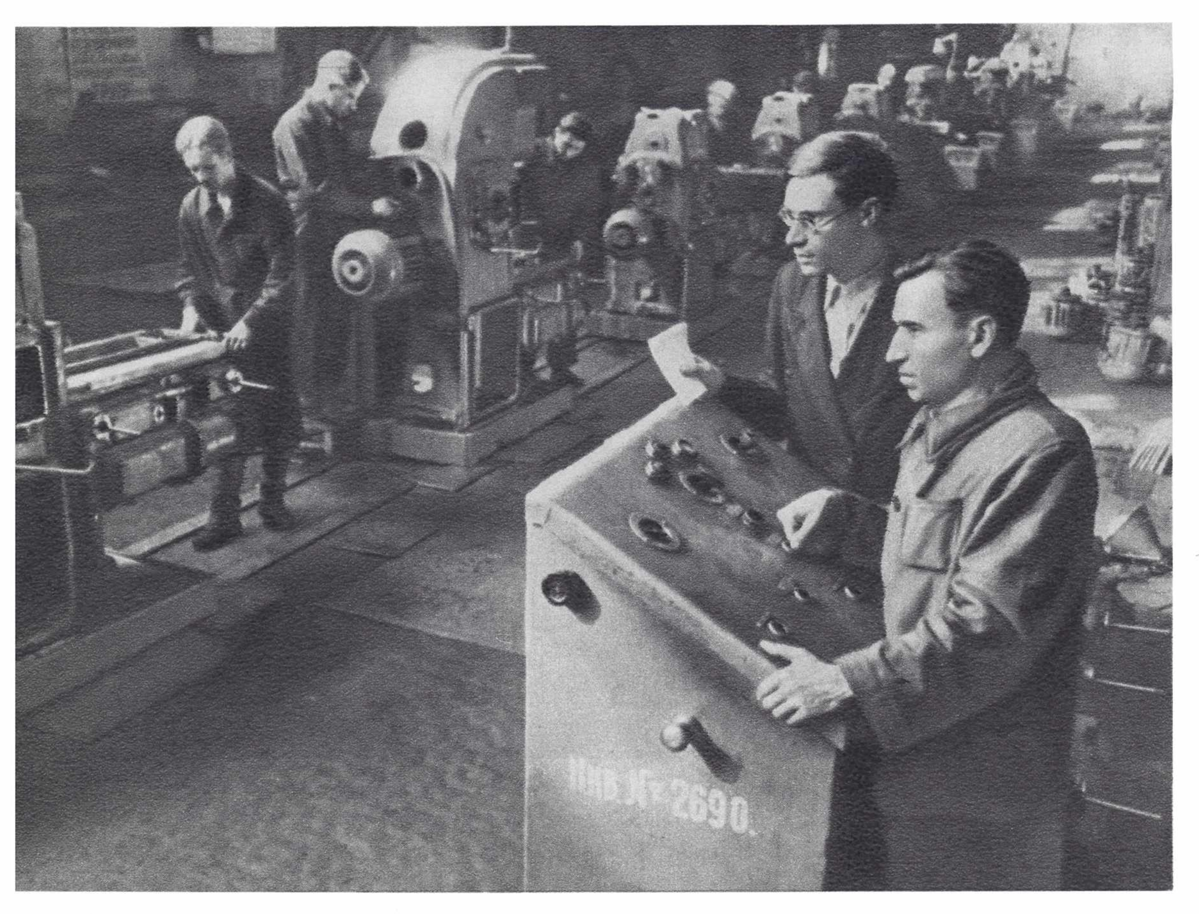
Силы войны должны отступить!»

ШАГИ ЗАВОДА

И. АГРАНОВСКИЙ

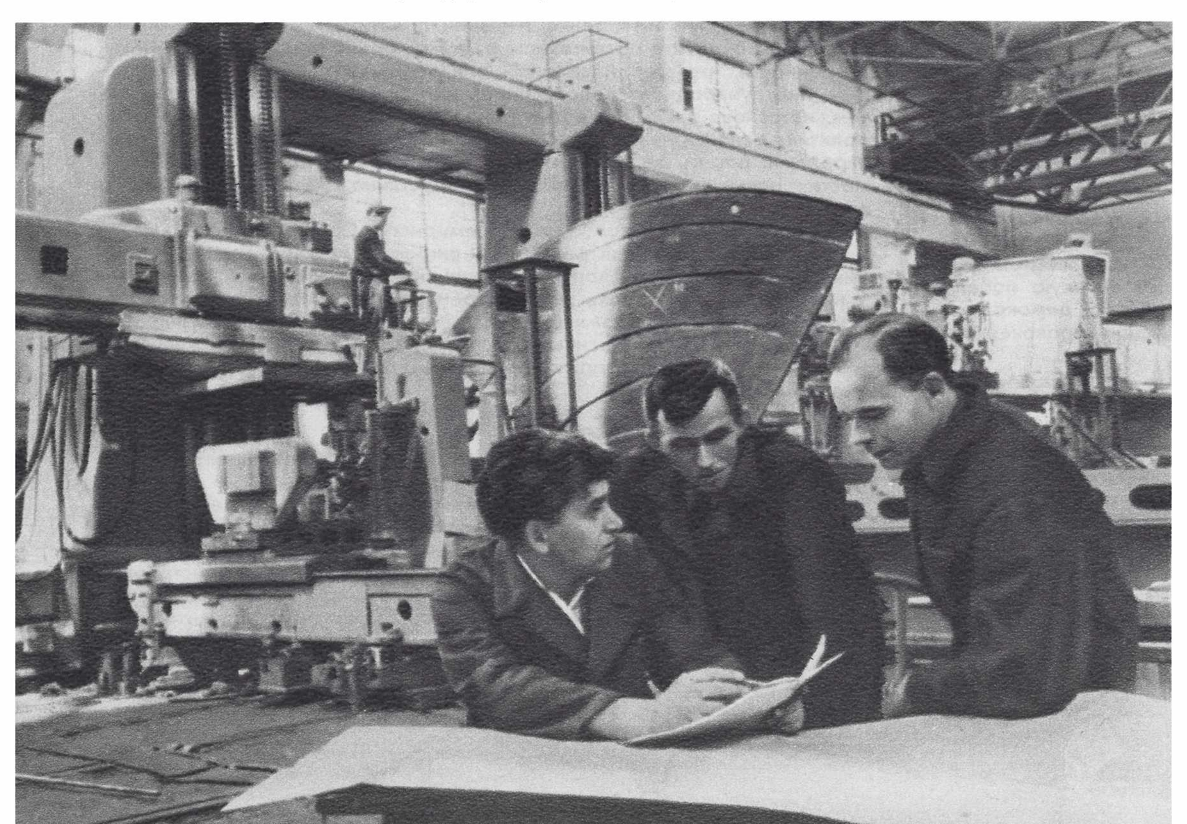
Фото Н. Капелюша.

Во дворе Горьковского завода фрезерных станков шумят густой листвой клены, тополи, акации. Завод стоит в полосе песков, и его двор — точно зеленый оазис среди желтых барханов. Самому старому заводскому дереву двадцать один год — столько же лет заводу, столько же лет нашей промышленности фрезерных станков. В 1932 году в Горьком были выпущены первые 28 отечественных станков. Сейчас готовый станок сходит с конвейера через промежуток времени, который измеряется не днями и не часами, а минутами.

П. Пугачев (справа) и Б. Догадин у пульта управления «шагающего» конвейера.

Сборка станка весом в 173 тонны. Слева направо: ведущий конструктор завода И. К. Фролов, бригадиры сборки А. А. Сергеев и А. В. Сахаров.

В плановом отделе завода непрерывно звонит телефон: «Ну что, подбили итог?» Допоздна трещат арифмометры, стучат счеты. Наконец заведующий отделом Иван Тимофеевич Виноградов еще раз сдвигает планки счетной линейки — и на нижней шкале ее возникает последняя цифра. Вместе с другими ее сообщают в дирекцию и партком. В этих цифрах отражение больших успехов завода: за два с половиной года пятилетки средняя производительность труда выросла здесь больше чем на 60 процентов.

«Чем выше производительность труда на наших предприятиях, чем ниже себестоимость,— говорит товарищ Г. М. Маленков,— тем ниже цены на все продукты и товары, тем выше жизненный уровень народа».

Из чего же сложилась на Горьковском заводе эта цифра — 60 процентов?

Конвейер сборки серийных станков называют здесь шагающим. Дело в том, что, продвинувшись на несколько метров, сделав «шаг», конвейер останавливается, чтобы можно было провести монтаж узлов и замеры с точностью до сотых долей миллиметра.

У пульта управления «шагающего» конвейера стоят двое. Павел Карпович Пугачев — бывший слесарь. Во время монтажа конвейера он работал мастером, а теперь стал заместителем начальника цеха генеральной сборки серийных станков. Рядом с ним — Борис Андреевич Догадин. Еще не прошло трех лет, как он оставил аудиторию института. Начал работать мастером по монтажу конвейера, и вот он уже главный механик завода.

Все убыстряется «шаг» конвейера. Он был пущен в конце 1950 года. Сейчас интервал между «шагами» сокращен вдвое. Чтобы другие цехи шли в ногу с конвейером генеральной сборки, оборудованы еще четыре конвейера узловой сборки, а тысячи станков в механических цехах передвинуты — выстроены в поточные линии. Производительность труда на выпуске серийных станков выросла более чем в два с половиной раза.

Вот вам одно из слагаемых той чудесной цифры общего роста производительности труда, при выведении которой в плановом отделе мы присутствовали.

О втором слагаемом этой цифры мы узнали в техническом кабинете завода. Знатный токарь лауреат Сталинской премии Николай Григорьевич Смирнов недавно начал работать резцом новой конструкции: это позволяет снимать стружку толщиной до 10 миллиметров, работать на больших скоростях и подачах.

Дирекция решила испытать резец в цехах. Было собрано около двух десятков отзывов. На заключительное заседание специальной комиссии в технический кабинет пришли и рабочие, проводившие испытания.

Выражая общее мнение, токарь Григорий Гришенков сказал:

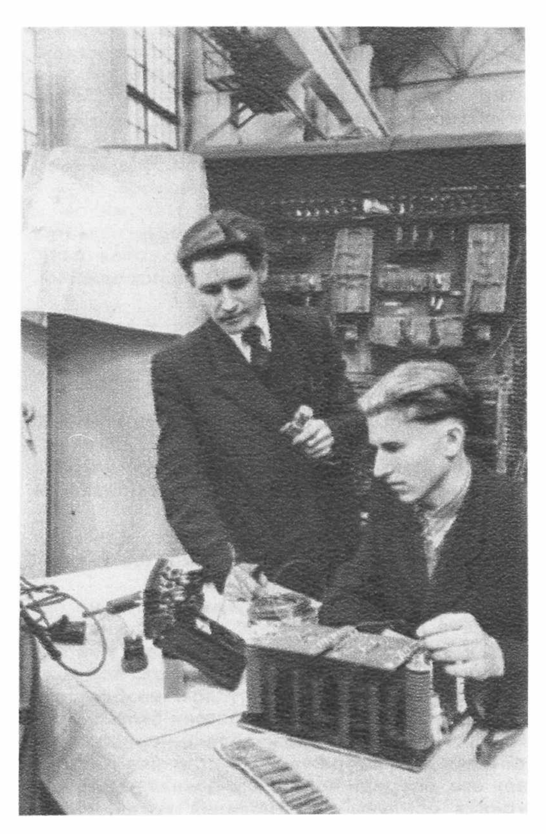
— Замечательный резец!

1 093 предложения было подано к заводской технической конференции. На их основе конференция наметила около 400 мероприятий, позволяющих дополнительно увеличить выпуск продукции на 10—12 процентов по сравнению с прошлым годом. Вот второе слагаемое чудесной цифры.

...Идет сборка электромагнитной станции фрезерного станка. Станки новых типов имеют сложные электрические устройства. Одно из замечательных достижений техники новой пятилетки — электрокопировальный станок. Он позволяет фрезеровать механические отливки сложной конструкции, которые до сих пор обрабатывались вручную.

Чтобы смонтировать десятки радиоламп, трансформаторов, усилителей, надо обладать немалыми техническими познаниями. Бригадир электромонтажа тяжелых станков, электромонтер 7-го разряда, Филипп Иванович Боровков приобрел эти знания за семнадцать лет работы на заводе. А у Михаила Яковлевича Шимонова только двухлетний производственный стаж. Однако он уже бригадир монтажа электромагнитных станций, ему присвоен 6-й разряд. В нынешнем году Шимонов окончил школу рабочей молодежи с отличием — серебряной медалью. Почти все рабочие на заводе учатся в стахановских школах, посещают технические семинары.

И если раскладывать на слагаемые цифру

Бригадиры электромонтажа Филипп Иванович Боровков (слева) и Михаил Шимонов.

роста производительности труда на заводе, то, нет сомнения, одно из них связано с учебой.

...«Гамма» — это термин не только музыкальный. У станкостроителей «гамма» означает набор однотипных станков разных размеров и мощностей.

По-новому «зазвучала» в последние годы гамма серийных фрезерных станков. Настроить ее на новый тон заставила практика скоростников-фрезеровщиков. Они потребовали более совершенного станка — быстроходного, устойчивого, мощного. За короткий срок была создана целая гамма станков типа «Н» — «Новый». Шпиндель его делает 1 500 оборотов в минуту. А недавно на заводе изготовлен опытный образец новейшего типа — «НБ» — «Новый быстроходный». Скорость вращения шпинделя на этом станке — 3 150 оборотов в минуту.

Есть на заводе и другая гамма станков — «басовая». Это станки весом от 10 тонн и выше. Недавно закончили сборку седьмого номера — станка весом в 140 тонн. Восьмой, завершающий номер гаммы — фрезерный станок в 330—350 тонн — также уже начат производством.

В дни, когда мы были на заводе, шли последние операции на сборке 173-тонного станка — он вне гаммы, вне серии. Мы видели установленную между стойками станка огромную треугольной формы деталь. Это — перо лопасти гидротурбины, которую Ленинградский завод имени Сталина изготовляет для Куйбышевской ГЭС. В необработанном виде такое перо весит 25 тонн. Более двух десятков электромоторов общей мощностью в 100 киловатт, приводя в действие различные части станка, позволяют методом электрокопировки за 200 часов обработать перо лопасти до нужной чистоты. При старом способе на эту работу требовалось 1 300 часов.

...Последние дни сборки. И сегодня, как всегда, пока идет изготовление станка, ведущий конструктор И. К. Фролов находится в цехе. У чертежей рядом с инженером прославленные на заводе бригадиры сборки А. А. Сергеев и А. В. Сахаров. В тесном содружестве инженеров и рабочих создается новая техника.

Только один рабочий будет управлять этой большой и сложной машиной. Он должен быть культурным, умным, зорким. Пусть никого не обманывает масштабное сравнение фигуры рабочего и громады станка. Все отступает перед величием рабочего человека, чьим трудом в нашей стране производится все больше новых машин.

На одинаковых ЗЕМЛЯХ

В. СОЛОУХИН

Фото Г. Санько.

Не так давно мне довелось посетить вологодский колхоз, что на весь мир знаменит своей свинофермой. Называется он «Буденновец» и находится в Междуреченском районе.

Можно в самую сильную лупу смотреть на аэрофотоснимок. Увидишь там и деревню, и мост через речку, и даже след человека по росной траве. Но все это лишь обозначения вещей, а не сами вещи. Приди на это место сам, и окажется: тот дом, что представлялся на снимке светлым квадратиком, пахнет смолой и солнцем; в речке, если в нее смотреть с моста, бродят голавли; в траве, по которой шла росная дорожка, много цветов, и там работают пчелы.

Город, живущий в вашем представлении лишь названием да кружком на карте, также начинает расшифровываться и входит в сознание конкретными деталями: лицом автобусного кондуктора, репликой пассажира, архитектурой зданий. А там уж и новые знакомые, их мысли, дела, характеры. И через много лет название этого города не будет для вас просто звуком. За ним будут стоять люди, огорчения, радости, памятные эпизоды...

...В четыре часа утра я сошел на берег в районном центре Междуречья — селе Шуйском. Двери в Доме колхозника были заперты изнутри, и я стучался сначала согнутым указательным пальцем, потом кулаком, потом ногами, повернувшись к дверям спиной. И то сказать: четыре часа утра — самый сладкий сон. Наконец за дверью раздалось босое шлепанье, и рослая женщина открыла мне.

— И ездют и ездют,— причитала она, провожая меня по коридору, в который сквозь небольшое окно уже доверху натекло зябкого серого рассвета. — Сами-то из Вологды, что ли?

— Из Москвы, хозяйка, поспать бы мне.

— Из Вологды ездют и из Москвы ездют, и все, чай, к Лександре Евгеньевне.

— Это кто же такая? — притворился я.

— Да Люскова же. К кому вам больше и ездить, как не к Лександре Евгеньевне.

— А что, разве все больше к ней ездят, это в какой же колхоз?

— А кто его знает, какой там колхоз. Никак, «Буденновский». Ты спи уж на здоровье, паспорт завтра покажешь...

...Доконал меня шофер попутного «газика».

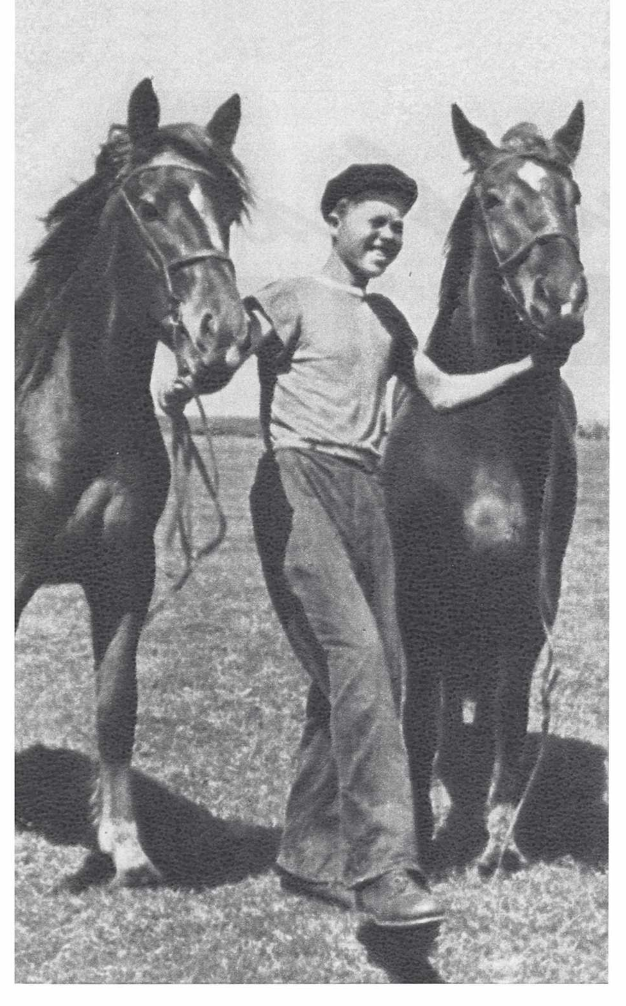
— Так,— важно заговорил он, ловко работая рычагом скоростей и не менее ловко лавируя в разбитых колеях проселка.— Значит, к Евгеньевне опять гости. Давненько не было, почитай, недели две.

— А вы что же, учет ведете?

— Здешний я, так как не знать-то. Вот уж лет пятнадцать к ней все гости да гости. И что это, скажите, пожалуйста, вас все на хорошее-то тянет? Съездить бы вам...

Дружно и весело идут на работу девушки-доярки из второй бригады колхоза «Красное знамя».

— Хороши у нас кони!— говорит конюх колхоза «Красное знамя» Валентин Толстиков.

Любовно ухаживает за маленькими цыплятами птичница М. И. Белова.

Но куда съездить, он не договорил, потому что как раз в это время «газик» сел на дифер.

— Ездят много, а дорогу-то не очень укатали.

— Черт ее укатает, — буркнул шофер и пошел к перелеску рубить колья.

Последние километры я шел пешком. Три дня подряд с неба лилась вода. Земля набрякла, как осенью. Но солнце светило весело, и поэтому грязь не производила удручающего впечатления. От земли шел пар: она быстро сохла.

Еще издали я заметил аккуратный свинарник, расположившийся на отшибе на пригорке, силосную башню рядом и два или три жилых дома. Здесь работает Александра Евгеньевна Люскова, Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской премии, депутат Верховного Совета СССР, та Люскова, про которую академик С. С. Перов сказал: «Мы, академики, считаем ее принятой в нашу ученую семью в качестве доктора наук, пока без диплома...» Здесь работает женщина, за плечами которой более десяти мировых рекордов в области свиноводства.

Пользуясь тем, что хозяйка занята, я свободно бродил по ферме. Постоял за спиной пожилого человека в роговых очках, изучавшего почту Люсковой. Мелькали то английский, то шведский, то болгарский тексты. Потом я покрутился около сотрудников животноводческого института, осваивающих опыт знаменитой свинарки, и пошел к стойлам.

Хозяйство действительно образцовое. Чисто, как в больнице. В отделение, откуда доносились задорные голоса малышей-поросят, девушка-практикантка меня не пустила: «Нельзя, не положено, да и белого халата на вас нет». Я не стал настаивать. Писать о самой Люсковой и о ее методах работы? Что можно еще сказать, когда об этом написаны уже целые книги, когда созданы фильмы! Я вышел из свинарника и пошел, пошел по ложбинке через речку Шейбухту в ту деревню, где правление колхоза.

— Как мне на молочную ферму пройти? — спросил я у встречной колхозницы.

— А вот все краем да краем, там на конце деревни и будет молочная ферма.

Выйдя на край деревни, уже приготовился я увидеть такое же, как свинарник, опрятное помещение. Еще бы! Если свиноводство в колхозе в таком образцовом порядке, то уж молочное-то хозяйство... Вологодское масло знаменито. Масло, лен и лес — три кита, на которых стоит хозяйство Вологодской области...

Как? Неужели это и есть молочнотоварная ферма колхоза «Буденновец»? Посреди грязи, размешанной копытами скота, возвышался сарай, крытый соломой. Крыша вся в дырах, солома черная, перепревшая. По жердочке, балансируя и рискуя свалиться в черную воду, пробрался я поближе к сараю. Может быть, и сюда меня не пустят без белого халата? Внутри фермы мрачно. Там тяжелый воздух и много мух. Пол в стойлах набряк, распух, осклиз. В дальнем конце какая-то одинокая женщина сгребала в кучу навоз.

Поглядев на все это, я и задал председателю колхоза Сергею Ивановичу Новожилову несколько прямых вопросов.

— Каков общий доход колхоза за прошлый год?

Сергей Иванович, не найдя в памяти нужной цифры, позвал счетовода. «Наверное, велик доход,— мелькнуло у меня,— если сам председатель не помнит его». Наконец последовал ответ: двести девяносто пять тысяч с небольшим.

— Каков доход от свинофермы?

— Двести одиннадцать тысяч с лишним.

— Может быть, вы ошиблись? Может быть, общий доход — миллион двести девяносто пять тысяч?

— Что вы, что вы! — даже испугался председатель.— Если бы нам миллион!

— Но ведь не может быть, чтобы доход с молочного хозяйства, с овцеводства, с птицефермы и, наконец, с полеводства был всего восемьдесят тысяч рублей! А если бы у вас не было Люсковой? Ведь колхоз-то у вас получается придатком к свиноферме. Ведь все эти ваши фермы живут за счет Люсковой. И я больше чем уверен, что и у нее ферма перестала расти.

— Где уж расти!..— уныло подтвердил председатель.— Не до жиру...

За несколько часов перед этим я видел председателя на свиноферме. Как-то уж очень неуверенно он держался там. Может быть, я ошибся, но мне показалось, что он такой же гость, как я. Не потому гость, что редко заходит, а потому гость, что Люскова руководит фермой сама. И Новожилову там нечего делать. «Ну, что же,— еще подумал я тогда,— тем больше времени у него заниматься остальным колхозом, тем лучший порядок он там может поддерживать». Я грубо ошибся. «Чем же объяснить, что так плохи дела в колхозе? Чем объяснить, что вы не знаете даже колхозного дохода?» — хотелось спросить мне, но я задал только первую часть вопроса.

— Причин много,— оживился Новожилов и стал загибать пальцы: — Первое — нехватка рабочих рук. Потом — плохая кормовая база, да и скот-то у нас мелкий, непородистый. Откуда же быть доходам?

— А может быть, рабочих рук у вас стало не хватать именно потому, что доход маловат, что колхоз беден?

— Так оно и есть. Уходят люди.

— Значит, это не причина того, что колхоз плохой, а следствие.

— Как хотите называйте, а если их нет, так где возьмешь? А что кормовая база плоха да скот мелкий, так это точно.

Против этого я возразить не мог. Для того, чтобы возразить, нужно найти колхоз с такими же условиями, но богатый.

С тяжелым чувством возвращался я на пароходе в Вологду. Был час рассвета, не спалось, и я поднялся на палубу. Солнце уже показалось и вскользь легло на темную воду Сухоны. Волны от парохода углом разбегались сзади нас. Со стороны солнца они были багряны, а с другой стороны зелено-черные. Они добегали до прибрежного кустарника и колыхали его. Впереди вода была ровная, и над ней курился обильный красноватый туман. И не один, не два — сотни, а может быть, и тысячи соловьев звенели и щелкали на обоих берегах. Так и плыл пароход сквозь эту соловьиную музыку.

— Да, соловьев в таком количестве, пожалуй, больше нигде не услышишь.

Я вздрогнул, так как думал, что нахожусь на палубе один. Сзади меня стоял средних лет высокий мужчина. Лицо помятое после сна, но глаза ясные и умные. Закуривая, я протянул ему портсигар.

— Нет, не буду. Уж очень воздух хорош. И вы бросьте. Вы ведь теперь из «Буденновца»? Не удивляйтесь,— я вас там видел.

Мне было очень интересно и важно проверить свои впечатления на «свежем» человеке.

— Вот в том-то и дело,— заговорил собеседник, выслушав мой рассказ.— Люскова — талант, так сказать, выдающаяся личность. Ее знают во всем Союзе, болгарские свинарки в письмах зовут себя ее ученицами. О Люсковой пишут книги. Но обратите внимание хотя бы на заглавия статей и брошюр. «Моя работа на свиноферме», «Последователи Люсковой», «Колхозница с Шейбухты». И только уже в глубине текста можно узнать, что дело происходит в колхозе «Буденновец». А вот, к счастью, у меня при себе другая брошюра — я ведь тоже по животноводству,— это о колхозе «Красное знамя». Обычный колхоз, каких немало. Смотрите: первая статья председателя колхоза И. А. Кундина, потом статья парторга колхоза, потом широко выступает зоотехник Николай Николаевич Манаков, и уже после всего этого и как логичный вывод из всего этого знаменитые доярки делятся своим опытом. И статьи-то называются знаменательно: «Сила соревнования», «Хорошие кадры — главное», «Используем все резервы». Даже в этом чувствуется наступление по всему фронту. И если Корыхалова (есть у них такая доярка) менее знаменита, чем Люскова, зато она не одна. У них есть еще и Дюкова, и Стригунова, и Комиссарова, и много еще замечательных новаторов. И не сами по себе мастерами стали. Коллектив вырастил! Что такое «Буденновец» без Александры Евгеньевны? А «Красное знамя» и без Корыхаловой останется «Красным знаменем». Наверное, Новожилов вам массу объективных причин привел?

— Еще бы! Мне три запомнились: плохая кормовая база, недостаток рабочей силы и мелкий, непородистый скот.

— Ну вот, вот. Как будто и скот в «Красном знамени» еще до образования колхоза породистый был, и земли там не наши, вологодские, и народ иной. Да ничего подобного! И вы правильно заметили: тощие фермы в «Буденновце» поедают тучную свиноферму Люсковой. Поедают и сами остаются тощими. Дайте мне папиросу, пожалуйста!..

* * *

Несколько лет назад в колхозе «Красное знамя» проходило бурное собрание. Председатель колхоза Иван Алексеевич Кундин негромко постукивал карандашом по графину, призывая колхозников успокоиться.

— Обязан вам сообщить,— начал он,— что доход от наших почтенных коровушек в этом году составил девяносто шесть тысяч рублей.

Колхозники, не поняв, к чему клонится дело, примолкли.

— Обязан сообщить также, что ни одна наша корова не надоила больше двенадцати литров молока в сутки.

Доярка Елизавета Владимировна Корыхалова крикнула с места:

— Нашим коровам больше ни в жизнь не надоить! И так уж стараемся, стараемся. У коровы, известно, молоко-то на языке, а корма какие?

— Не в кормах дело! — перебили ее.— Наших принцесс хоть какавом корми — все одно толку не будет!

Еще несколько доярок вступили в спор, и понять уже стало ничего невозможно. Иван Алексеевич переждал шум и снова тихо заговорил:

— Толк будет. И не только на языке у коровы молоко, оно еще и в руках доярки. А нет кормовой базы, так мы ее создадим, это тоже в наших руках. Наладим посев трав, корнеплодов, будем силосовать. Но дальше так дело не пойдет! — Кундин впервые повысил голос.— Трудно раздоить наших коров, может быть, это даже подвиг — раздоить их. Но мы этот подвиг должны совершить. Мало того, со временем мы создадим племенное стадо...

Вскоре колхоз пригласил на постоянную работу зоотехника Николая Николаевича Манакова. И вместе с ним пришла в колхоз наука. Начинать приходилось с азов. Не было ни распорядка дня, ни кормового режима. Доярки приходили к коровам в разное время, корм задавали на глазок.

Однажды во время дойки Николай Николаевич подошел к Елизавете Владимировне Корыхаловой.

— Вы хоть и доярка,— заговорил он,— а ведь доить-то не умеете.

— А ты показал бы,— немного резко бросила Елизавета Владимировна, не отрываясь от дела.

— Могу и показать. Доить нужно не щипками, а вот так, кулаком. Но не об этом сейчас разговор. Сколько у вас вчера Заря-то надоила?

— Четырнадцать литров, слава богу.

— Давайте попробуем ее раздоить, а?

— Да как же это ее раздоить, если не доит больше?

— Ну, для этого есть наука. Научно будем раздаивать, понимаете? Ваше дело — только взяться за это, захотеть, потому что без желания никакая наука не поможет. Важно пример показать. Доказать наглядно, что могут и эти коровы больше доить. Если раздоите,— великое дело сделаете...

Эта Заря в первые дни, как закрепили ее за Корыхаловой, не только доить — есть перестала. Два дня не дотронулась ни до чего. Лежит и дышит. На третий день Елизавета Владимировна нарезала ей сахарной свеклы. Сама спряталась за перегородкой и в щелочку наблюдает. Съела Заря свеклу, воровато так съела, оглядывается по сторонам... Немало времени прошло, пока удалось изучить повадки коровы. Так, заметила Елизавета Владимировна, что если нагрубить Заре, накричать на нее, потом хоть час сиди с подойником — ни капли молока не отдаст. Стоит и дышит. Если в помещении громко разговаривают, Заря нервничает, отдает только половину удоя. Деликатная попалась корова. Зато уж потом и отблагодарила. Так отблагодарила, что три года назад и во сне не приснилось бы. Пятьдесят три литра в сутки стала давать Заря!

Конечно, не только в ласковом обращении заключалась работа Корыхаловой по раздойке коровы. Тут и распорядок дня, тут и самое главное — кормовой режим. И во всем помогал ей Николай Николаевич Манаков — зоотехник колхоза.

— А кто говорил, что раздоить нельзя? — спрашивал он Корыхалову.— Другие-то как у тебя?

— Гера с Закалкой по 49 дают, Ласка — 46. Теперь пойдет дело.

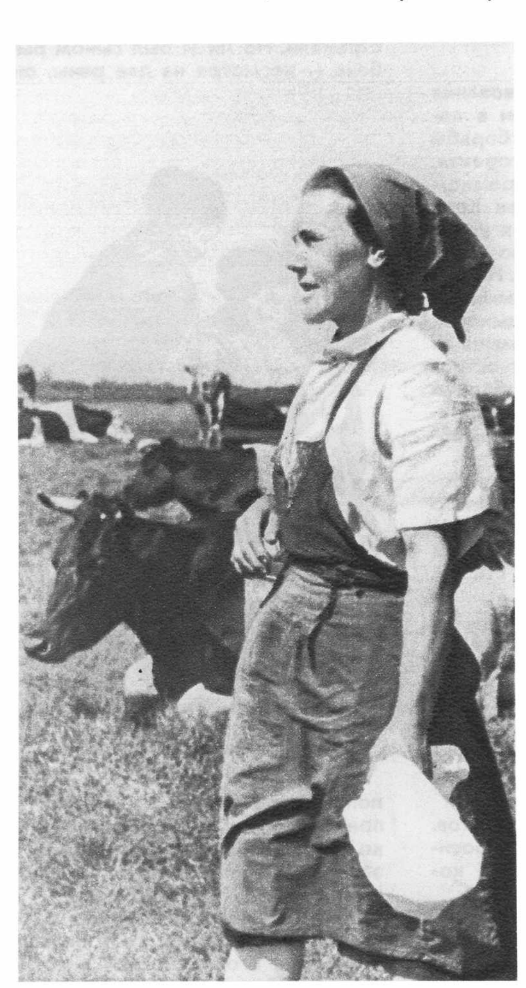
И верно, пошло. Уже стыдно стало другим дояркам доить по 15 литров — они потянулись за Корыхаловой. Доход колхоза перевалил за миллион рублей в год.

Та бригада, где работают знаменитые доярки Корыхалова, Дюкова, Комиссарова, считается в колхозе «гвардейской». Она идет далеко впереди других бригад. Но вот что произошло. Есть в Вологодской области своеобразная традиция: пожилую доярку со временем сменяет ее дочь. Случайно ли получилось или так уж было задумано, но в одной бригаде колхоза в этом году вдруг всех доярок-матерей сменили их дочери. Получилась веселая, задорная молодежно-комсомольская, а проще сказать, девичья бригада. Сначала никто на это не обратил внимания. Но вот удои в бригаде стали повышаться, вот в колхозе, а потом и в области заговорили о молодой доярке Вере Стригуновой, и вот уже забеспокоились «гвардейцы», как бы молодежь не наступила на пятки. А молодежь посовещалась, посовещалась, да и вызвала «гвардейцев» на соцсоревнование.

...Когда сравниваешь два колхоза — «Красное знамя» и «Буденновец»,— находишь разницу прежде всего в том, что́ медики в применении к человеческому организму называют общим тонусом. Несколько лет назад в «Красном знамени» молочное хозяйство было такое же, если не хуже, чем теперь в «Буденновце». Но люди набрались мужества, сдвинули дело с мертвой точки, трудились не покладая рук, и хозяйство пошло в гору. Нельзя сказать, что в «Буденновце» не трудятся. Но там низок общий тонус колхозной жизни. Люди как бы убедили себя, что больше, чем теперь, их коровы не надоят, что кормовая база плоха, убедили и примирились с этим. Трудятся и едва сводят концы с концами. И получается замкнутый круг: мал колхозный доход — мало получают колхозники на трудодень, исчезает заинтересованность в работе, начинается нехватка рабочих рук.

Ничего не бывает сразу. Чтобы колхоз «Красное знамя» окреп, тоже понадобилось время. Пусть «буденновцы» начнут сегодня — скоро их колхоз станет богатым.

...Так сама жизнь возражает председателю колхоза Новожилову.

Знатная доярка депутат Верховного Совета РСФСР Е. В. Корыхалова.

Награда

Конст. МУРЗИДИ

В Комсомольске-на-Волге иным вечерком
Появлялся старик с комсомольским значком.

И ребята, не зная о нем ничего,
«Это что за причуда?» — спросили его.

Он смущенно ответил: «Награда моя...
Комсомольск-на-Амуре я строил, друзья».

Он стоял среди них невысокий, седой,
А ребятам казалось, что он молодой.

И, быть может, впервые дошло до него,
Как завидна простая награда его.

Строки со стройки

Аркадий РЫВЛИН

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

Как будто и время совсем не летело...
Так, лет через десять всего,
В райкоме
возьмут его личное дело —
Партийное дело его.

Анкета и фото...
И взгляд его чистый
Расскажет о многих делах.
На стройке великой
он стал коммунистом
В пятидесятых годах.

Он строил,
не зная в работе предела,
И, даль озаряя тепло,
Плотина вошла
в его личное дело,
И новое море вошло!

НОВОРОЖДЕННЫЙ

Погремушку зажал в ладони,
Все на свете он тянет в рот.
Сын родился на Волго-Доне,
А в Каховке у нас растет.

Он приехал на земснаряде
Вместе с мамою и с отцом.
И недаром в любой бригаде
Люди знают уже о нем.

Мама вяжет ему обновки.
Вышивает ему наряд.
Мимо юных садов Каховки
Он отправится в детский сад.

Пусть растет он большим и стойким!
Что же ждет его впереди,
Если две величайшие стройки —
Лишь начало его пути!!

Из края героев

Вадим КОЖЕВНИКОВ

Гравюры из китайской жизни художника Гу Юаня

1

Кантон опалил огненным зноем, ослепил нестерпимым блеском лучистого неба...

Тесно сомкнутые здания, с окнами, завешенными цыновками из бамбуковых планок, опираясь верхними этажами на белые колонны, создали сплошную линию навесов. В их горячей, темной тени двигались потоки пешеходов, одетых в черную сетчатую ткань, спасающую от жгучего солнца.

Груды ананасов, бананов, плодов дынного дерева и манго, гигантские орхидеи в больших глиняных тазах лежали на прилавках фруктовых лавок. В рыбных рядах копошилась в тростниковых корзинах еще влажная океанская живность, причудливая, фантастическая. В огромных портовых складах громоздились пирамиды из тюков хлопка и мешков с тростниковым сахаром, штабели дерева драгоценных пород, вороха сухой рыбы, горы земляных орехов, возвышались гигантские глиняные цистерны с растительным маслом.

Все это изумляло своим изобилием, дурманило пряными запахами, пленяло воображение своей необычностью.

И хотя меня обуревало желание немедленно отправиться бродить по городу, все-таки я постарался побороть нетерпение. Дело в том, что я твердо решил по приезде в Кантон в первую очередь встретиться с товарищем Ли И. Я уже встречался с ним в Пекине.

Это был человек небольшого роста, худощавый, общительный и добродушный. Он очень интересовался посадками цитрусовых у нас в Крыму. Я его принял за агронома и разговаривал с ним только как с агрономом.

Мы — хозяева завода.

Но потом, когда Ли И уехал, я узнал, что он кадровый партийный работник Гуандунской провинции, один из участников героического восстания кантонских рабочих в декабре 1927 года, известного в истории под именем Кантонской коммуны[1].

Пятьдесят часов существования Кантонской коммуны вошли в летопись освободительной борьбы человечества. Я очень горевал, что не смог разгадать в скромном человеке одного из героев Коммуны. Между тем то, что я успел узнать о Ли И, взволновало меня.

Отец Ли И был рыбаком. На старенькой джонке под тяжелыми парусами из соломенных цыновок он ходил в океан и промышлял на отмелях индонезийских островов. Тайфуном джонку разбило о коралловые рифы. Ли И подобрали рыбаки: он был привязан к обломкам лодки поясом отца.

С восьми лет Ли И стал работать на плантациях сахарного тростника. Нечаянно он отрубил себе два пальца кривым тяжелым ножом, которым срезают стебли. Помещик выгнал его.

Ли И нанялся на сахарный завод. На заводе взорвался котел. Во время взрыва погибло шестнадцать человек. Ли И вместе с другими рабочими пошел к помещику, владевшему этим заводом, с одной только просьбой: чтобы тот разрешил похоронить погибших на принадлежащей ему земле.

Полиция арестовала делегатов. Год и семь месяцев Ли И просидел в тюрьме с деревянной колодкой на шее.

После тюрьмы ему повезло. Крестьянин Тао Сюэ, у которого умер сын, взял его к себе батраком, но обращался с ним, как с сыном. Однажды на Тао Сюэ в поле набросилась собака помещика. Защищаясь, он убил ее. Суд приговорил Тао Сюэ уплатить помещику стоимость собаки и построить на её могиле каменную гробницу.

Тао Сюэ продал дом, землю, одежду, заключил с помещиком контракт, по которому обязался пожизненно бесплатно работать на земле помещика. Только так смог он выполнить приговор суда.

Ли И нанялся на шелкомотальную фабрику, но надсмотрщик, увидев, что на руке у него не хватает двух пальцев, избил его и выгнал.

Два года он работал рикшей у торговца хлопком. Ночью торговец привязывал его к тюкам хлопка, чтобы Ли И сторожил их.

Потом Ли И поступил на шахту, где добывали сурьму. Карабкаясь по стволу шахты, по мокрым бамбуковым лестницам с тяжелым мешком руды за плечами, он сорвался вниз и, падая, убил одного из шахтеров. Надсмотрщики решили повесить Ли И. Тогда к месту казни собрались шахтеры, они набросились на надсмотрщиков, отняли Ли И, отнесли в пещеру и там выходили: у него самого были сломаны ребра и перебиты ноги.

Ли И пришел в Кантон. Он сражался в рядах коммунаров до последнего часа существования Коммуны. Раненого Ли И гоминдановцы приволокли на берег реки и вместе с другими коммунарами, поставив на краю пристани, расстреляли. Но Ли И был сыном рыбака, — несмотря на две раны, он поплыл под водой и зарылся в прибрежную тину. Спустя несколько дней он был снова пойман и заключен в каторжную тюрьму. Через шесть лет он бежал.

В горах Ли И организовал партизанский отряд, но был пойман японцами. Его приковали к колесу — откачивать воду из шахты, где работали каторжники. Два года он перетирал звено цепи кам-

Женщины за чтением газеты.

Народный герой Лю Чжи-дань среди крестьян.

[1] Восстание кантонского пролетариата в декабре 1927 года. Избранное в дни Кантонской коммуны народное правительство приняло декреты об аннулировании неравноправных договоров с империалистическими державами, о конфискации помещичьей земли и передаче ее крестьянам, о восьмичасовом рабочем дне, о создании Красной Армии из рабочих и крестьян.
Кантонская коммуна была зверски подавлена гоминдановцами при помощи американских, английских и японских империалистов. Американские и английские корабли варварски бомбардировали город. После разгрома Кантонской коммуны многие участники ее ушли с оружием в руках поднимать народные массы Китая на дальнейшую борьбу.

нем, пока не удалось сломать его и убежать.

Он снова вступил в партизанский отряд, совершил много подвигов. В 1949 году вместе с частями Народно-освободительной армии он вернулся в Кантон.

Здесь Ли И по заданию партии работал по переселению на землю сотен тысяч жителей плавучих селений. Эти люди до освобождения страны принадлежали к самым презираемым и были лишены права жить на суше.

Ли И изучил агрономию и, кочуя по плавучим селениям, рассказывал людям, какие великие богатства таит плодородная земля Гуандуна. Он страстно боролся за то, чтобы эти люди жили на полях, в лимонных и апельсиновых рощах, чтобы они стали вместе со всем китайским народом творцами новой жизни.

Вот почему во время нашей встречи с Ли И он с такой жадностью выспрашивал меня о способах посадки цитрусовых деревьев, о мичуринских методах советских садоводов.

И сейчас здесь, в Кантоне, я очень хотел повидаться с Ли И.

Водоносы.

Работник местного городского профсоюза грузчиков Шэнь Хунхуа был человеком не очень разговорчивым. Но после того, как он узнал, что я хочу встретиться с Ли И, он долго звонил по телефону разным людям и наконец с извиняющейся улыбкой сказал, что не может обнаружить товарища Ли И ни в одном из учреждений, где тот обычно бывает, но, может быть, если я соглашусь подождать, он пошлет в порт человека, который постарается найти товарища Ли И. Чтобы не терять времени, я попросил проводить меня в порт.

Я вышел на набережную Жемчужной реки в сопровождении Яо Хуа, человека лет сорока, с доброй улыбкой и глубоким, страшным шрамом, рассекавшим лицо от виска до подбородка. Могучая река мчалась к океану, вздуваясь мощными буграми беспенных волн. Она была сплошь усеяна сампанами и джонками. Мускулистые полуголые рыбаки в цветных косынках на головах выбрасывали из лодок улов.

Чайки со злыми криками пытались на лету перехватить из рук людей сверкающую рыбу. Тяжелые, как камни, крабы с деревянным стуком падали в открытые тростниковые мешки. На больших океанских лодках причаливали к берегу ловцы акул. Они выгружали сизые окровавленные акульи туши с оскаленными пастями, наполненными до самой глотки остроконечными зубами.

А на пристани грузчики, быстро и ловко подхватывая короткими железными крючками тюки хлопка, складывали из них на пирсе гигантскую пирамиду, которая скоро скрыла за собой четырехэтажное портовое здание. Нельзя было не залюбоваться их спорой, дружной работой, сопровождавшейся мерным, ритмичным боем барабана, по которому стучал ладонями лысый старик.

Время шло, а Ли И все не показывался. Мой спутник, повидимому, решил облегчить мне ожидание. Он завел разговор о Шэнь Хун-хуа, работнике профсоюза грузчиков, у которого я только что побывал. И вот что я узнал, сидя на тюке хлопка, о Шэнь Хун-хуа из уст Яо Хуа — его сослуживца:

— Отца Шэнь Хун-хуа убил надсмотрщик Цзень, приняв его за студента Ши Дена, изгнанного из университета за революционную деятельность и поступившего работать в порт простым кули.

Цзень посетил потом вдову и объяснил ей, что его ввела в заблуждение шляпа, которая была на голове покойного. «Но кто мог подумать, что студент подарит свою шляпу Шэню?» — добавил Цзень.

Цзень согласился взять сына вдовы, тринадцатилетнего Шэнь Хун-хуа, в артель грузчиков. Но согласился он на это лишь после того, как вдова отдала ему единственную свинью, которую семья Шэнь откармливала два года мясом черепах и рыбьими внутренностями.

Шэнь Хун-хуа стал кули. В Кантонском порту грузчиков-кули было свыше 250 тысяч. Большая часть их была постоянно без работы.

Порт был разделен на ряд участков, которые арендовались старшинами. Старшинами были помещики, владельцы магазинов, увеселительных заведений, ростовщики, которые никогда и не показывались в порту. Управляли же грузчиками надсмотрщики, вооруженные пистолетами, кастетами, бамбуковыми палками с залитым внутрь свинцом. Кули не имел права переходить из одной артели в другую, даже если долгое время оставался безработным. Ослушников убивали надсмотрщики или члены террористических тайных обществ, состоявших на содержании старшин.

Стадо овец.

В лучшие дни грузчики зарабатывали 80 центов, а обед в харчевне стоил два гонконгских доллара, пачка самых дешевых сигарет — полтора доллара. Кули не имел ни жилища, ни семьи, ни одежды. Тряпка, обмотанная вокруг бедер,— вот все, что у него было.

Когда гоминдановцы терпели поражение на фронте, они устраивали облавы на кули и связанных уводили, чтобы сделать из них солдат и послать на фронт. Десятки тысяч кули по контрактам, заключенным с кровососами-старшинами вывозились из Кантонского порта в трюмах американских кораблей в страны Южной Америки, где их продавали в рабство владельцам плантаций.

Но, как ни чудовищно тяжела была жизнь кули, ничто не может погасить надежды в человеческом сердце. Ночью на плотах, уставленных бамбуковыми нарами, густо начиненными людьми, кули рассказывали о себе. Тайные агенты старшин не решались появляться здесь ночью.

Был там старик Сю Юань; он два года нападал на помещичьи усадьбы со своими сыновьями, вооруженными копьями из заостренного ствола бамбука. Там ютилась Ши Нин, у которой помещица выколола глаза ножницами за то, что куры Ши Нин были застигнуты на поле помещицы. Здесь был Лу Чин, у которого помещик изнасиловал семилетнюю дочь. По ночам люди изливали свою ненависть к поработителям, не боясь предательства и доносов, но и не зная еще, как сделать свою ненависть силой...

Шэнь Хун-хуа много лет работал кули. Однажды он встретил в порту бежавшего из тюрьмы бывшего студента Ши Дена. И хотя Шэнь Хун-хуа считал его косвенным виновником гибели отца, он помог Ши Дену скрыться в плавучих трущобах. По ночам Ши Ден беседовал с Шэнь Хун-хуа. Он открыл ему глаза на то, как народ должен бороться за свою жизнь.

Засыпка зерна в закром.

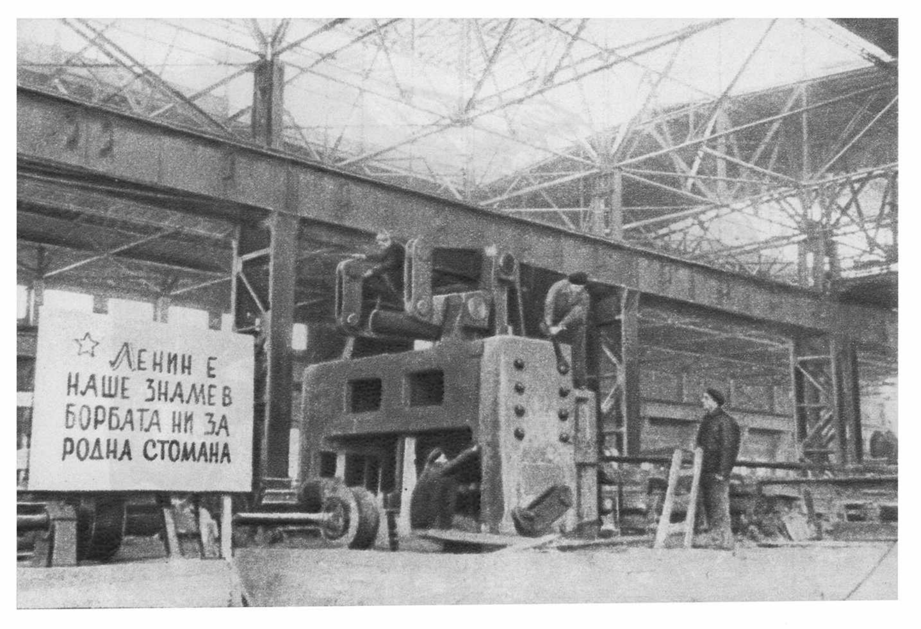
Ши Ден умер. Шэнь Хун-хуа стал передавать его слова людям. Но какой-то предатель выдал его полиции.

Шэнь Хун-хуа долго пытали, потом судили и приговорили к пожизненным каторжным работам в медных рудниках. Семь лет он пробыл в медных рудниках, не видя солнца. После того, как народная армия освободила его, он пришел в порт и снова стал грузчиком. Здесь на курсах профсоюзных активистов он научился грамоте и был избран в состав руководителей Союза портовиков...

Когда катер, на котором меня должны были доставить к Ли И, подходил к пристани, я был удручен тем, что упустил еще одну возможность: побеседовать с Шэнь Хун-хуа, оказавшимся человеком с такой героической биографией...

На постоялом дворе.

Металлургический завод имени Ленина. В прокатном цехе монтируются четырехсоттонные «ножницы» для резки металла.

Под солнцем свободы

Крум ХРИСТОВ

Еще не так давно Болгария не доставляла больших трудов западным географам, экономистам, историкам: раз навсегда среди них было принято, что это «отсталая, бедная страна, одна из наиболее отсталых в Европе».

Да, это верно, при капиталистах и помещиках четыре пятых болгарского народа жили в деревнях, обрабатывая землю прадедовским способом. До полутораста тысяч крестьянских хозяйств имело не более чем по гектару земли, у них не было сельскохозяйственного инвентаря и рабочего скота.

В Болгарии почти не было промышленности: добывалось немного угля, совсем не выплавлялось металла. Каждый плуг, каждый гвоздь ввозились из Германии; каждая пуговица покупалась за границей. Болгарские виноградники гибли бы без английского медного купороса, деревни тонули бы во мраке без голландского керосина. Кожевенные, хлопчатобумажные предприятия зависели от ввозного сырья.

Болгария была колонией. Иностранные компании, главным образом немецкие, обосновались в важнейших отраслях ее экономики. Это они утверждали состав «болгарских» правительств; это они добивались отставки неугодных министров и захватывали все: концессии на хищническую вырубку лесов в болгарских горах, на эксплуатацию энергии болгарских рек, на залежи руды и угля. Только между первой и второй мировыми войнами иностранный капитал выкачал из Болгарии 300 миллиардов левов в виде репараций и около 700 миллиардов левов прибылей от своих предприятий.

Платные агенты иноземных дельцов пускали в ход гнусные расистские теории: болгарский народ якобы не способен овладеть сложным промышленным производством, его удел — пахать землю деревянной сохой. Но иностранные капиталисты занимались не только «теориями»: они всеми средствами задерживали развитие болгарской экономики. Разительный пример: когда в 1878 году русский народ освободил болгар от турецкого ига, в стране было свыше 80 процентов крестьян, а когда Советская Армия освободила в 1944 году Болгарию от фашистского рабства, процент крестьян оставался тем же.

Болгария имела такой низкий доход на душу населения, что из двадцати семи обследованных капиталистических стран более низкая цифра приходилась только на долю Индии.

* * *

В сентябре 1944 года Советская Армия разорвала империалистические оковы, душившие Болгарию, и принесла ей национальную независимость и свободу.

Со дня, когда болгарский народ стал хозяином своих судеб, прошло всего девять лет. Но вот восемнадцатого июня этого года ТАСС сообщило из столицы Индии Дели:

«...Заключено болгаро-индийское торговое соглашение сроком до 31 декабря 1954 года. Болгария будет экспортировать в Индию: молотилки, пневматические насосы, токарные станки, эксцентрические прессы, электромоторы, продукцию химической, керамической, стекольной, деревообделочной и пищевой промышленности».

В том же месяце во дворе Государственного механического завода, возле громадных ящиков с болгарскими машинами, упакованными для отсылки в Китайскую Народную Республику, состоялся митинг. «Наш коллектив,— сказал директор завода Иван Петков,— может законно гордиться. В битве за мир, в ответ на провокации поджигателей войны мы посылаем братскому Китаю сотни машин для мирного строительства».

...Да, ныне Болгария производит и вывозит в другие страны дизель-моторы и электромоторы, трансформаторы, телефонные аппараты и коммутаторы, товарные металлические и железобетонные баржи. Она вывозит в Венгрию, Польшу, Германскую Демократическую Республику и другие страны серную кислоту, карбид, канифоль, искусственные удобрения. Болгария вывозит в капиталистические страны цемент, спички, стекло, фаянсовые изделия, глицерин, машины, асбоцементные трубы. Кроме Советского Союза и стран народной демократии, в списке стран, с которыми ведет торговлю народно-демократическая Болгария, мы видим Францию, Швейцарию, Италию, Австрию, Турцию, Сирию, Ливан, Египет, Израиль, Индию, ряд стран Латинской Америки.

Народно-демократический строй, утвердившийся после 9 сентября 1944 года, преобразил страну. Болгарский народ пошел гигантскими шагами, подобно герою нашего народного эпоса королевичу Марко, вперед, к новой жизни.

Разработанный по предложению Центрального комитета Болгарской Коммунистической партии пятилетний план развития народного хозяйства (1949—1953 годы) был выполнен к концу 1952 года, а по ряду показателей даже перевыполнен. План промышленного производства был выполнен за 3 года и 10 месяцев.

Молодое болгарское машиностроение освоило производство более чем ста тридцати видов машин. На поля двинулись отечественные сельскохозяйственные машины — тракторные рядовые сеялки, сноповязалки, бороны. Поднялись ввысь трубы химической промышленности, в народное хозяйство пошли болгарская серная и азотная кислота, аммиак, дубильные экстракты, анилиновые краски, лекарства.

Говорят иногда, что цифры скучны. Но в цифрах, о которых пойдет речь, бьется сердце нашего народа, вступившего в новую эпоху своего существования.

Уже в прошлом году мы добыли втрое больше угля, чем до войны, в три с половиной раза больше обрабатывается металла на наших машиностроительных предприятиях. Текстиля, кожи, обуви — всего этого выпускается в 2—3 раза больше, чем пять лет назад!

Иным стало, поднялось, потянулось к солнцу болгарское село. В трудовые кооперативные земледельческие хозяйства вступила основная часть бедняков и середняков: они на собственном опыте убедились, сколько преимуществ и выгод в коллективном труде на земле. Урожаи колосовых культур подтвердили это: они превзошли почти на треть урожаи довоенных лет.

Площадь под хлопком в семь раз больше сейчас, чем площадь 1939 года, под табаком — вдвое, под сахарной свеклой — в три с половиной раза.

Пятилетка дала сельскому хозяйству свыше 12 тысяч тракторов (в переводе на пятнадцатисильные). За то же время из братского Советского Союза пришло 1 363 комбайна.

Бурное развитие народного хозяйства дало возможность полностью покончить с карточной системой, развернуть торговлю по единым розничным ценам. Денежная реформа (1952 год) укрепила болгарскую валюту, повысила покупательную способность лева. Дважды снижались государственные розничные цены. В прошлом году население получило почти в 4 раза больше масла, в 5 раз больше яиц, вчетверо — кондитерских изделий, почти на 50 процентов больше мяса, чем в 1948 году.

Болгарский народ начал широко пользоваться благами культуры. Построено около трех с половиной миллионов метров жилой площади. В прошлом году высшую школу окончило почти в 5 раз больше студентов, чем в 1939 году. Затраты на образование, культуру, искусство увеличились по сравнению с 1939 годом в 120 раз!

* * *

Ныне вместе с десятками новых заводов, электростанций, водохранилищ, школ, общественных зданий растут и новые люди, смелые и дерзкие, умеющие претворять свои мечты в жизнь. Страна узнает о новых десятках Героев Социалистического Труда, о тысячах новаторов в промышленности, о мастерах высоких урожаев в сельском хозяйстве.

Достигнутые успехи вдохновляют на новые, еще более смелые подвиги. Мы скоро будем добывать свою собственную нефть. Вступает в строй металлургический завод имени Ленина, который даст первую болгарскую сталь. Строится второй гигант нашей химической промышленности, завод имени Карла Маркса. Строятся десятки новых предприятий, электростанций, водохранилищ, вырастают новые города.

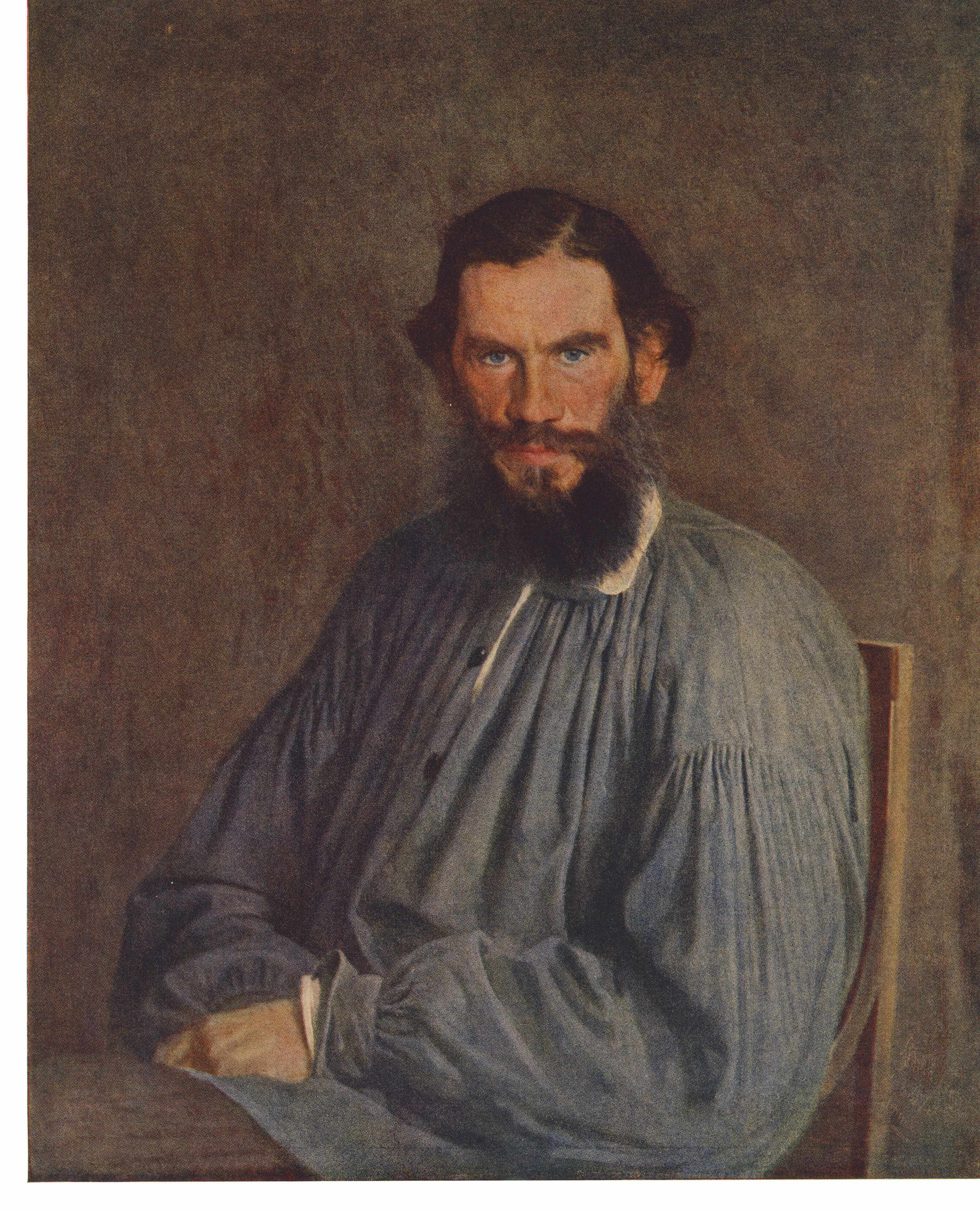
Спросите любого болгарина, в чем источник этих достижений, и вам напомнят слова товарища Вылко Червенкова: «Мы прежде всего должны указать на всемирно-историческое дело Великой Октябрьской революции, на наличие ее гигантского детища — Советского Союза и его постоянной помощи, на наше сотрудничество с Советским Союзом и странами народной демократии. Без этого мы не только не могли бы говорить об успехах индустриализации нашей страны, но и не существовали бы как свободная страна».

Есть в Болгарии священные для болгарского народа места: Свиштов, Стара-Загора, Шипка, Плевна. Они напоминают о воинской доблести и самопожертвовании русского народа, о подвиге брата-освободителя. Наряду со старыми памятниками русско-болгарского братства высятся памятники признательности Советскому Союзу и Советской Армии-освободительнице. А вместе с ними по всей стране вырастают еще другие чудесные памятники живой, вечной дружбы между болгарским народом и народами Советского Союза: заводы и электростанции, фабрики и водохранилища.

С какой бы вершины болгарских гор ни посмотреть на нашу землю, в какой бы город и село ни приехать — везде видны доказательства этой дружбы, воплощенной в советской помощи.

Солнце этой великой дружбы и помощи освещает путь моей родной Болгарии.

София.

И. Н. Крамской. ПОРТРЕТ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО. 1873 год.

Государственная Третьяковская галерея.

«Огонек». 1953.

И. Е. Репин. ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЙ НА ОТДЫХЕ В ЛЕСУ. 1891 год.

Государственная Третьяковская галерея.

ДВОРЕЦ НАУКИ ОТКРЫТ

1 сентября — день начала учебного года, большой праздник в жизни Советской страны... Светлым и особенно радостным стал он нынешней осенью. Много новых школ, техникумов, высших учебных заведений открылось в разных краях нашей Родины.

Широко распахнулись бесчисленные двери в новых зданиях Московского университета на Ленинских горах. Открытие замечательного Дворца науки вылилось в торжество всей Москвы, всего советского народа.

Ранним утром 1 сентября на огромной территории перед Дворцом науки собрались тысячи студентов МГУ и строителей чудесного сооружения. По асфальтированным проспектам и магистралям стекались посланцы заводов и фабрик, колхозов и учреждений. Празднично одетые люди заполнили от края до края всю площадь. Многие студенты заняли «выгодные позиции» на балконах общежитий.

Над шумным человеческим морем величественно поднималось тридцатидвухэтажное главное здание. У его подножья, перед центральным входом, утопала в цветах трибуна. Солнце ярко освещало сияющие фонтаны, аллеи, гранитную баллюстраду, скульптуры.

Митинг, посвященный открытию Дворца науки.

После окончания торжественного церемониала студенты направляются в главное здание университета.

Торжественный митинг открыл секретарь МК КПСС товарищ Н. А. Михайлов. От имени и по поручению Совета Министров Союза ССР и Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза министр культуры товарищ П. К. Пономаренко поздравил коллектив строителей с успешным завершением строительства основных зданий университета, поздравил профессоров, преподавателей, научных сотрудников, студентов и аспирантов, рабочих и служащих с вступлением в строй замечательного Дворца науки и пожелал всему коллективу университета новых успехов в работе.

После выступлений председателя Моссовета М. А. Яснова, президента Академии наук СССР А. Н. Несмеянова, начальника строительства А. В. Воронкова слово взял ректор Московского университета академик И. Г. Петровский. От имени всех профессоров и преподавателей, студентов и аспирантов горячо поблагодарил он Коммунистическую партию и Советское правительство за большую заботу о студенчестве и заверил, что коллектив Московского университета выполнит с честью решения XIX съезда партии о развитии советской науки.

По поручению Совета Министров Союза ССР и ЦК КПСС товарищ П. К. Пономаренко объявил новые здания университета открытыми. Под звуки Государственного гимна разрезается ленточка перед центральным входом. После окончания торжественной церемонии колонна за колонной, с веселыми песнями студенты вошли во Дворец науки.

Ожило гигантское здание. Скоростные лифты поднимали студентов на десятки этажей вверх. Заполнились аудитории, коридоры, вестибюли, холлы, фойе. Всюду происходят волнующие сцены. Вот студенты узнали главного архитектора Л. В. Руднева и устраивают ему овацию, вот строители рассказывают студентам о горячих днях стройки...

Двенадцать часов. Первый звонок. Наступила тишина. И в этой тишине, ровно в полдень, пошли сотни электрических часов на всех этажах, во всех корпусах.

В большой аудитории «02» на первом этаже собрались студенты первого курса механико-математического факультета. Профессор А. Г. Курош, прежде чем начать лекцию о высшей алгебре, поздравляет слушателей с началом учебного года в новом здании. Он говорит, что двадцать пять лет читает лекции, но впервые так волнуется, как сегодня.

В соседней, такой же большой, аудитории «01» читает лекцию о математическом анализе действительный член Академии педагогических наук профессор А. В. Маркушевич. Во всех 148 аудиториях слышатся теперь голоса крупнейших ученых. Лекции читают академики А. Н. Несмеянов, А. Н. Колмогоров, О. Ю. Шмидт, член-корреспондент Академии наук СССР П. С. Александров и другие известные всему миру деятели науки и техники.

И вот звонок на первую перемену. В вестибюлях звучат песни, студенты первых курсов знакомятся друг с другом. Игорь Дорохов только что приехал из Новороссийска — там он работал секретарем горкома комсомола, с золотой медалью окончил вечернюю школу рабочей молодежи. Зина Игнатьева приехала из Якутии, Юля Цывинская — из Дмитровского района, Московской области, Леонид Садыков — из Киргизии; они сидят рядом и уже подружились. Вместе с ними, на первой скамье, сидят приятели Виктор Аракелян, Володя Пайразян и Генрих Вартанян. Они окончили в Тбилиси школу № 30, вместе пошли на геологический факультет и даже живут рядом, на шестом этаже.

...Окончен первый учебный день. Студенты спешат в свои комнаты, умываются, принимают душ, идут в великолепную столовую, а потом — в спортивные залы, в клуб, на вершину альпинария, на просторы Ленинских гор.

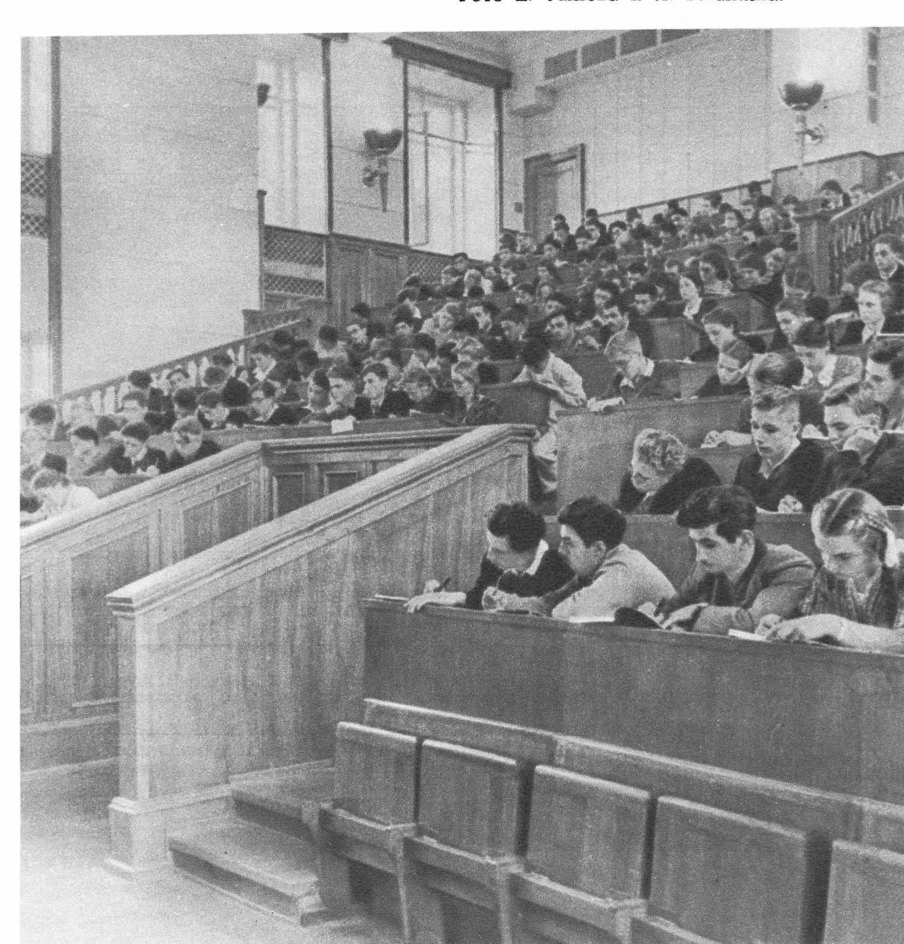
Вечером вспыхнули бесчисленные огни, и Дворец науки, залитый ярким светом, казался отлитым из червонного золота. Изумительной красоты здание отразилось в водах фонтанов и бассейна.

Над Москвой-рекой, на вершине Ленинских гор, в садах и парках лились музыка и песни, слышались счастливые голоса.

Е. РЯБЧИКОВ

Первая лекция в одной из аудиторий геологического факультета.

Фото Е. Умнова и Я. Рюмкина.

В зале заседаний сессии Верховного Совета РСФСР.
Фото А. Гостева.

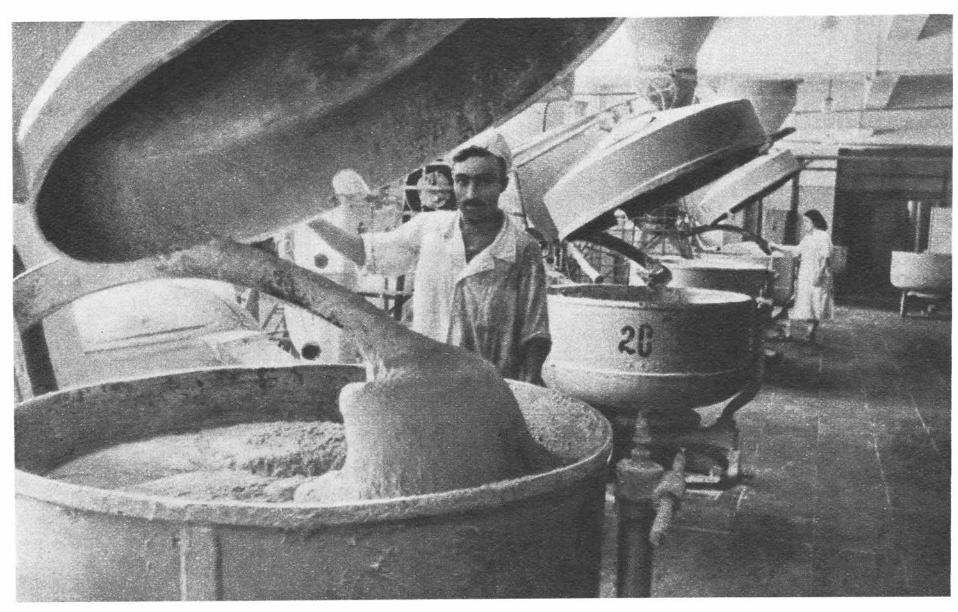
Бюджет Российской Федерации

25—27 августа состоялась третья сессия Верховного Совета РСФСР. Сессия утвердила Государственный бюджет Российской Советской Федеративной Социалистической Республики на 1953 год и отчет об исполнении Государственного бюджета РСФСР за 1951 и 1952 годы, а также утвердила ряд Указов Президиума Верховного Совета РСФСР.

Бюджет Российской Федерации отражает политику Коммунистической партии и Советского правительства, направленную на развитие и неуклонный подъем социалистического народного хозяйства, на дальнейшее повышение материального и культурного уровня жизни трудящихся.

Основная часть бюджетных средств — почти 41 миллиард рублей — направляется на социально-культурные мероприятия.

Новый хлебозавод

В цехе нового Тбилисского хлебозавода.
Фото В. Тархова.

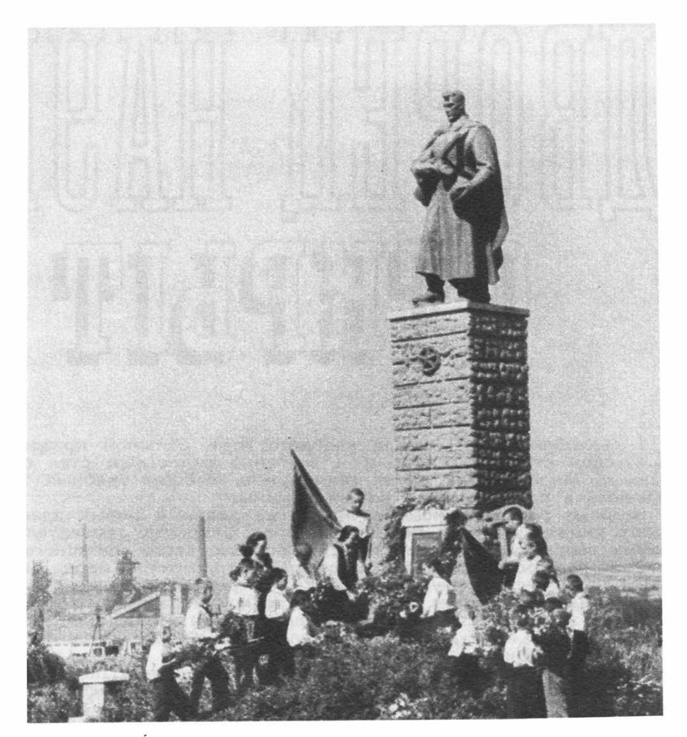
В Тбилиси вступил в строй новый крупный хлебозавод. Пятиэтажное просторное здание, светлые, чистые цехи, совершенные механизмы обеспечивают высокую культуру производства хлеба. Здесь все — от подачи муки до выемки готовых хлебов из печей — механизировано и автоматизировано.

Это пятый механизированный хлебозавод в городе. Рядом строится шестой, на базе которого будет создан учебный комбинат.

Сейчас в магазинах Тбилиси до полусотни всевозможных сортов хлеба и булок. В ближайшее время появятся новые сорта — рижский, минский, бородинский.

И. ИВЛЕВА

Дневник ОГОНЬКА

Славная годовщина

8 сентября 1953 года исполняется десять лет со дня освобождения Донбасса от немецко-фашистских захватчиков.

В сердцах советских людей вечно будет жить светлая память о героях, отдавших свою жизнь за свободу и независимость нашей Родины.

На снимке: пионеры средней школы № 15 города Краматорска возлагают цветы на памятник воинам, павшим в боях за освобождение города.

Фото Ю. Кривоносова.

ВЫСТАВКА В КОВЕНТРИ

15 августа в английском городе Ковентри, тяжело пострадавшем во время войны от бомбардировок гитлеровской авиации, состоялось торжественное открытие выставки «Сталинград сегодня». Выставка, являющаяся новым вкладом в дело укрепления дружбы между английским и советским народами, пользуется большим успехом у жителей Ковентри.

На снимке: лорд-мэр Ковентри господин Крэсвелл выступает с речью на открытии выставки.

Победа советских штангистов

В течение пяти дней в крупнейшем спортивном зале столицы Швеции Стокгольма — Эриксдальхаллене — проводились соревнования на первенство мира по поднятию тяжестей.

В первый день состязаний выступали штангисты легчайшего веса. Звание чемпиона мира завоевал Иван Удодов. В троеборье он набрал 315 килограммов.

В полулегком весе команду СССР представляли два штангиста: свердловчанин Николай Саксонов и тбилисец Рафаэл Чимишкян. Победил Саксонов, набравший в сумме троеборья 337,5 килограмма. На 5 килограммов меньше поднял Чимишкян.

Но, пожалуй, самым блестящим было выступление советских штангистов среднего веса Аркадия Воробьева и Трофима Ломакина. По сумме классического троеборья первое место занял Воробьев — 430 килограммов. Это новый мировой рекорд. Второе место занял Ломакин, третье — Стэнли Станчик (США).

Серебряной медалью был награжден советский спортсмен легкого веса Дмитрий Иванов, и бронзовой медалью — атлет полусреднего веса Юрий Дуганов.

В ходе состязаний разыгрывалось и первенство Европы. Звание чемпиона Европы присваивалось • спортсмену, показавшему лучший результат среди штангистов европейских стран, участвующих в мировом первенстве. Звание чемпиона Европы присуждено И. Удодову, Н. Саксонову, Д. Иванову, Ю. Дуганову и А. Воробьеву.

Команда СССР набрала 25 очков, команда США — 22 и команда Египта — 8.

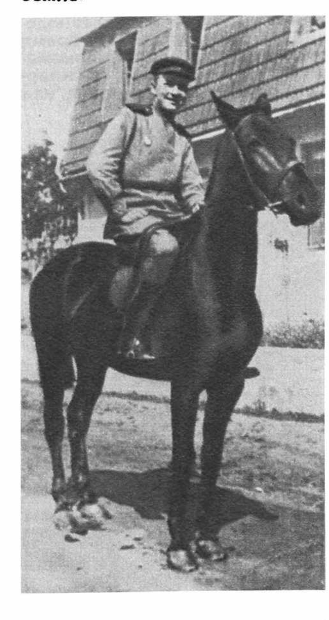
Советские штангисты вновь доказали, что являются сильнейшими в мире.

Правнуки Л. Н. Толстого

Правнуки Л. Н. Толстого (слева направо): Александр Ильич, Никита Ильич, Олег Владимирович и Илья Владимирович Толстые.

Мы познакомились на фронте в начале 1945 года. В те дни шли бои за освобождение Будапешта. Внешне он ничем не отличался от других наших солдат, разве только выдающимся ростом.

Выяснилось, что наш новый знакомый — правнук Льва Николаевича Толстого. Никита Толстой был участником Отечественной войны советского народа с германским фашизмом. Вместе со своей частью он праздновал победу уже на австрийской земле.

Гвардии рядовой Никита Толстой. Снимок сделан в 1945 году в окрестностях Вены.

...Недавно мы встретились в Москве. Никита Толстой сменил гимнастерку с медалями и гвардейским значком на пиджак с университетским значком.

— Помните, однажды в Венгрии я говорил вам, что хочу учиться в Московском университете,— сказал Никита Толстой.— Вот и сбылось мое желание. Три года назад я окончил славянское отделение филологического факультета, получил диплом с отличием, был рекомендован в аспирантуру МГУ.

Сейчас у Никиты Толстого горячая пора. Он много работает, готовится к защите диссертации. Тема его научной работы — сравнительная грамматика славянских языков.

Никита Толстой не только работает над диссертацией: он преподает болгарский язык, сотрудничает в Большой Советской Энциклопедии, для которой пишет статьи по славянской филологии, перевел несколько произведений болгарских писателей на русский язык.

...Иногда встречаются все проживающие в Москве четыре правнука Льва Николаевича Толстого. Один из них, Александр Ильич,— геолог.

Олег Владимирович и Илья Владимирович Толстые — родные братья. Оба они комсомольцы. Олег — студент третьего курса Московского государственного художественного института имени Сурикова. Недавно он написал картину, изображающую великого его прадеда Льва Николаевича за чтением. Самый младший из правнуков, Илья Владимирович,— студент четвертого курса филологического факультета Московского университета.

М. ЛЕОНИДОВ

Полтора месяца в столице

Закончились гастроли новосибирского драматического театра «Красный факел». За полтора месяца театр показал в Москве десять постановок, которые просмотрело около шестидесяти тысяч зрителей. Москвичи усердно посещали спектакли новосибирцев. Объясняется это, разумеется, тем, что в своем большинстве это были хорошие спектакли.

«Красный факел» — зрелый, талантливый коллектив. Его работы отличают глубина проникновения в драматургический замысел, подлинно художественное раскрытие мысли пьесы.

Горький и Чехов — любимые писатели новосибирских артистов. Среди наиболее значительных их постановок — «Чайка» и «Зыковы». «Зыковы» идут в Новосибирске вот уже одиннадцать лет, и спектакль, отнюдь не утративший своей молодости, попрежнему оставляет впечатление чеканной рельефностью сценических образов.

Нелегко бывает в нескольких словах определить, в чем заключается своеобразие творчества целого коллектива. Но вряд ли будет ошибкой сказать, что новосибирцы стремятся в сценическом искусстве воплотить горьковские принципы творчества: верность жизненной правде, строгий отбор деталей, выявление типического в характерах персонажей.

Думается, что молодой новосибирский журналист В. Лаврентьев, автор пьесы «Кряжевы», учился драматическому мастерству прежде всего на спектаклях «Красного факела». Пусть пьеса получилась еще несовершенной: порой журналистская публицистика берет в ней верх над писательской образностью. Однако лучшие ее страницы навеяны самой жизнью, раскрытой наблюдательным драматургом. Актерам, исполняющим роли Кряжевых, есть над чем подумать, есть что играть. Совершенно закономерно, что пьеса «Кряжевы» родилась в содружестве с театром, им и поставлена.

Двадцатилетняя история рабочей семьи Кряжевых в общем увлекательно рассказана театром. Крупный и очень жизненный характер старого кровельщика Михея Федоровича мастерски воплощен артистом А. Аржановым. Множество свежих черточек нашла В. Капустина для обрисовки обаятельного образа Надежды. Немало в «Кряжевых» и других интересных образов и жизненно верных положений.

Непрерывное нарастание успеха характеризует гастроли новосибирцев.

Главный режиссер театра заслуженный деятель искусств В. П. Редлих рассказывает:

— Когда мы собирались в Москву, нашлись люди, которые говорили: «Учтите, что летом зрители неохотно посещают серьезные спектакли. Так что берите с собой что-нибудь развлекательное». Прогнозы маловеров провалились. Больше всего зрителей привлекли «Зыковы», «Чайка», «Вей, ветерок», «Кряжевы». Но мы не жалеем, что привезли и остальные спектакли. Хотелось, чтобы москвичи увидели наших актеров в самых разнообразных ролях, чтобы наша работа получила в столице всестороннюю оценку. И мы очень благодарны зрителям, мастерам искусств, критикам, которые нам указали на серьезные недостатки в нашей работе. Итоги гастролей мы собираемся подводить не день и не два. Главное, что нам предстоит,— повысить требовательность к себе, смелее обогащать репертуар, расширять знание жизни.

До сих пор у нас в репертуаре нет современной сатиры. Мы собираемся восполнить этот пробел постановкой комедии В. Минко «Не называя фамилий». В ближайших планах театра — «Бесприданница» и «Женитьба Фигаро».

У новосибирского театра хорошее настоящее. Есть все основания предполагать, что будущее предстоит ему еще лучшее.

Вл. БОРИСОВ

Сцена из спектакля «Зыковы» М. Горького. Слева направо: Михаил — С. Галуза, Шохин — А. Аржанов, Софья — народная артистка РСФСР К. Гончарова.
Фото Н. Ситникова (ТАСС).

Самый большой магазин

Огромное здание ГУМа на Красной площади в Москве передается под торговое предприятие: в нем возрождается крупнейший в стране Государственный универсальный магазин.

Здание это, называвшееся Верхними торговыми рядами, было построено архитектором А. Н. Померанцевым в 1893—1894 годах. В советское время здесь был открыт Государственный универсальный магазин — один из лучших в столице.

Возрожденный ГУМ представит собой два магазина: универсальный магазин по торговле товарами народного потребления и «Гастроном».

Универмаг займет площадь 47 тысяч квадратных метров. В нем будут одновременно работать 870 продавцов. Достаточно сказать, что нынешний самый большой в Москве Центральный универмаг занимает лишь 18 тысяч квадратных метров торговой площади и в нем 560 продавцов. Новый продовольственный магазин по размерам и числу продавцов превзойдет широко известный столичный «Гастроном» № 1 на улице Горького.

Здание ГУМа уже освобождается от размещавшихся здесь учреждений. Генеральный проект реконструкции составляет коллектив «Союзгипроторга» во главе с архитектором Б. А. Соболевским. Технологическая часть проекта разрабатывается инженером Л. Е. Пенелис. Консультирует работы доктор архитектуры В. К. Олтаржевский, бывший в молодые годы учеником строителя этого дома А. Н. Померанцева.

— Внутреннее устройство здания,— говорит архитектор Б. А. Соболевский,— подвергнется полной реконструкции. Вместо небольших помещений здесь будут обширные залы. Первый этаж представит собой площадь с фонтаном в центре, украшенную зеленью и цветами.

Прилавки, витрины, шкафы протянутся по всему зданию, общая длина их составит почти 5 километров. Оборудуются усиленная вентиляция с подачей кондиционированного воздуха, сигнализация, связь. В подвалах устраиваются металлические стеллажи, протяженность которых составит 10 километров, и подвесная дорога для доставки товаров. Почти 50 лифтов будут подавать грузы на верхние этажи. Отсюда их на автокарах развезут по отделам универмага. Для внутренней отделки помещений строители применят мрамор, гранит, бронзу.

Директор Государственного универсального магазина А. В. Моргунов сообщил корреспонденту «Огонька»:

— ГУМ будет торговать всеми товарами народного потребления, ассортимент включит десятки тысяч наименований. Уже в этом году оборот универмага проектируется в сотни миллионов рублей.

На первом и втором этажах разместятся залы, где будут продавать ткани, галантерею, велосипеды, готовое платье, меха, белье, обувь, детские вещи, а также продовольственные товары. В малом корпусе универмага, который находится в Ветошном переулке, напротив главного здания, покупатель найдет предметы домашнего обихода.

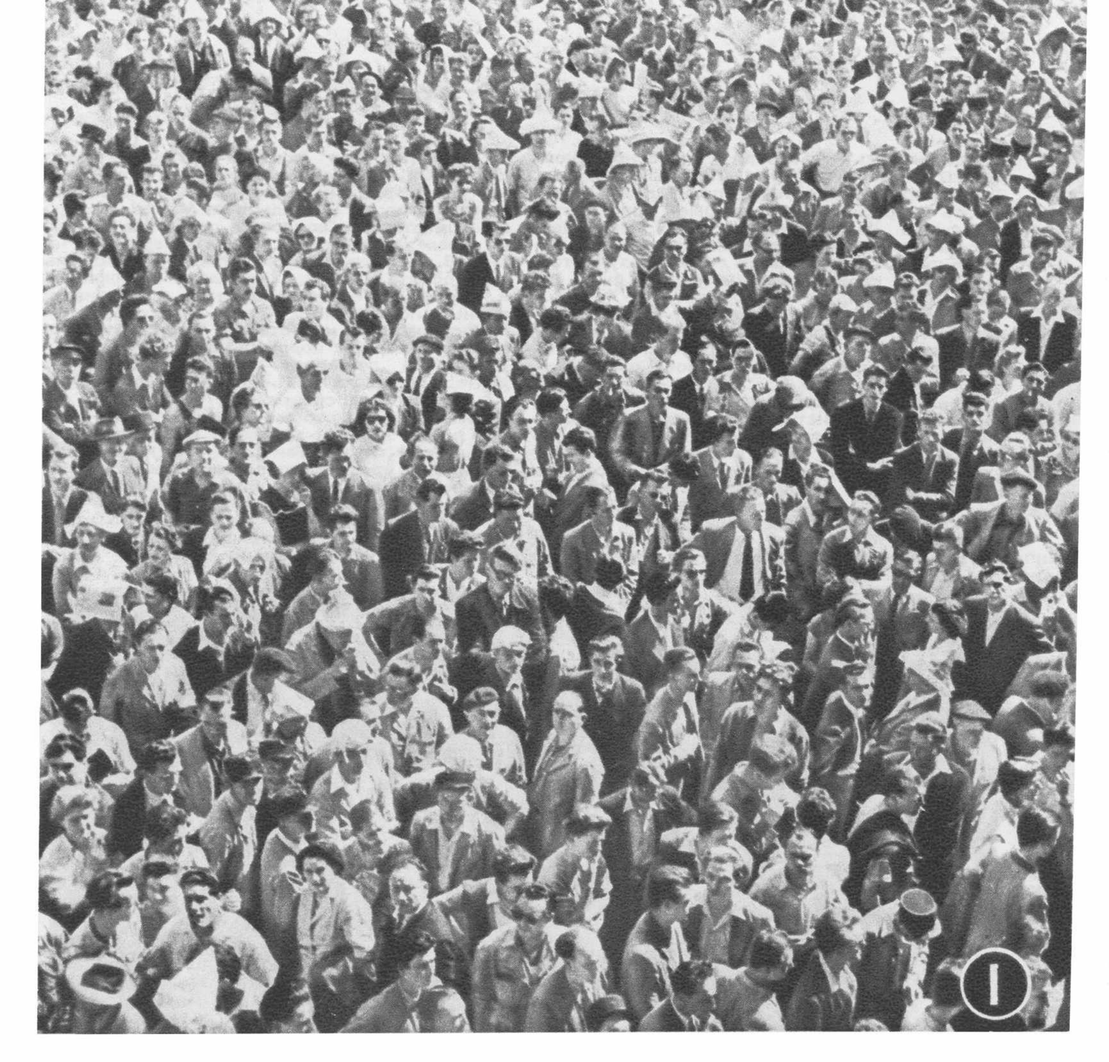
В ряде отделов в отличие от существующих магазинов вообще не увидишь прилавков: продажа таких товаров, как меха, модельная обувь, готовое платье, будет производиться в салонах. В каждом отделе организуется продажа так называемых «сопутствующих» товаров: например, купив обувь, можно тут же приобрести колодки, стельки, шнурки.

Третий этаж ГУМа предназначен для производственных предприятий. Ателье по пошиву дамского, мужского и детского платья, головных уборов, модельной обуви займут большие залы.

В магазине откроются закусочная, буфеты, столовая, камера по хранению вещей, бюро обслуживания, которое может собрать покупки в отделах, упаковать их и доставить на дом, справочное бюро, почтовое отделение, мастерская по гравировке надписей на металле, стекле и фарфоре, комната матери и ребенка.

Я. ЯКОВЛЕВ

БАСТУ

Г. РАССАДИН

Мощное забастовочное движение, направленное против чрезвычайных декретов французского правительства, против политики нищеты и гонки вооружений, охватило свыше четырех миллионов трудящихся Франции.

Связисты и электрики, железнодорожники и шахтеры, чиновники государственных учреждений и работники коммунального хозяйства показали исключительное мужество, твердость и единство в борьбе за свое право на хлеб, на человеческие условия жизни.

Первыми объявили забастовку парижские связисты. Их примеру последовали все двести тысяч работников почты, телеграфа и телефона Франции.

На снимке (1) запечатлен массовый пятнадцатитысячный митинг связистов Парижского района, состоявшийся в помещении биржи труда в Париже.

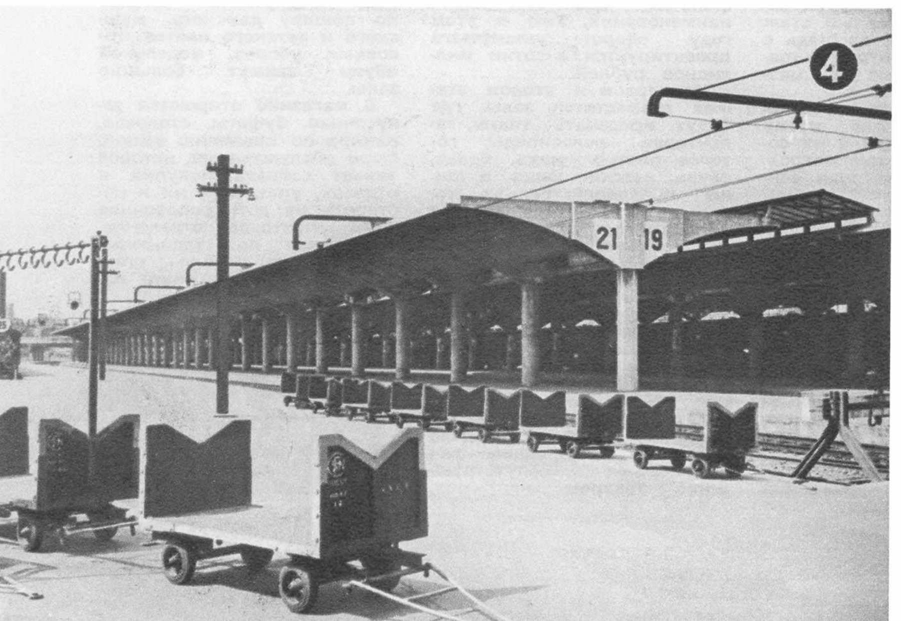
Прибывшие на митинг не смогли уместиться в зале. Огромная толпа собралась у входа в помещение биржи труда на улице Шатодо. На митинге выступили представители Всеобщей конфедерации труда, «Форс увриер», католических и автономных профсоюзов. Был создан совместный Координационный комитет для руководства забастовкой связистов Парижского района.

Французские власти пытались сорвать забастовку связистов, мобилизовав в качестве штрейкбрехеров солдат и полицейских (снимок 2). Однако эти попытки потерпели неудачу. Единству и организованности бастующих связистов они не в состоянии были помешать. Движение корреспонденции, посылок было парализовано. На Восточном вокзале (снимок 3) почтовые посылки лежат неразобранными.

Забастовка распространилась на всю железнодорожную сеть. Пустующие вокзалы стали во время забастовки обычным явлением. Снимок (4) показывает один из вокзалов Парижа — вокзал Монпарнас — в дни забастовки. На снимке (5) мы видим, как

ЮЩАЯ ФРАНЦИЯ

у подъезда Лионского вокзала пассажиры напрасно ожидают поездов, которые, однако, не ходят.

Забастовка французских трудящихся оказалась весьма неприятным сюрпризом для американских туристов, привыкших путешествовать по Европе с комфортом. Многие из них вынуждены были отправиться восвояси, но и это не так легко было сделать. На снимке (6) — группа американских туристов у входа в пароходную контору «Юнайтед Стейтс Лайн» в тщетном ожидании автобусов, чтобы отправиться в порт Гавра.

Американские солдаты привыкли себя вести во Франции, как в своей вотчине. Но вот... явившись на вокзал Аустерлиц в Париже, группа солдат вынуждена повернуть обратно. Поезда стоят (снимок 7).

Движение парижских автобусов и метрополитена остановилось полностью во время забастовки. На снимке (8) — группа бастующих машинистов метро.

Парижские улицы в дни забастовки оставались заваленными мусором, не убираемым никем. На снимке (9) — неубранный мусор в так называемом «чреве Парижа» — квартале рынков.

Идея единства все больше проникает в сознание французских трудящихся, несмотря на предательские действия верхушки «Форс увриер» и католических профсоюзов. Рабочие, объединяемые Всеобщей конфедерацией труда, рабочие, принадлежащие к «Форс увриер», рабочие-католики идут рука об руку в борьбе за хлеб и свободу, против политики голода и попрания демократических прав трудящихся.

Вот идут по улице металлисты завода Рато в Ля Курнёв (снимок 10). Они демонстрируют единство в борьбе за свои требования. Демонстрацию возглавляет Комитет единых действий, созданный из представителей ВКТ, католической профсоюзной организации и неорганизованных рабочих.

«За единство действий, как в 1936 году!» — гласит лозунг, который несут демонстранты.

Париж, август.

ЯСНАЯ ПОЛЯНА

Мариэтта ШАГИНЯН

1. Народная тропа

Меняются формы жизни, средства передвижения, сами дороги, но то, что Пушкин назвал когда-то «народною тропой», объединяя в этом крылатом выражении и память народа о своем гении, и народную любовь к нему, и движение народных масс к тому материальному, что осталось от него во времени,— эта «народная тропа» не зарастает и не пустеет. По словам бывшего секретаря Толстого В. Ф. Булгакова, «до 50 тысяч человек посещает в год Ясную Поляну».

Чудесно изменилась жизнь русского народа с той поры, как ночью 10 ноября 1910 года Лев Николаевич постучался к спавшим кучерам и на пролетке — она и теперь стоит в конюшне с застегнутым кожаным фартуком, старомодная, на железных колесах — выехал в темноте на ближайшую станцию. Рабочий с факелом, пробираясь впереди коляски, освещал дорогу. Так начался исход Толстого из Ясной Поляны, предсмертный разрыв его с собственностью и комфортом, дорога к смертному часу на станции Астапово (теперь «Лев Толстой»).

Нынче по всем дорогам, ведущим в Ясную Поляну, едут на автобусах, мотоциклетках, легковых машинах сотни людей ежедневно, чтоб побывать в усадьбе, где протекла почти вся жизнь Льва Толстого, на зеленой его могиле в глубине густого парка, в заповедных местах, связанных с образами его творчества. И если ехать по симферопольской магистрали, даже никуда не сворачивая, а только внимательно подмечая все встречное на пути, получаешь яркое представление о величине происшедших изменений.

По обе стороны дороги — те же как будто прелестные поля и перелески, скромная природа центральной полосы России, запечатленная классиками русского искусства. Но хоть и те же, а все не те они. Нет прежней первобытности, пустынности, «глухомани» русского пейзажа, подступавших подчас даже и к дороге в виде зеленых заболоченных низин с их острым запахом гниения, или испорченных, исковерканных пожарами черных древесных остовов в лесу; земля лежит обжитая и выхоженная, леса обегают дорогу чистые и ровные, и сама дорога благоустроена; все говорит о многолетней, большой культуре, вложенной в землю, о машинах и удобрениях, труде и усилии светлого человеческого разума.

Вот ползет по асфальту огромный комбайн, за ним другой; бронзовые, по пояс голые комбайнеры за рулем,— это мощная техника перебирается на новое место уборки. А рядом, скользя по шоссе, как по бархату, плавно проходят красивые, яркие автобусы с надписями на лбу «Москва — Симферополь — Ялта», «Москва — Тула», «Москва — Орел». Из окон, полуприкрытых занавесками, выглядывает лицо пассажира, чуть сонное: он уже привык к этим рейсам. А сами вы то и дело обгоняете в пути велосипедистов в голубых, красных, белых шелковых рубашках с черными номерами, нашитыми на спине: «199», «54», «59»... Это не москвичи,— это местный велопробег не то городского, не то колхозного спортивного коллектива.

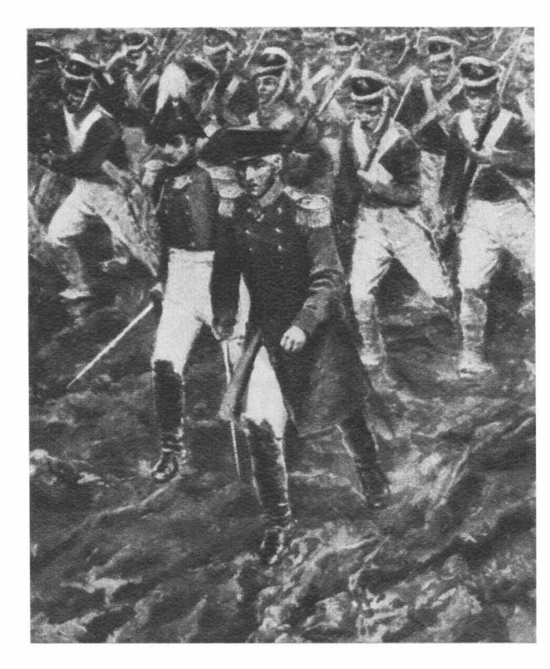
Вы мчитесь мимо старого, живописного Серпухова и нечаянно выхватываете глазами надпись на афише: здесь гастролирует Краснодарский театр музыкальной комедии. И когда подъезжаете к Туле, невольно опять ищете театральную афишу. Так и есть, тут гастролирует уже другой театр — Брянский драматический. Казалось бы, такие обыденные, простые вещи. А ведь они говорят о движении всей нашей страны. Весь огромный ее массив, вся ширь и глубь народной русской жизни должны были всколыхнуться, сдвинуться годами работы на каждом участке, в каждом углу, чтоб маленькие города стали большими городами, зажили высокой, общекультурной жизнью и чтоб театры каждого из них смогли обходить всю страну — от Кубани до Серпухова, от Брянска до Тулы. Вот по какой народной тропе текут и текут сейчас народные массы к Ясной Поляне.

Въезд в нее начинается двумя старинными белыми башнями, между которыми раньше висели железные ворота. Этих ворот сейчас нет, посетители проходят свободно в густую широкую еловую аллею (раньше она была светлая и березовая) и по этому «прешпекту», как звали его дед Льва Толстого по матери, князь Н. С. Волконский, и списанный с него старый князь Н. А. Болконский в «Войне и мире», вступают на территорию усадьбы. Старого большого дома, где родился Толстой, давным-давно нет,— Толстой его продал на «разбор и перенос» еще в молодости, а на месте его стоит камень от фундамента с надписью: «Здесь стоял дом, в котором родился Лев Толстой». Но знаменитый «кожаный истертый диван», на котором он родился, описанный до мелочей и в «Войне и мире», и в «Анне Карениной», и в «Детстве», стоит, только уже обитый клеенкой, в кабинете Толстого, во флигеле, разраставшемся с течением времени пристройками и превратившемся в нынешний главный дом Ясной Поляны.

Три разработанные экскурсии ведутся, во-первых, по этому главному дому, где Толстой прожил больше полувека. Во-вторых, по меньшему флигелю, где в конце 50-х годов он устроил яснополянскую школу для крестьянских ребят (а сейчас тут находится Литературный музей, посвященный его жизни и творчеству). И, в-третьих,— по заповеднику толстовской усадьбы, состоящему из парка с его тремя прудами, аллеями ореха, лип, ясеней, елей; с его садами и цветниками; с его старым дубовым лесом, носящим название «Чепыж»; елово-березовым лесом с любимой скамеечкой Толстого; темными зарослями старого и молодого «Заказов» — лесов «заказанных», где запрещены были порубка и пастьба скота; с его «купальной дорогой» к речке Воронке, куда ходил купаться Толстой. И, наконец, к месту среди густого леса, где над оврагом старого Заказа, в тишине и тени, под простой зеленой могилкой, на месте легендарной «зеленой палочки», будто бы хранящей секрет человеческого счастья и зарытой здесь в детстве любимым старшим братом Толстого, Николенькой, покоится Лев Толстой.

Каждая из этих трех экскурсий описана в отдельных книжках-путеводителях, изданных Тульским областным издательством. Ежедневно идут по усадьбе, слушая экскурсоводов, колхозники, школьники, учителя, шахтеры с шахты «Щекинуголь», солдаты, академики — множество народу со всех концов нашего Союза. Эта людская лавина останавливается у стола в прихожей Литературного музея, возле книги для посетителей, и здесь, ставя подчас только свои фамилии или делясь своим све-

Из иллюстраций В. Серова к «Войне и миру» Л. Н. Толстого.

жим впечатлением, она материализуется, оставляет свой образ. Особенно запомнилась мне одна из этих замечательных записей, коротенькая, на чешском языке, подписанная делегацией чехословацких горных экспертов:

«Осмотр музея ознакомил нас с глубиной жизни великого русского писателя».

Не просто с жизнью, или «огромной», или «необъятно-широкой», или другой какой-нибудь жизнью, а с **глубиной** жизни. И это совершенно точно. Знакомство с Ясной Поляной, где Толстой прожил почти всю свою жизнь с очень редкими выездами — в зрелые годы главным образом в московский свой дом, а за границу или на Кавказ — в молодости; где он родился и похоронен; где сложились яркие впечатления его детства,— это знакомство обогащает вас таким глубоким знанием лаборатории Толстого-художника, какого не давала до сих пор почти ни одна книга, ни одна статья о нем.

Невольно думаете вы: вот жизнь, сжатая тесными рамками одной усадьбы, долгая жизнь почти на одном и том же месте, — только рабочий кабинет передвигался из одной комнаты в другую, но все вещи, от старого письменного орехового стола, еще отцовского, до мелких частей мебели и рабочих инструментов,— все это двигалось вслед за перемещением кабинета и служило постоянно, долгий век, до самой смерти. И как эта жизнь, ограниченная в пространстве, развивалась все вглубь и вглубь, до предельных, доступных человеку глубин, отжимая каждое впечатление, каждую пядь окружающей обстановки до отказа, до последней ее капли!

Мы так часто говорим о необходимости изучать жизнь и представляем это себе непрерывным «пожиранием пространства» — разъездами, перелетами, все бо́льшим и бо́льшим расширением круга впечатлений; мы так часто издеваемся над теми, кто сидит безвыездно на одном месте,—а вот мастерская творца, сумевшего воплотить в образы целую эпоху (и не одну!), и как ограничена размером эта мастерская, как оседла эта жизнь, как усидчива эта работа писателя! Для восприятия нужен не только объект. Нужен воспринимающий аппарат. И Ясная Поляна дает каждому творцу урок глубины восприятия жизни, потому что жизнь во всем ее богатстве окружает каждый шаг человека, заключена в каждой пяди пространства, в котором он дышит и живет.

Мы слушаем его голос...

Когда диктор объявляет: «Говорит Лев Толстой! Включаем пленку с записью голоса великого русского писателя!», — радиослушатели настораживаются, боясь упустить хоть одно слово.

Как удалось сохранить для потомства подлинный голос Толстого?

В воспоминаниях профессора Линниченко упоминается о том, как Лев Николаевич впервые увидел в Москве звукозаписывающий аппарат — фонограф — и согласился наговорить что-то на валик. Профессор Московского университета Стороженко предложил Толстому поехать на квартиру продавца пишущих и швейных машин, чтобы послушать имеющуюся у него говорящую машину. Толстой согласился, с интересом слушал фонограф и дал согласие на запись своего голоса.

«Так как валики фонографа были очень небольшого размера, то для чтения Л. Н. выбрал одну из своих коротеньких притч, — пишет Линниченко. — Первые опыты были неудачны: на средине притчи валик отработал. Наконец Л. Н. достиг того, что, ускорив темп чтения, прочел всю притчу, уместившуюся на валик».

Но голос писателя звучал плохо. Толстой утратил интерес к звукозаписи. И сколько ни старался потом известный критик В. В. Стасов уговорить писателя разрешить записать его голос, тот отказывался.

В 1908 году Толстой получил к своему 80-летию в подарок от Эдисона усовершенствованный фонограф. Аппарат был установлен в яснополянском кабинете писателя. Лев Николаевич стал пользоваться звукозаписью для ответов на получаемые им письма. Секретарь Толстого переписывал эти ответы и рассылал их.

Говорящей машиной интересовались крестьянские дети и внуки Льва Николаевича. Толстой решил позабавить их. Сохранилось несколько наговоренных им на валики фонографа рассказов и сказок. Толстой не писал их, а сразу диктовал в трубу фонографа.

Л. Н. Толстой во время звукозаписи (1908 год).

С. Л. Толстой слушает голос своего отца (ноябрь 1940 года).

Однажды в разгар столыпинского террора, прочитав в газетах о новых казнях крестьян, возмущенный и подавленный, писатель прошел в свой кабинет, завел фонограф и заговорил:

— Нет, это невозможно! Нельзя так жить! Нельзя и нельзя! Каждый день столько смертных приговоров, столько казней...

Эти гневные слова, записанные на валик, сохранились и поныне.

Фонограф Толстого и некоторые валики находятся в Яснополянском музее.

Чтобы сохранить живую речь классика русской литературы, осенью 1940 года была сделана перезапись его голоса. Вспоминается эта ночь, когда маленький фонограф Толстого, доставленный в студию звукозаписи, затерялся среди мощной аппаратуры. Фонограф работал снова: на нем воспроизводили старые записи, он выглядел трогательно и чуть забавно.

На перезапись были приглашены близкие и друзья Л. Н. Толстого. В студию прибыл старший сын писателя, Сергей Львович (скончался в 1948 году). Здесь была внучка писателя и его бывший секретарь. Они, помнившие Толстого, помогли добиться правильного звучания его голоса при перезаписи.

Записи, сделанные самим Толстым в будничной обстановке, хороши своей непосредственностью. Их услышат и спустя много лет будущие поколения людей.

М. ПОЛЯНОВСКИЙ

2. «До́ма и стены помогают»

Идем вслед за экскурсией в главный дом, сперва оглядев снаружи веранду с вырезными фигурками мальчиков, петушков и лошадок на ее балясинах, знакомую по бесчисленным фотографиям; потом через переднюю со сборными книгами в шкафах и предметами охоты, которой молодой Толстой страстно увлекался, в первую характерную комнату: столовую-зал. Еще с порога вы сразу вспоминаете первую сцену «Живого трупа», когда няня с чайником пришла из детской в общую столовую за водицей.

Большой и длинный стол посередине светлой комнаты с блестящим самоваром на одном его конце. Но в этой столовой не только ели: здесь собирались, чтоб быть вместе. Тут музицировали (два рояля Беккера, малый и концертный). Среди перечня музыкантов, побывавших в Ясной Поляне, в путеводителе почему-то опущено имя С. В. Рахманинова, который сам мне рассказывал о своем посещении Толстого. Музицировали при свечах,— посетитель должен представить себе особенность освещения второй половины прошлого века с ее влиянием на быт и общение людей. Свечи, консоли, настольные лампы — открытое пламя, пожирающее кислород, живое и трепетное от дуновения ветра, от прошедшего или пробежавшего человека, с очень коротким радиусом действия, освещающее свой угол, свой стол. И в этой комнате лампы и свечи озаряли свои «места действия»: угловой стол, за которым философствовали взрослые или слушали чтение вслух; другой круглый стол в противоположном углу, за которым пела, болтала, бренчала на балалайке молодежь; спокойная кушетка между ними с шахматным столиком возле нее — здесь сражались молчаливые шахматисты. Высокое старое «вольтеровское кресло» у стены, куда отсаживался Лев Николаевич. Так и видишь его с ладонями, засунутыми за пояс своей «толстовки», с внимательным, блестящим взглядом из-под разросшихся бровей...

Портрет на стене — вы сразу угадываете в этом умном, сухом, иссиня выбритом лице вельможи восемнадцатого века холерического старого князя Болконского, хозяина «Лысых гор». И точно, это он, дед Льва Толстого, Н. С. Волконский.

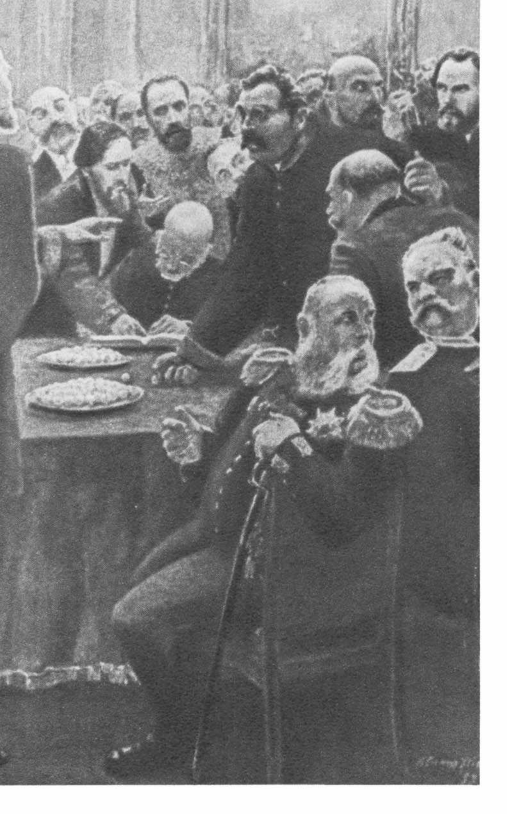
Собранная вместе семья, съехавшиеся знакомые, общение нескольких человек изо дня в день — это не только была жизнь, обычная, повседневная жизнь Толстого. Ему, для его творчества, нужны были люди вместе, как они соотносятся, говорят, реагируют, ведут себя друг с другом. Даже самых близких незаметно втягивала творческая воронка его восприятия. Тетушка Ергольская перевоплощается в персонаж из «Семейного счастия», и вся мизансцена этой большой столовой попадает в роман,— не по ней ли, не вдоль ли анфилады следующих за нею комнат проходят об руку молодожены шутливым, озорным шагом на страницах того же романа? И разве не за этими роялями разыгрывается страстная трагедия «Крейцеровой сонаты»? Толстой всегда признавался в широком использовании своих близких для образов творчества.

Всем известно его признание, как из двух сестер Берс, своей жены Софьи Андреевны и Татьяны Андреевны Кузьминской, «смешавши их», он получил свою Наташу Ростову — такую непохожую ни на первую, ни на вторую.

Семейная хроника, история дедов и бабушек, теток и дядей, судьба родных братьев — все переплавлялось в громадных полотнах Толстого, служило ему пищей, первым материальным истоком для зарождения романа.

Хранители «Ясной Поляны», показывая книжные шкафы, полные книг (их составили главным образом присылаемые книги с авторскими посвящениями; полученные по наследству; нужные по ходу работы), говорят посетителям об огромной начитанности Толстого, о количестве поглощенных им книг на нескольких языках. Но мне кажется, не это характерно для Толстого или даже это совсем не характерно для него. Толстой не был книголюбом, любителем, собирателем, пожирателем книг. Он и читал, как жил, не вширь, а вглубь. Но зато как он умел прочесть немногое, нужное для него!

Не все знают, что романом «Анна Каренина» он обязан Пушкину, его неоконченному отрывку в три странички: «Гости съезжались на дачу...». Об этом он писал в своем неотправленном письме к Н. Н. Страхову. И сейчас, после признания Тол-

Из иллюстраций А. Самохвалова к «Анне Карениной». Внизу: из иллюстраций А. Харшака к «Воскресению».

стого, перечитывая этот отрывок, мы в нервных движениях Зинаиды Вольской, влюбленной в умного фата Минского, в их трехчасовом сидении вдвоем на балконе, вызвавшем недовольство хозяйки и гостей, узнаем черты Анны Карениной и Вронского, первый очерк их любовной драмы. Но как сумел прочесть и отжать этот отрывок сам Толстой, писавший в одном из своих писем, что чтение Пушкина, если возбуждает к работе, то безошибочно.

Из столовой переходим в маленькую гостиную, где у стены стоит столик, за которым, до появления ремингтона, Софья Андреевна от руки переписывала рукописи Толстого, иногда до семи раз и даже (отдельные места «Войны и мира») до девяти. Перепишет, а он опять все перечеркает, переправит и снова дает ей переписать, чтобы снова править и править, улучшать, приближать к правде, к выражению правды жизни в искусстве.

Третья комната в этом ряду — последний кабинет Льва Толстого с немногими любимыми вещами, сопутствовавшими ему при переездах из одной комнаты в другую, с этажа на этаж. Перед письменным столом стоит маленький детский стул. Ясноглазый Лев Николаевич был близорук, но очков не носил. Чтоб лучше видеть бумагу перед собой, он писал, держа ее почти под глазами, а для этого сидел очень низко, чтоб стол приходился по самую грудь. Эта нелюбовь к очкам, желание видеть самому, своими глазами, характерна не только для Толстого: Гете всю жизнь терпеть не мог очки.

На письменном столе бронзовая собачка с поднятой лапкой (пресс-папье), большой кусок зеленого стекла с выгравированной на нем золоченой надписью — подарок от рабочих и служащих Мальцевского стекольного завода. Когда в 1901 году православная церковь «отлучила» Толстого, они прислали ему это зеленое стеклописьмо с такими замечательными словами: «Вы разделили участь многих великих людей, идущих впереди своего века, глубокочтимый Лев Николаевич! И раньше их жгли на кострах, гноили в тюрьмах и ссылке. Пусть отлучают Вас как хотят и от чего хотят фарисеи «первосвященники». Русские люди всегда будут гордиться, считая Вас своим великим, дорогим, любимым». Еще одно притягивает внимание на письменном столе Толстого: книга, видимо, зачитанная, выписанная им самим, а не полученная в подарок: И. И. Иллюстров «Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках».

Семью и гостей, людей своего социального круга, Лев Николаевич имел, как живую натуру, всегда под рукой. Но и главный предмет своего творчества, основного героя романов и других произведений своих — русский народ, простых русских крестьян,— он тоже имел всегда перед глазами, и не только перед глазами. Рядом с усадьбой была и деревня Ясная Поляна. Каждого крестьянина и семью его Лев Толстой знал, как своих домашних, знал по имени, по судьбе, по интересам и нуждам очередного дня. С ними он косил, как Левин в «Анне Карениной», свой «Калиновый луг», пахал с ними, обучал их ребят. К нему под «Старый вяз» приходили они за советом и помощью.

В 1873 году, когда Толстой писал «Анну Каренину», художник Крамской, гостивший в Ясной Поляне, писал с него два портрета маслом (один — для Третьяковской галереи, другой — для семьи Толстого). С полотна Крамского глядит на нас не совсем обычный Лев Николаевич, сильный, мужиковатый, средних лет, весь заросший черными волосами, с широкой черной бородой, с умным и по-крестьянски деловитым взглядом — «вылитый», как сказали бы читатели, Константин Левин из «Карениной», любимый герой Толстого, в котором так много от самого Льва Николаевича. Надо хорошо помнить и этого, еще молодого Толстого, когда ходишь по Ясной Поляне.

В каждой комнате усадьбы: в светлой одинокой спальне Толстого с ручным умывальником (воду для которого он часто приносил сам и ездил с бочкой за нею на родник); в тесно уставленной всякими безделушками и рукоделием, увешанной фотографиями спальне Софьи Андреевны; в секретарской с ремингтоном, одно время тоже служившей кабинетом для Толстого; наконец, внизу, в первом этаже, в знаменитой комнате под сводами, любимой Львом Николаевичем (ранний его кабинет), и в других помещениях нижнего этажа — много интересного, о чем хотелось бы рассказать подробно. В комнате с нишей (где стоит бюст любимого старшего брата Толстого), тоже бывшей одно время кабинетом Льва Николаевича, положили его тело, привезенное из Астапова. Но всего не опишешь в коротком рассказе, и за окном, где уже опадает дождливый августовский день, весь пропитанный сыростью, ждет вас богатство яснополянского заповедника.

Неисчерпаемы красоты толстовских описаний природы. До сих пор люди моего поколения наизусть помнят отрывок о приходе весны из «Анны Карениной», заученный в школе наизусть. И все разнообразие красок и времен года, вся прелесть описаний леса, лугов, полей, рек, ночного звездного неба, летней грозы и буйного снегопада — все это взято здесь, у родной земли, на небольшом пространстве Ясной Поляны, где Толстой близко изо дня в день наблюдал природу, сам сеял и сажал, косил и полол, заводил мериносов и ходил смотреть ночью только отелившуюся корову Паву, стрелял зайцев и вальдшнепов, приносил с прогулок диковинные полевые цветы, увлекался пчелами и сам делался пасечником. Всем этим великий писатель жил, и все это бессмертно зажило на его страницах. Но как страстно рвался, как неутомимо дорабатывался Толстой до правдивой передачи природы, казалось бы, знакомой ему, как своя рука!

Нам посчастливилось напоследок попасть в одну из экскурсий. Шли школьницы в фартучках, ведомые профессором К. С. Семеновым, автором поэтического путеводителя по заповеднику Ясной Поляны.

Мы остановились в густом дубовом лесу, и К. С. Семенов спросил школьниц с улыбкой, говорившей нам, что он не первый раз спрашивает и заранее знает ответ:

«Какое место из Толстого вы выучили наизусть в классе, девочки?» Школьницы хором, в несколько голосов, стали декламировать страницу о знаменитом старом дубе. Едет князь Андрей в свои рязанские имения и вдруг видит старый, искривленный, сухой дуб, мертво выделяющийся среди ожившей весенней природы,— сухой и безжизненный, как сам он, князь Андрей, в эту минуту. А побывавши проездом в Отрадном у Ростовых, где он подслушивает ночью Наташу и с ее свежим, молодым голосом в памяти возвращается обратно,— видит он также дуб, но уже зазеленевший, помолодевший, оживший.

— Вот, девочки,— говорит К. С. Семенов,— дуб этот взял Толстой отсюда, из Ясной Поляны. Но он не один раз переделывал это место в «Войне и мире». Посмотрите на здешний лес: здесь дубы, но нет березок, а у Толстого в романе дуб стоит, окруженный березами; здесь нет елок, а у Толстого говорится о мертвых елях; здесь была тогда Тульская губерния, а он перенес свой дуб в Рязанскую. Почему, угадайте?

И пока дети обдумывали ответ, сам подсказал им: — Правда в искусстве имеет свои требования. Если б он в точности описал дуб в дубовом лесу, то этот дуб среди других вряд ли мог бы остановить на себе внимание князя Андрея, и потому он перенес дуб в березовый лесок. Мертвые ели понадобились ему для усиления контраста между свежим, молодым березовым лесом и одним-единственным сухим дубом. А в Рязанской губернии, где дуб — исключение, встреча с этим дубом и бросившийся в глаза образ его художественно естественней, чем если б дело произошло в Тульской губернии, где дуб не редкость и не исключение. И посмотрите, как правил Толстой это место. В первом варианте у него сказано о том, что березки распустили свои листочки и у орешника висят желтые цепочки цветов; ведь это хорошо, красиво. Но во втором варианте он вычеркнул эти желтые цепочки. Почему? Потому, что когда береза раскрывает свои листья, орешник уже отцвел, и одновременно это никак не могло быть. Здесь Толстой боролся за точное изображение природы. Точность в передаче природы и художественная правда в построении образа — вот чего добивался Толстой, описывая, казалось бы, такие знакомые ему, знакомые всем родные картины природы...

Девочки внимательно слушали. И мы слушали вместе с ними живую речь экскурсовода. И думали: какой великий урок жизни и творчества дает нам в Ясной Поляне гений Льва Толстого! В «Анне Карениной» есть место, где Левин, разговаривая у себя в имении со Степаном Аркадьевичем Облонским, вспоминает об оскорбительном отказе Кити, и «как будто свежею, только что полученною раною зажгло его в сердце». Но Толстой говорит о нем, что он сейчас у себя дома, а «до́ма и стены помогают». Толстой любил эту свою мысль, он испытал ее на себе. До́ма и стены помогают — стены яснополянской усадьбы, ее родная земля, ее люди, каждая вещь, сопутствовавшая ему в обыденной жизни,— все это помогло великому писателю земли русской глубоко заглянуть в жизнь и отразить ее с бессмертной правдивостью высокого искусства.

«Ясная Поляна» — музей-усадьба Л. Н. Толстого

Литературный музей.

Большой пруд и деревня Ясная Поляна.

Въезд в музей-усадьбу.

Воспитанницы детского дома у школы имени Л. Н. Толстого в деревне Ясная Поляна.

Бытовой музей. Комната для приезжих и комната под кабинетом писателю

сводами, долгое время служившая
о.

Могила Л. Н. Толстого.

Фото Е. Игнатович, О. Кнорринга и Н. Соколова.

«Ясная Поляна»

Акварели В. А. УСПЕНСКОГО.

Дом Л. Н. Толстого с юго-западной стороны.

Дорога из усадьбы Л. Н. Толстого к могиле писателя, в рощу Чепыж и к речке Воронке.

Мостик через речку Воронку.

Березовая роща, посаженная Л. Н. Толстым.

Большой пруд, отделяющий усадьбу Л. Н. Толстого от деревни Ясная Поляна.

Любимая скамейка Л. Н. Толстого на опушке леса «в елочках».

СТАСОВ
о Льве Толстом

Выдающийся художественный критик Владимир Васильевич Стасов познакомился с Л. Н. Толстым в 1878 году во время работы писателя над романом «Декабристы». Стасов, служивший в Петербургской Публичной библиотеке, сразу откликнулся на просьбу писателя помочь ему в розыске некоторых необходимых документов. Встреча Стасова и Толстого положила начало их долголетней дружбе и переписке.

Ниже печатаются выдержки из неопубликованных писем Стасова к Владимиру Григорьевичу Черткову, одному из ближайших друзей Л. Н. Толстого.

Из этих писем видно, как живо интересовался Стасов каждым новым произведением Л. Н. Толстого.

В письме от 6 октября 1899 года упоминается лондонское издание романа «Воскресение», впервые напечатанного в «Ниве». «...по счастью для меня,— писал Стасов Толстому.— ...пришла посылка из Лондона. ...Что такое? — «Воскресение», во всем параде и уборе, во всей настоящей беспредельной красоте и силе, без единого пропущенного слова. Вообразите мое счастье... И на бандероле красным карандашом цензуры написано: «доставить по адресу». И еще бы чины не были иной раз счастьем неизреченным. Ну, вот я и принялся блаженствовать надолго, словно в лодочке по океану поехал, в солнечный день, когда ни единая струйка не морщится на воде. Какой рай, какое наслажденье. Ну, и знаете, что я сделал тотчас же: взял «Ниву», поставил указательный палец левой руки на странице «Нивы», правый указательный направо, на страницу Лондонской книжечки (впрочем, всего только первая часть покуда) и давай-давай следить медленно-медленно... Какое непомерное восхищение. Вдруг словно какие-то неожиданные пейзажи, цветы, и деревья, и горизонты выдвигаются из средины давно знаемых берегов. Ах, какой восторг... И вот на таких-то созданиях кончается XIX-й век и наступает XX-й».

Письмо, датированное 1 мая 1904 года, говорит о неослабевающем интересе Л. Н. Толстого к истории декабристов. Роман-хроника «Декабристы», над которым он работал в 1863—1878 годах, остался незавершенным, но Л. Н. Толстой долго не мог расстаться с волнующей его темой. Так, 8 мая 1904 года он писал Стасову: «...занят Николаем I и вообще деспотизмом, психологией деспотизма, к[оторую] хотелось бы художественно изобразить в связи с декабристами».

Текст писем, не относящийся к теме данной публикации, опущен и отмечен точками. Подчеркнутые Стасовым слова даны разрядкой. Подлинники писем хранятся в Москве, в Центральном государственном литературном архиве СССР.

Н. ЧЕРНИКОВ

* * *

«Владимир Григорьевич, мы со своей сестрой возвращаем Вам все Ваши семь тетрадок Толстого нашего гениального с глубокою благодарностью.

Ради бога, не оставьте нас и впредь подобною же своею милостью, когда оказия к тому случится, т. е. когда нам великий Лев еще что-нибудь напишет! Правда, дадите тогда прочитать?

А что я Вас попрошу: напишите мне, пожалуйста, (хоть открытым письмом) теперешний адрес Льва. Мне страсть хотелось бы написать несколько строк и от себя и за нескольких других, приезжих из Москвы, которые тоже, еще в Москве, читали «Крейцерову сонату». Они говорят: «У нас в Москве по рукам списки ходят...» Ну, и конечно, общий восторг! Только на первые восемнадцать глав многие в претензии, зачем это трактат, а не сцены, подобные тем великим сценам, которые еще новый раз делают нашего Льва единственным в мире ровней и товарищем Шекспира. На мои глаза, эти последние (начиная с восемнадцатой) ни на единый волосок не уступят одному из величайших творений Шекспира — «Отелло».

26 декабря 1889 года.

* * *

«...Вы порадовали меня известием о том, что наш великий Лев здоров и работает. Вот это праздник! Но мне просто до смерти жаль, что я (по болезни) не успел написать ничего про «Власть тьмы» на сцене. Это нечто невообразимое по гениальности».

3 февраля 1890 года.

* * *

«Владимир Григорьевич, с глубокою благодарностью возвращаю Вам «Плоды просвещения». Я успел даже два раза прочесть изумительно талантливые сцены первого, второго (и даже) четвертого акта. Третий акт скучен и длинен. Но что касается мужиков и «дворни» — что за удивительные типы, фигуры, личности!!! Что за язык!!!

Сто тысяч раз благодарю».

19 марта 1890 года.

* * *

«Вы заговорили о новом произведении Льва Толстого [1]: конечно, наверное это будет нечто великое, нечто безмерно-громадное. Этот колосс стоит теперь на таком Давалагири [2], что может обозревать только беспредельные, грандиозные горизонты и своим гениальным глаголом поведывать людям, что там увидит и почувствует. Конечно, я еще ни одной строчки не знаю из того, что будет в этой книге, но, конечно, это будет нечто необыкновенное. Не понапрасну он носил в себе этого младенца — Геркулеса целых двенадцать лет! Вы поэтому можете судить, как мне сильно хочется чтоб мне стало возможным прочитать эту будущую книгу — по-русски.

Весь свет прочтет ее, на всех языках мира, прочтем и мы ее, на одном из этих языков, но ведь это будет далеко не то, что прочесть ее целиком по-русски, в его собственной громовой речи. Что напечатает «Нива», будет, конечно, (если не всегда; то часто) — печальнейшее искажение и кастрация! Разве была когда-нибудь значительная русская книга, которая прошла бы без порчи, без кастрации, без чиновничьего урезывания! Конечно — нет. Только все глупое и бездарное пролезает счастливо и почивает на лаврах. Значит, я от всей души сочувствую мысли о необходимости настоящего, полного, верного русского текста. Конечно, не было ни одной еще великой и глубокой русской книги, которая рано или поздно не взяла бы свое и не пустила бы в руки всех нас, русских, в полном, истинном своем виде — но иногда приходилось русскому народу долго этого ждать! Значит, чем скорее торжество правды наступит, тем лучше — и я его призываю всей душой».

1 января 1899 года.

* * *

«Глубокоуважаемый Владимир Григорьевич, несколько дней тому назад, я получил с почты, с разрешения начальства, конечно, отпечатанное Вами издание «Воскресения» Льва Толстого. Вы не можете вообразить себе, какое это было для меня счастье!! Я и до сих пор продолжаю им наслаждаться, и словно в запое перечитываю без конца это гениальное произведение гениальнейшего нашего современника и соотечественника. Я и графу Льву Николаевичу самому писал о том, как я был Вами осчастливен, и чем мне кажется его великое создание. Я ему, между всего остального, писал, что он для меня не только величайший русский писатель всего нашего XIX века и, еще более того, величайший писатель всей Европы с самых времен Шекспира. Так велик, для меня, его гений, и так широка его мысль (хотя я и признаю за ним некоторые заблуждения и погрешности, которые я открыто и прямо высказываю ему и на письме и лично)».

26 октября 1899 года.

* * *

«Получаю иногда сведения о нашем Льве Великом то от него самого, то от Софьи Андреевны. Был я у них сам в январе нынешнего года и проводил там много времени всякий день — обедал очень часто. И я был очень доволен по части здоровья его. Он был очень бодр, весел — а любезен, Вы уже сами знаете, каков он всегда в этом отношении. Конечно, мы много с ним разговаривали о всевозможных предметах, и я никогда не забуду времени, проведенного мною с ним вместе. Он мне между прочим рассказывал, что намерен (быть может в довольно близком времени) написать комедию или драму, в которой многие приемы будут совсем новые! Я слушал и радовался. Все это было чудесно и великолепно. Но как-то недавно Софья Андреевна писала мне, что нынешняя зима была для Льва мало благоприятна, что он не раз хворал, и — вот что совсем нехорошо — он в продолжении зимы потерял десять фунтов веса!! Это очень много и очень неблагоприятно!! Графиня говорит, что она сильно за него боится. От других личностей, видевших его в последнее время, я слышу, что он совсем не удовлетворителен по своему здоровью, и что он теряет мало по малу силы! Это меня очень пугает. Не дай бог, чтоб с ним случилась какая-нибудь серьезная болезнь! Но все-таки скажу, что на него не имели ровно никакого влияния все проклятия наших клерикалов и других [3]. Он хохочет, забавляется, трунит, острит — и больше ничего. Храбрость и самостоятельность никогда у него не уменьшались!»

2 июня 1901 года.

* * *

«...Я, к несчастью, слишком редко получаю известия от Вас и любезной Анны Константиновны. Последнее, что я получил, была «Критика догматического богословия» Льва Николаевича, книга мне до сих пор бывшая неизвестною, но теперь оказавшаяся мне крайне интересною и нужною для одной исторической работы. Я имел намерение ехать, именно теперь в Ясную Поляну, по много раз повторенному приглашению самого Льва (как бывает почти всякий год), но мне было теперь неудобно и даже невозможно, по многим причинам... А это жаль — мне теперь со второго января уже восемьдесят лет; значит не известно, много ли еще раз возможно будет повидать наше великое солнце, обожаемого Льва. Ах, какие у него есть теперь новые сочинения! Например его рассказ «Отец и дочь», который он читал сам, в сентябре — это просто прелесть! Потом есть большой роман «Хаджи-Мурад», две драмы или комедии, большая статья о Шекспире (NB: против Шекспира!!) и другие, но он говорит, что всего этого не намерен печатать при своей жизни, что все это неважно!!! Сколько его не уговаривают (в том числе и я) — ничего не действует. Мы говорим: «За что же мы, современники, любившие, обожавшие и искренно понимавшие Вас, будем лишены того, чего не будут лишены наши потомки,— за что, за что?», он ничего не отвечает, или только улыбается. Это ли еще не несправедливость и не деспотизм!!! Что делать? Покоримся. Но я имею, по крайней мере, тот авантаж и счастье, что могу посылать ему, из нашей библиотеки, целые огромные ворохи нужных ему книг, журналов, газет (прежних времен), и т. д., и даже иногда выписок (рукописных) из Архивов, в том числе придворного архива... Что у него из всего этого выйдет — не могу знать. В последнее время он вдруг потребовал «Записки Декабристов» (те, что напечатаны за границей, не в России). Уж не хочет ли он опять взяться за свой прежний роман «Декабристы» — не знаю?»

1 мая 1904 года.

[1] Речь идет о романе «Воскресение».

[2] Вершина в горной системе Гималаев.

[3] В феврале 1901 года Синод отлучил Л. Толстого от церкви.

Л. Н. Толстой в рабочем кабинете. Ясная Поляна.

Толстой сказал...

В записях современников сохранены многие замечательные мысли и суждения писателя, высказанные им в устных беседах. Огромный интерес представляет дневник, который в течение шести лет вел домашний врач и друг писателя Душан Петрович Маковицкий, незаметно стенографировавший все, что говорилось Толстым за день.

Драгоценные записи Маковицкого в большинстве своем еще не увидели света. Мы воспроизводим по ним некоторые из суждений Толстого.

* * *

1905 год. Разгар русско-японской войны. В европейских странах идет лихорадочная гонка вооружений.

Толстой глубоко встревожен. Он все чаще говорит о безумии собственнического мира.

«Европейские культурные народы — сумасшедшие; стараются обзавестись колониями, чтобы иметь рынки для сбыта, вооружаются. Одни покрывают суда броней в метр, другие в полтора, потом в два, в два с половиною. Одни вооружают мужчин, другие и баб. Запасы динамита... Весь ум, энергия идут на приготовление к истреблению. Не сумасшествие ли это? У них я не вижу культуры. У народа, по крайней мере, у нашего русского, — вижу...»

Гонка вооружений волнует Льва Николаевича и во все последующие годы. По поводу сообщений об усиливающихся военных приготовлениях в Европе и Америке он с горечью говорит:

«Вся культура теперь направлена на то, чтобы придумывать самые совершенные орудия убийства».

Глубокое осуждение Толстого вызывает империалистический разбой в колониях. В связи с кровавой расправой самодержавия над рабочими в Петербурге гостящий в Ясной Поляне художник Н. В. Орлов высказывает мнение, что английское «конституционное» ярмо не так тяжело, как русское самодержавное. Лев Николаевич горячо возражает:

«Английское правительство — такое же скверное, как и русское... Английское правительство разорило богатую сто лет тому назад Индию, Китай, Африку. А Тибет — какая гадость!.. Тибетцы не соглашались пустить к себе иностранцев. Английское правительство послало им какую-то телеграмму; они не отвечали. Английское правительство сочло себя обиженным и сейчас же выслало посольство с войсками, которые убили тысячи тибетцев...»

В эти же дни Толстой говорит о главаре американских империалистов Теодоре Рузвельте:

«Знаю о нем только то, что он империалист и милитарист...»

* * *

Осень 1906 года. В Москве — депутация английских парламентариев. Один из членов депутации посетил Толстого.

Лев Николаевич учтив с гостем, но не может скрыть своего иронического отношения к европейскому парламентаризму. В подтверждение своих взглядов он ссылается на Герцена:

«Герцен — вот писатель, который был скрыт от русского общества. На нем, как на даровитом, искреннем человеке, видна эволюция передового человека. Он поехал на Запад, думая, что найдет там лучшие формы. Но там у него появилось разочарование в западном строе и особенная любовь и надежда на русский народ... Русские политики могли бы с него пример брать, чтобы не повторять той же ошибки увлечения западными формами».

На замечание собеседника о буржуазной конституции как о цели русской революции Толстой с жаром возражает:

«Если из революции выйдет только конституция, это будет фиаско. Из-за этого такие большие усилия, кровопролития, озлобление? Не стоило... Если в парламенте будет Петрункевич, Столыпин, то они ничем не лучше Николая II как правители. Что кадеты хоть чуть подвинут к лучшему — не верю... Из Пугачева кое-что вышло, а из этого ничего не выйдет. Пуф... Даже если не Петрункевич, а Чемберлен, то тоже будет плохо. Потому я и на вашу депутацию так смотрю, как если бы пьяные люди встретили трезвых и предложили им выпить, то было бы им веселее, но это не значит, что было бы им лучше...»

В другой раз, по поводу мнимых демократических порядков в Соединенных Штатах, Толстой сказал:

«Америка дошла до стены: тресты, 10 миллионов бедных, то-есть не имеющих крова, одежды, еды достаточно, — и миллиардеры».

* * *

Годы реакции. Как ядовитые грибы, растут всякого рода «модернистские» течения в искусстве.

Русских декадентов Лев Николаевич воспринимает как двойников ненавистных ему либералов и кадетов. Встречая в журналах стихи и рассказы символистов, он говорит язвительно: «кадетско-декадентское»...

«Я ничего там не нахожу: ужасно искусственно. Мне эти кадеты и декаденты — даже созвучие! — схожи. Вообще это люди, которые потеряли здравый смысл».

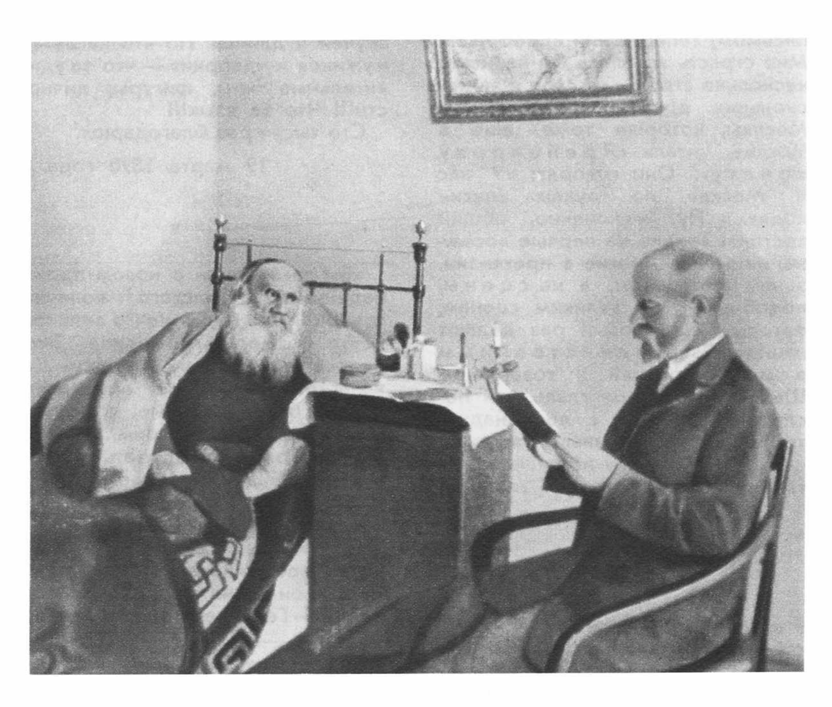
Беседуя в сентябре 1907 года с И. Е. Репиным об искусстве, Толстой с возмущением говорит о болезненном мистицизме декадентов, о волне порнографии, захлестывающей журналы и газеты.

«Это такой дом сумасшествия — современное искусство», — отзывается Илья Ефимович.

Толстой подхватывает это определение и развивает его: стихи декадентов лишены элементарного смысла, больше того, в них явственно ощутим бред сумасшедшего; бессмысленность содержания сопровождается вычурностью формы.

«Надо это игнорировать, — заявляет с сердцем Толстой, — даже не говорить об этом».

Однако не говорить он не может. И в следующие дни он снова и снова возвращается к этому вопросу:

Л. Н. Толстой и Д. П. Маковицкий.

«Я не могу читать Андреева, так же как и стихотворения Соллогуба. Мне сама их мысль неестественна, нехудожественна...»

По поводу замечания Софьи Андреевны о том, что в Париже пьеса не пользуется успехом, если героиня на сцене не раздевается догола, Толстой с горечью говорит:

«Жалко за свое ремесло, которое считалось почтенным... Как только деньги вмешиваются в дело творческое, так делается самое гадкое...»

* * *

В рождественский вечер 1907 года в Ясную Поляну приехала известная пианистка и собирательница народных песен Ванда Ландовская. Она привезла с собой клавесин и исполняла на нем песни разных народов. Льву Николаевичу они очень понравились.

«Это музыка рабочего народа, серьезная, веселая,— сказал он.— Вагнеры и Бетховены на ней выросли...»

Назавтра Ландовская снова играла старинные французские, итальянские и английские песни, а также польские, армянские, еврейские, персидские и лезгинские народные песни. Затем классическую музыку — Баха, Моцарта, Шопена.

Слушая музыку, Лев Николаевич сказал:

«Скульптура, музыка, живопись не терпят посредственности».

Толстой расспрашивал Ландовскую, незадолго перед этим побывавшую в Китае, о китайской музыке.

«Китайская музыка, — сказал он, — интересует меня, она для них имеет огромное значение».

«Я думаю, — добавил он, — что по музыке можно судить о душе народа. О восточной музыке я имею некоторое понятие. В Самаре мальчик садовник ходил к старику. Они пели свои калмыцкие песни... Вся народная музыка доступна всем людям: персидскую поймет русский мужик и наоборот, а господское вранье и сами господа не поймут...»

Другим зимним вечером в яснополянскую залу принесли граммофон, ставили пластинки с записью русских народных песен в исполнении хора Архангельского. Едва раздались звуки «Камаринской», как Лев Николаевич преобразился. Он хлопал в такт музыке, подпевал и всем своим видом выражал чувство восторга и удовольствия. Когда пластинка кончилась, он воскликнул:

«Как хорошо! Вот хорошо! Чудесно! Это очень хорошо!»

«Камаринскую» повторили. Толстой еще более оживился. Окинув молодым взглядом окружающих, он весело спросил:

«Что ж никто не пляшет?»

И тут же признался:

«Если бы я был один, я непременно пустился бы. Без памяти хочется...»

А. ШИФМАН

1 180 дел

Перед нами пухлые папки с грифами министерств и ведомств царского правительства. На обложках витиеватым почерком выведены оглавления:

«О запрещении произведений графа Льва Толстого»,

«О наложении ареста на брошюру «Сочинения графа Л. Н. Толстого»,

«О запрещении распространять сочинения Л. Н. Толстого, изданные за границей»,

«Об аресте книги Л. Толстого «Обращение к рабочему народу»,

«Об отлучении Л. Н. Толстого от церкви»,

«О недопущении сочинений Л. Н. Толстого в народные библиотеки и читальни»,

«О запрещении празднования 80-летнего юбилея со дня рождения Л. Н. Толстого»,

«О недопущении распространять портреты Л. Н. Толстого и иллюстрации к его произведениям».

Тысяча сто восемьдесят таких дел хранится в Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде!

Тут донесения цензоров, секретные циркуляры и письма министерств внутренних дел и просвещения, синода, главного управления по делам печати; корректуры и книги, запрещенные и уничтоженные цензурой; подлинные журналы заседаний Петербургского цензурного комитета...

Вот дело главного управления по делам печати за № 36 — «О сочинениях графа Л. Н. Толстого». Оно начато в 1887 и окончено в 1905 году. Почти нет такого художественного или публицистического произведения Толстого, которое не фигурировало бы в этом объемистом деле из девятисот восьмидесяти двух страниц. Другое дело, № 78 (в четырех частях!), Петербургского цензурного комитета велось девятнадцать лет — вплоть до 1917 года.

Перелистывая страницы документов, видишь, как ненавидело царское правительство великого писателя, как боялось оно его разоблачительных произведений, как следило за каждым его шагом.

Недавно обнаружены неопубликованные документы о запрещении распространять в России произведения Л. Н. Толстого, изданные за границей на иностранных языках.

В деле № 9685, датированном 26 ноября 1908 года, имеется доклад цензора Модле. Настаивая на запрещении романа «Воскресение», вышедшего на французском языке, он приводит любопытные подсчеты: «На десяти страницах автор осмеливается выражаться с неуважением об особе императора», еще на двадцати четырех страницах «по мнению Толстого, правительство и его органы преступны и следует ниспровергнуть существующий государственный строй».

«Ввиду всего вышеизложенного, — резюмирует цензор, — пришлось бы сделать исключения на 67 различных страницах из 252 в романе. Так что я полагал бы запретить все сочинение».

17 декабря 1908 года последовало указание: «Роман «Воскресение» на французском языке запретить!»

Спустя три года дело об этом произведении возникло вновь. В рапорте цензора Пасека от 26 октября 1911 года роман объявляется преступным, направленным против существующего строя.

«С моей точки зрения, — пишет Пасек, — обращаю внимание на следующие места в 3-й части. Один из политических ссыльных, с которым свел знакомство Нехлюдов, фабричный рабочий Кондратьев, убедившись из чтения революционных сочинений в правильности своих социалистических воззрений, организовал большую забастовку рабочих, которая окончилась разграблением фабрики и убийством директора».

На рапорте резолюция «Запретить!» и подпись «Председатель центрального комитета цензуры иностранной А. Муравьев».

Вот объемистая папка за № 8922. В ней переписка о брошюре Л. Н. Толстого «К рабочему народу», вышедшей в 1902 году на русском языке в Лондоне. Цензор Горянинов мотивирует необходимость безусловного изъятия книги следующим изложением ее содержания:

«Рабочий класс задавлен и обездолен крупными землевладельцами, богачами и чиновниками, правительство посредством войска поддерживает этот класс. Царь помочь всему этому не может, да и не хочет, так как, с одной стороны он пользуется властью лишь номинально, действительная же власть в руках случайных людей — его родственников и приближенных, с другой — он, владея огромными землями, никогда добровольно не облегчит участь рабочих, так как, отдав сам свои владения, он лишится выгодного положения праздного человека, живущего трудами народа».

«Брошюра эта по моему мнению, — заявляет цензор, — не может быть допущена к обращению в публике, так как она рекомендует рабочему народу немедленно заняться ниспровержением существующего государственного и общественного строя, хотя и не в форме восстания и насильственных захватов».

На полях рапорта вновь начертана лаконичная и категорическая резолюция: «Комитет постановляет запретить. Пред. граф А. Муравьев».

В лондонском издательстве «Свободное слово» вышла книга Л. Н. Толстого «О положении рабочего народа. Где выход?». В цензорском деле № 303 собраны десятки документов. Доказывая вредность произведения, цензор Васенцов-Макаревич пишет:

«Русский народ по мнению Толстого пребывает в земельном рабстве, от которого освободиться трудно, так как правительство этого никогда не допустит. Приведенного, полагаю, вполне достаточно для запрещения этой книги».

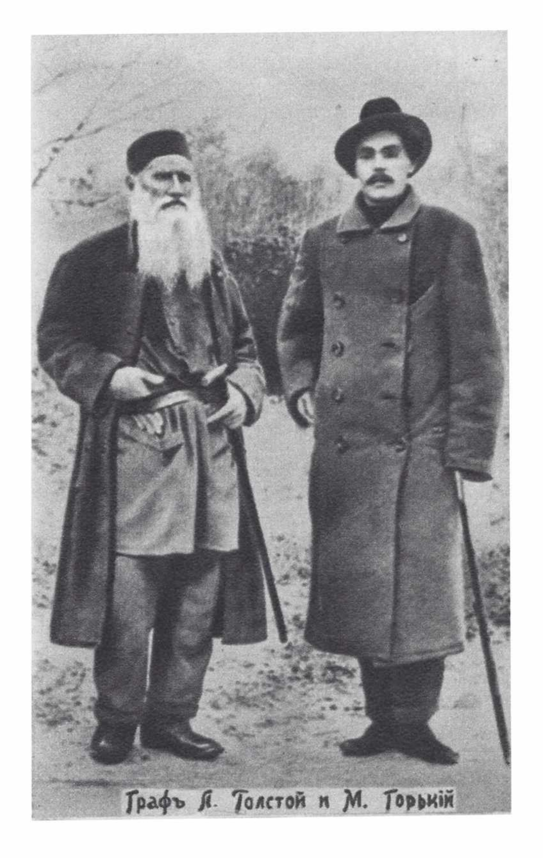
В конверте, приклеенном к обратной стороне обложки дела № 9 главного управления по делам печати, лежит изданная за границей фотооткрытка, давность которой сорок пять лет. На ней изображены Л. Толстой и М. Горький. Усомнившись в возможности распространять ее в России, председатель «центрального комитета цензуры иностранной» А. Муравьев решил обратиться по этому поводу к самому «господину начальнику главного управления по делам печати».

Переписка длилась больше месяца. 18 мая 1908 года из главного управления пришел ответ. Он был краток: «Господин министр внутренних дел к распространению не разрешил».

Интересно отношение министра просвещения Кассо министру внутренних дел Столыпину от 9 июня 1911 года:

«Секретно. Вследствие отношения от 3-го минувшего мая, за № 580, имею честь уведомить ваше высокопревосходительство, что Министерство просвещения, высказываясь вообще против присвоения имени графа Л. Н. Толстого образовательным учреждениям, не считает желательным присвоение этого имени и библиотекам-читальням, хотя бы в Ясной Поляне, так как исключение из общего правила могло бы создать нежелательный прецедент».

Так царское правительство тщетно пыталось умалить влияние великого писателя и преградить его произведениям путь к народу.

№ 110 архива №.
1911

ДѢЛО
Отдѣленія
Канцеляріи Главнаго Управленія
по дѣламъ печати.

Началось 26 февраля 1911 года
Рѣшено 30 апреля 1911 года

Обложка дела «О наложении ареста на брошюру «Сочинения графа Л. Н. Толстого».

И. КОВАЛЕВ,
К. ЧЕРЕВКОВ

В глубокой теснине Дарьяла...

И. МЕСХИ

Фото С. Короткова.

Если бушует река, принявшая студеную воду тающих ледников, если поднялись с низин стада овец и воздух так прозрачен, так чист, что все, как в стереоскопе, объемно до неправдоподобности, — значит, в горы пришло лето.

По дороге мчатся экскурсионные автобусы. Вот-вот коварный ветер сорвет легкие войлочные шляпы с пассажиров. За поворотом, выставив вперед утиные козырьки, промелькнули велогонщики. Медленно поднимается в гору грузовик с новым шифоньером в кузове. На какой-то миг зеркало отражает гранитный утес, облако, полет орла...

Трудится Военно-Грузинская дорога, живет Дарьял — старинные ворота Кавказа. Не сосчитать, сколько копыт по этому пути процокало, колес проколесило... Шли здесь степенные купеческие караваны, скакали воины на конях, брел мирный пастух. Дорога эта была в дружбе с музой Пушкина и Лермонтова, ездили по ней не раз и Грибоедов и ссыльные поэты-декабристы. В 1891 году пешим ходом прошел Крестовый перевал Максим Горький. На берегу буяна Терека слагал стихи Маяковский.

Ни об одной дороге в нашей стране не сказано так много, как о Военно-Грузинской. И если едешь по ней даже впервые, то кажется, что видел уже эти склоны, и этот обвал, и башню над рекой. Точно встречаешься со старыми знакомыми!

Казбегская турбаза расположена в рабочем поселке. По утрам, отдаваясь эхом в горах, разносится густой баритон заводского гудка. Здесь добывают и обрабатывают огнеупорный и кислотоупорный камень андезит. Вокруг, на плоскогорьях, в долине Терека, расположены селения. Как не похожи они на те, что рисовались воображению по иллюстрациям прочитанных некогда книг! Алеют на фоне яркой зелени лугов черепичные крыши добротных каменных домов. В какой-то из них будет внесен сегодня шифоньер, который везли по дороге.

Пусто летом в дарьяльских селах. Все живое — и люди и скот — забралось повыше, в субальпийскую зону, где в прохладе пасется баранта, а на фермах с утра до позднего вечера трудятся женщины у чанов с жирным молоком.

Одна из ферм находится в Девдоракском ущелье, на пути к вершине Казбека. В небольшом логу стоят хитроумно сложенные из камня строения: плоские, как лепешки, камни без всяких сцеплений держатся друг на друге. Говорят, такие стены выдерживают и тяжелые снежные сугробы и даже землетрясения.

Здесь работает первая овцевод-

Памятник на могиле Александра Казбеги.

Хдегэс в Дарьяльском ущелье.

Из сыроварни выносят белые головки сыра.

На склонах пасутся стада.

ческая бригада под руководством комсомолки Тамары Хетагури. А за горами, на склонах, поросших густой, сочной зеленью, пасутся стада. Пройдет сентябрь, и ранний снег погонит их с гор в далекое путешествие к теплым прикаспийским степям.

А пока то и дело выносят из сыроварни ослепительно белые головки тушинского сыра. По два пуда в день. Это десятая доля того, что производит ежедневно на всех фермах колхоз имени Махарадзе, Казбегского района.

Жителей этого района называют мохевцами (хеви — по-грузински ущелье). О том, как обездолены и бедны были они в прошлом, рассказывает классик грузинской литературы Александр Казбеги. Он родился здесь, в селе Казбеги, и, чтобы ближе узнать жизнь простых горцев, несколько лет был пастухом. В ограде Казбегского краеведческого музея могила писателя, и над ней памятник — кусок серого дарьяльского гранита.

Все светлее становится в Дарьяльском ущелье. На реке Хде, что берет начало у ледников Шани и впадает в Терек, стоит электростанция. Река низвергается с огромной быстротой, бурлит и пенится. Хдегэс, пущенная три года тому назад, дала ток окрестным горным селениям. Суровая, нелюдимая природа показала, как она может быть добра к человеку.

На склоне, поросшем молодым сосняком, высятся корпуса санатория «Дарьяли». Высокогорный климат, живописные пейзажи привлекают сюда людей, ищущих тишины. В «Дарьяли» можно встретить отдыхающих из Новосибирска и из города Хуста, Закарпатской области, руставских металлургов и рыбаков с Охотского моря.

Нет, пожалуй, не все уж так знакомо в здешних местах, как казалось вначале. Много нового появилось на старинной Военно-Грузинской дороге.

Санаторий «Дарьяли».

СТАРШАЯ СЕСТРА

Рассказ

Елена УСПЕНСКАЯ

Рисунки П. Караченцова и О. Георгиева.

Над виноградом жужжали осы. Смуглые женщины сердито отгоняли их, но осы все летели на терпкий и сладкий запах. Покупать виноград ходили втроем: Митя, Оля и ее брат Алеша. Оля называла его Ершик. Эта нелепая кличка, возможно, была терпима, пока Алеша был маленький, но теперь она роняла его авторитет. Алеша нарочно не откликался, пока сестра не сдавалась: «Алексей, поди сюда». Вообще Ольга нарочно командовала им при других: «Ершик, вымой руки!», «Ершик, высморкайся!», «Ершик, войди!», «Ершик, выйди!» Нестерпимо! Если бы не получалось неприятностей с родителями, Алеша давно избил бы сестру. Но отец всегда говорил, что мужчина не должен злоупотреблять своей физической силой.

— Ершик, не ешь виноград, он немытый.

— Он же с лозы, чистый,— и Митя отщипнул ягоду.

Алеша тоже.

Уже Мите-то Оля не посмеет сделать замечание. Он старше ее на целый год. Он приехал из города на далеком Севере, где полгода день и полгода ночь. Он сам ездил на оленях и сам видел настоящее северное сияние. Еще никому Алеша не завидовал так, как Мите. Ясно, что даже и пять лет спустя, когда Алеше тоже будет восемнадцать, он все равно будет ниже ростом, чем Митя. И неизвестно, будет ли так знать геологию и ботанику и сможет ли построить такой планер, какой буквально на его глазах в два вечера смастерил Митя, а уж северного сияния ему наверняка не увидеть. И вот при этом-то человеке Ольга в первый же час знакомства назвала его Ершиком. А еще за минуту до этого Митя сказал:

— Ну-ка, Алексей, нырнем.

И Алеша пробыл под водой так долго, что Митя даже удивился, какая у Алеши великолепная емкость легких. Когда они вылезли на берег, обнаружилась Оля. Алеша не успел даже подмигнуть ей, пригрозить, попросить в крайнем случае, как она сказала:

— Ершик, домой!

Алеша оглянулся: Митя уже вылез из воды и подходил к ним. Увидев его, Ольга, конечно, прибавила:

— Сколько раз тебе говорила: без меня не купаться — утонешь.

Утонет? Это он-то утонет? Алеша даже побледнел от обиды.

— Раз ерш, не утонет,— миролюбиво вмешался Митя.

Значит, он все-таки слышал!

— А и в самом деле похож на ерша,— улыбнулся Митя и прибавил по-мужски великодушно: — То-то он и плавает, как рыба.

Алеша сделал безразличное лицо. Пусть Ольга видит, какой человек оценил его. Но сестра молчала и сосредоточенно выковыривала из песка раковину. Раковина была самая обыкновенная. Таких они сгоряча набрали целую коробку в первый же день приезда в Сухуми и давно уже выбросили: нашлись получше. Митя стоял и внимательно смотрел, как Оля роется в песке. Неужели он не видел таких раковин? Ольга взглянула было на Митю и, видимо, совсем не оценила его, так как снова занялась раковинами. Ах так! Алеша сказал басом:

— Познакомьтесь: Ольга — моя сестра. Дмитрий — товарищ из-за Полярного круга.

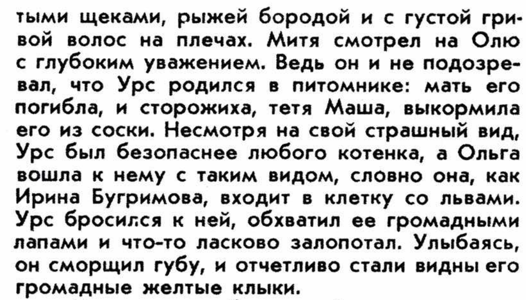
В олиных глазах вспыхнуло наконец любопытство: еще бы, не у каждого брата такие знакомые! Но Алеша торжествовал недолго. Очень скоро Оля знала о Мите все то же, что знал он сам. Может быть, даже больше, потому что, пока они плавали, Алеша остался на берегу стеречь олины часы, и, вероятно, в море Митя рассказал ей еще что-нибудь, так как, выйдя на берег, Ольга сказала:

— Да, это очень интересно.

С этого дня они все время были втроем. Вместе бродили по улицам, удивляясь рододендронам, осыпанным душистыми розовыми и белыми цветами. Вместе купались и загорали на пляже, вместе ходили в кино, замечательное тем, что оно находилось не в доме, а в саду, под черным южным небом... Потом Митя пришел к ним в гости, и они повели его в обезьяний питомник. Сюда была командирована с работы их мать.

Едва познакомившись с Митей, Алеша уже начал мечтать о том, как поведет его в питомник, покажет обезьян и расскажет о работе, которую проводит здесь мама. Она испытывает на обезьянах новое лекарство. Результаты положительные. Обезьяны — последний этап. Теперь этим лекарством начнут лечить людей.

Но рассказала обо всем этом Мите сестра. Она даже вошла при Мите в клетку к Урсу. Урс был очень страшный на вид. С острой, похожей на собачью мордой, с синими складчатыми щеками, рыжей бородой и с густой гривой волос на плечах. Митя смотрел на Олю с глубоким уважением. Ведь он и не подозревал, что Урс родился в питомнике: мать его погибла, и сторожиха, тетя Маша, выкормила его из соски. Несмотря на свой страшный вид, Урс был безопаснее любого котенка, а Ольга вошла к нему с таким видом, словно она, как Ирина Бугримова, входит в клетку со львами. Урс бросился к ней, обхватил ее громадными лапами и что-то ласково залопотал. Улыбаясь, он сморщил губу, и отчетливо стали видны его громадные желтые клыки.

— Молодец у тебя сестра! — не выдержал Митя.

И Алеше пришлось согласиться:

— Она у меня ничего.

Но Митя не слышал его. Он пристально смотрел на склоненное олино лицо и очень светлые волосы. Урс растрепал их, и они золотым облаком окружили олину голову. Оля покраснела, высвободилась из рук Урса и вышла из клетки. После случая с Урсом Митя слушал Ольгу уже с таким почтением, что Алеше не удавалось вставить в беседу ни одного слова. Даже когда Ольга напутала и назвала новорожденного макаку Петькой, тогда как на самом деле его звали гораздо интереснее — Банан, и Алеша хотел было поправить Ольгу, Митя даже не оглянулся на него. Они шли чуть впереди Алеши; Оля была намного ниже Мити, но тоже казалась высокой — очень тоненькая и длинноногая. Оля загорает гораздо быстрее, чем Алеша, и сразу темным, матовым загаром, а когда загорает, то глаза у нее делаются еще светлее. Вероятно, Ольга загорает так быстро потому, что она светловолосая. Хотя Митя совсем темный, глаза карие, но и он тоже загорел здорово. А вот Алеша не загорел, а обгорел, стал весь красный, и веснушки, которым, по его соображению, следовало давно исчезнуть в загаре, стали еще отчетливее, и нос лупится... Алеша вздохнул.

Оля рассказывала Мите о маминой работе, причем так, словно мама родила только ее одну и Алеша не имеет к ней никакого отношения. Они уже спускались по лестнице, ведущей к выходу из питомника, когда увидели внизу маму. Вот тут Алеше наконец повезло. Ольге попал камешек в туфлю, она остановилась, чтобы вытряхнуть его, и Алеша первый подошел к маме и успел сказать:

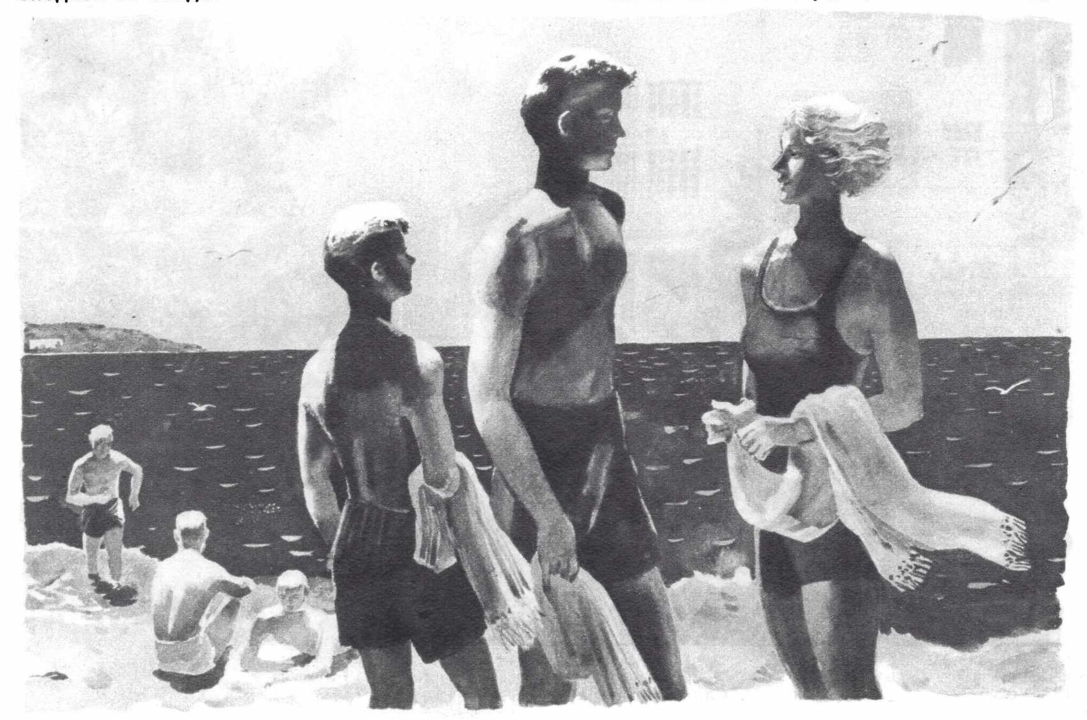
— Познакомься, мама, мой новый друг Дмитрий, из-за Полярного круга. С Крайнего Севера.

Алеша был вознагражден за все свои обиды, потому что мама с явным одобрением оглядела Митю и крепко, как взрослому, пожала ему руку.

— Очень рада познакомиться,— сказала она серьезно.

И когда Ольга наконец управилась со своей туфлей и подошла к ним, было уже совершенно ясно, что Митя — друг Алеши и к Ольге он никакого отношения не имеет. Ольга увидела, что маму ей уже не обмануть, и так как Ольга не любила попадать в глупое положение, то сейчас же сделала вид, что ничуть не претендует на дружбу с Митей. Она и не взглянула в его сторону, словно это не она три часа подряд показывалась, как могла. И пока они шли с мамой домой, даже с Алешей Ольга говорила вежливо и не называла его Ершиком. Алеша видел, как мама одобрительно посмотрела на Олю. Алеша всегда знал, что Ольга хитра. Эх, был бы Алеша девчонкой и ябедой, он обязательно сказал бы маме, чтобы не очень-то верила Ольге! Все уже было: и Ершом называла и замечания при Мите делала...

Дальше алешины дела пошли еще хуже. У Мити с Олей оказалось множество тем для разговоров. И как-то получалось, что они говорили или о книге, которой не читал Алеша, или о картине, которой он не видел, или о

предмете, который не проходили в пятом классе. Митя уже давно звал его не иначе, как Ерш, а порою даже «Чудо-юдо рыба Ерш». Оля смеялась, и Митя звал его так все чаще и чаще. Алеша заметил, что стоит Оле насупиться или повздорить с Митей, он сейчас же начинает злоупотреблять этим дурацким именем и фальшиво-заботливым голосом говорит:

— Ты, брат Ерш, помыл бы руки...

Было похоже на то, что Митя просто подлизывается к Ольге, а это недостойно мужчины. Мало-помалу Митя стал казаться Алеше не таким замечательным, а поэтому Алеша легче переносил его насмешки. Утешало Алешу и то, что Митя, который ни в какой зависимости от Ольги не находился, слушался ее, пожалуй, побольше, чем он, Алеша. Ольга хотела купаться, и Митя шел купаться, хотя только что собирался в ботанический сад. Митя звал к морю, но Ольга заявляла, что хочет пройтись по городу, и Митя поворачивал на горячий асфальт. Алеша плелся позади. Ему-то было совсем худо: мама сказала: «Без сестры ни шагу!»

Но окончательная катастрофа постигла Алешу примерно за неделю до того, как они должны были уехать из Сухуми. Они собрались в кино на шестичасовой сеанс, но Ольга так долго гладила платье и причесывалась, что Алеша с Митей успели сыграть две партии в шахматы. В третьей партии у Алеши были явные шансы на выигрыш, но появилась Оля, сказала: «Пошли»,— и Митя, который всегда утверждал: «Никогда не сдаваться — вот мой девиз»,— торопливо пробормотал: «Сдаюсь» — и бросился за Ольгой так, словно она тонула. Впрочем, то, что Митя сдался, очень подбодрило Алешу. Все-таки не сухой счет. Это уже ничего. Мите вчера проиграла даже мама, и вечером можно будет, не вдаваясь в подробности, небрежно сказать ей: «А я, знаешь, сегодня у Дмитрия выиграл одну из трех». Надо сказать именно так, скромно: «Одну из трех».

Алеша так размечтался, что очнулся только тогда, когда они стояли у дверей в кино и Митя предъявлял контролерше билеты. Контролерша была знакомая, старенькая, симпатичная. Алеша всегда здоровался с ней и, уходя, говорил: «Спасибо вам». И вдруг она сказала:

— Вы, барышня, и вы, молодой человек, проходите. А ты, мальчик, иди домой. Ведь знаешь правило: после восьми детям нельзя.

Митя и Оля растерянно переглянулись. Оля шагнула из двери, но Алеша уже бежал, не оглядываясь. Он остановился только за углом и видел, как они искали его в толпе. Потом Митя что-то сказал Оле и взял ее за руку; она нерешительно взглянула на него снизу вверх и, что было очень на нее непохоже, послушно пошла в кино.

Алеша в самом мрачном настроении отправился домой. Хорошо еще, что мама уже вернулась с работы. Они условились, что завтра вместе пойдут на эту картину, уселись за шахматы, и, что было совсем удивительно, мама, хотя и после упорного сопротивления, проиграла. Впрочем, чему же удивляться, если Алеша выиграл у самого Мити? Кроме того, внимательно выслушав все алешины соображения (он не то чтобы жаловался, а именно высказывал соображения), мама наконец сняла запрет ни на шаг не отходить от Ольги. Теперь это условие касалось только купанья. Правда, Алеше пришлось дать множество честных слов: осторожно переходить через улицу и есть на завтрак кашу и молоко, а не мороженое. Деньги на кино и прочие расходы он тоже будет теперь получать отдельно от сестры. Словом, это был вечер крупных реформ.

И, наконец, Алеша первым узнал новость: мамина командировка затягивается. Они пробудут в Сухуми до середины сентября. Мама уже говорила по телефону и с его и с олиной школой и обещала, что они нагонят пропущенное. А обратно они поедут на замечательном пароходе «Украина» до Одессы, а оттуда поездом в Москву. Одним словом, обрывочек лета, который исчислялся уже днями, вдруг развернулся ослепительно, как павлиний хвост. И Митя будет счастлив: ведь он должен пробыть здесь еще месяц. Его родители получили отпуск впервые за три года; на одну дорогу ушло больше месяца, и митин отец еще перед отъездом договорился с директором школы об опоздании. Это было не трудно, так как Митя — круглый отличник.

Послышались шаги, голоса. Мама замолчала и вслушалась. Но шаги прошли мимо, и голоса оказались незнакомые. Мама покачала головой и сказала негромко, озабоченно, словно продолжая разговор:

— Мне, когда я познакомилась с вашим отцом, было все-таки восемнадцать.

Алеше очень хотелось самому оглушить Ольгу новостью и сообщением о маминых реформах, но он заснул, так и не дождавшись сестры. А утром, когда он проснулся, оказалось, что Ольга уже все знает. Алеша думал, что Ольга рассердится за то, что он ускользает из-под ее власти. Но Ольга, видимо, поняла, что хотя в кино его и не пускают, согласно общим правилам, у матери брат уже пользуется полным доверием. С этого утра разговор сразу же пошел иной. Ольга сказала:

— Алешенька, ты не можешь выйти на террасу? Я хочу пол помыть,— и посмотрела на маму виноватыми глазами.

Было ясно, что мама наконец объяснила сестре, как следует относиться к брату. Оля весь день просто лезла из кожи. Вечером, когда мама пришла с работы, оказалось, что белье постирано, пол вымыт, алешины рубашки починены и обед сготовлен. Весь день Оля разговаривала вежливо: «Алеша, ты не мог бы провернуть мясо?», «Алеша, будь добр, принеси воды»... И он охотно помогал ей. Раз просят похорошему, пожалуйста. Лентяем он никогда не был.

Но вечером Оля опять ушла в кино с Митей. На этот раз они не опоздали, а нарочно пошли на восьмичасовой сеанс. Но вернулась Оля гораздо раньше. Оля подошла к Алеше, прикрыла его одеялом, поцеловала и сказала: «Спи, маленький». И почему-то это «маленький» на этот раз не обидело Алешу. Потом она села подле мамы у окна и долго что-то шептала, положив голову к ней на плечо. А Алеша так и уснул под их шепот.

Последние дни августа Алеша провел в горьком одиночестве. Конечно, если бы он с самого начала лета не ходил по пятам за Ольгой, то успел бы подружиться со здешними ребятами и подключиться к какой-нибудь футбольной команде. Но он не успел, а дружил он не так, как Ольга,— каждый день с новой девочкой. Алеша выбирал себе товарищей не торопясь, вдумчиво, придирчиво, и каждый раз на всю жизнь, на крепкую, мужскую дружбу. Только с Митей он решил подружиться сразу, но из этого ничего не получилось, вероятно, оттого, что Митя намного старше его. Правда, мама успокоила Алешу, объяснив, что с годами это сгладится, и когда Алеше будет лет двадцать пять, а Мите тридцать, разницы уже не будет никакой, если, конечно, из Алеши к двадцати пяти годам что-нибудь получится. Из Мити же, по маминому мнению, выйдет отличный человек. Алеша решил, что у него еще пять лет впереди, чтобы стать таким же. Это успокаивало.

Оля окончательно перестала звать его Ершом, а иногда звала только «Чудо-юдо рыба Ерш», и получалось это у нее как-то по-новому, ласково и не обидно. Оля гладила ему рубашки и даже подарила карманный фонарик. Словом, Алеша уже почти был готов смириться с тем, что у него есть старшая сестра и стать ее преданнейшим другом, как вдруг Ольга совершила предательство. Да, этому не было другого названия! Не было...

Первого сентября они решили ехать на катере. Ольга принялась печь какие-то особенные оладьи в дорогу, а Алешу послала в магазин. Но когда он вернулся, то не обнаружил дома ни Ольги, ни долгожданных оладий. На столе лежала записка: «Мальчики, я решила идти в школу, на катере поедем в воскресенье. Купаться пойдем после школы. Привет. Оля». Через несколько минут явился Митя. Он имел весьма франтоватый вид, голубая рубашка была отглажена. Его провожала мама, Анна Петровна, которая хотела дать им последние напутствия для дальней поездки. Митя прочел олину записку, и на лице его изобразилось полнейшее недоумение. «Не понимаю, зачем ей это понадобилось»,— пожал он плечами.

— Покажи-ка! — и Анна Петровна через митино плечо заглянула в записку.— Какое удивительное чувство долга! — восхитилась она.— Митя! Ты видишь, девочка моложе тебя и догадалась, а я-то мучаюсь, что ты пропускаешь занятия. Ты завтра же пойдешь в школу и попросишь директора, чтобы он разрешил тебе ее посещать.

— Нет,— решительно заявил Митя,— бывают в жизни дни, которые не повторяются! Ты же знаешь, что я все догоню.

— Я твое упрямство знаю,— рассердилась Анна Петровна,— делай, как знаешь.

Когда она ушла, мальчики переглянулись, и Митя сказал решительно:

— Я прекращу это немедленно, обещаю тебе.

Это была минута полного единения чувств. Алеше было ясно, что поступок Оли наведет маму на совершенно определенное решение относительно его собственной судьбы. Поэтому он с самым живым вниманием наблюдал из окна, как Митя ходил перед дверями школы, которая как раз находилась по ту сторону улицы, как выбежала оттуда Ольга, сияющая, в темненьком платьице, и начала что-то рассказывать Мите. Разговор продолжался целую перемену. Алеша не видел митиного лица, но Ольга все больше мрачнела и что-то горячо доказывала Мите, очевидно, не замечая, что вокруг них уже собралась толпа девочек с любопытными черными глазами. Потом она круто повернулась и вбежала во двор школы. Митя появился в комнате с весьма мрачным выражением лица.

— Твоя сестра сошла с ума,— сообщил он Алеше.— Она, понимаешь ли, видела из окна, как девочки бегут в школу, какие букеты несут учительнице, позавидовала этому счастью и решила, что самое интересное, что можно сделать в Сухуми,— это ходить в сухумскую школу.

Алеша сокрушенно вздохнул. Митя встал:

— Я терпеть не могу этих старательных девиц, которые подлизываются к взрослым и считают, что самое интересное на свете—это решать уравнения.— Он помолчал и прибавил: — Да, братец ты мой, подвела она нас. Ну, ладно, идем купаться. Больше у вас я бывать не буду, я плохих товарищей не люблю. Встречаться будем на пляже.

Никогда еще пляж не был таким пустым, как в утро первого сентября... На нем были только взрослые и самые маленькие ребята. И как бы далеко ни заплывали Митя и Алеша и как бы глубоко они ни ныряли, никто не обращал на них ни малейшего внимания. Им казалось, что уже три часа дня, но когда они возвращались в питомник и проходили мимо школы, прозвонил звонок, толпа мальчиков высыпала во двор.

— Большая перемена,— сказал Митя.

Мальчики во дворе играли в какую-то игру, незнакомую Алеше и Мите. Но сквозь изгородь, заплетенную цветами, трудно было понять, в чем ее смысл, а войти во двор неудобно.

Оля пришла из школы веселая, раскрасневшаяся, очень солидная, с большим маминым портфелем, и вопросительно поглядела на Алешу. Чтобы подразнить ее, он рассказал, как весело они купались.

— Ты-то хоть маленький еще...— сказала она и перебила себя: — А учительница по географии — красавица, косы — вот,— и Оля провела рукой ниже колен.

— Оля, Олечка! — раздались голоса под окном.

И Оля, схватив полотенце, помчалась на пляж со своими новыми подругами. Вечером она с дочкой тети Маши готовила уроки.

На другой день Алеша с Митей снова встретились на пляже. Так и пошло.

Оля казалась веселой, счастливой, довольной. Она успевала купаться и бегать в кино и выучила новые, очень красивые абхазские песенки. Но однажды поздно вечером Алеша проснулся от шепота.

В комнате было светло от луны, и Алеша видел светлую олину голову и мамину смуглую руку, которая взад и вперед скользила по этой светлой голове.

— Я думала, он настоящий,— жалобно шептала Оля.— Я думала, он мне во всем верит... И ты пойми. Ну он не хочет, его дело. А зачем же со мной ссориться? Он мне говорит: «Ты сухарь и образцово-показательная». А мне, честное слово, интересно в эту школу ходить.

— Все образуется,— шептала мама.— Он и правда хороший, просто он еще очень юный, вспыльчивый, мальчик еще.

— Я тоже еще молодая,— сказала Оля.— Это ничего не значит; вот из Алексея тоже такой лентяй выйдет, и он также будет людей обижать, и ни одна девушка его не полюбит.

Мама засмеялась. Утром Алеша проснулся весьма озабоченный. Он еще никогда не думал о том, хочется ему, чтобы его полюбила девушка или нет. Пожалуй, хватит с него и Ольги, чтобы командовать.

На пляже Мити не оказалось. Это было не по-товарищески, так как он знал, что Алеше без него купаться запрещено. Дома Мити тоже не было. Возвращаясь домой, Алеша постоял под открытым окном школы. Какой-то мальчишка читал басню «Ворона и лисица». Алеша мог бы прочитать ее ничуть не хуже. Раздался звонок, и вдруг Алеша увидел перед собой Митю.

— Пойдем,— сказал Митя,— я уже предупредил в учебной части, что ты придешь. Только, Алексей, дай честное пионерское, что ты не скажешь сестре... И родители не знают, что я хожу в школу.

— Почему? — не понял Алеша.

— Они подумают, что я из-за нее записался,— пояснил Митя мрачно.— А я сам захотел, помимо нее. Надоело болтаться. И вообще твоя сестра неважно разбирается в людях.

С тех пор каждое утро Алеша заходил за Митей, и они вместе отправлялись в школу. Митя шел мужественно, твердо, как солдат в строю. Алеша плелся за ним весьма понуро. Как бы там ни было, не стоило затевать всю эту историю. Можно две недели и без школы прожить.

Оля попрежнему смеялась и пела днем и шепталась с мамой по ночам. Она похудела, лицо у нее вытянулось, а глаза стали большие и такие зеленые, словно в них плеснули морской воды.

Накануне отъезда, вечером, она вдруг стала долго причесываться, надела самое нарядное платье и предложила Алеше пойти в кино. Алеша понял, что сегодня нужен ей. Он шел рядом с сестрой, и у него было такое чувство, что он охраняет ее от какой-то беды. И когда она прошла мимо кино, даже не оглянувшись, Алеша промолчал.

На главной улице они наконец встретили Митю. Митя остановился под цветущим рододендроном и вопросительно улыбнулся. Оля чуть наклонила голову и быстро прошла мимо. Алеша хотел было заговорить с Митей, но Оля была уже далеко; он догнал ее и взял под руку. Оля не смотрела на него, и он снизу увидел, как вздрагивает ее загорелый подбородок и завитки волос дрожат, словно медные пружинки.

Утром они нашли на полу под окном большой букет роз. Оля уткнулась в розы лицом и отошла от окна. Но мама не трогала ее и продолжала собирать вещи. Алеша тоже собирал вещи и делал вид, что не слышит олиных вздохов. И только тогда, когда пора было уже ехать в порт, он молча помог ей завернуть розы и, приподнявшись на цыпочки, подал пальто.

Он даже не успел осмотреть пароход, потому что в толпе сразу же потерялась Оля. Он нашел ее на самой верхней палубе. Она стояла, облокотясь на поручни трапа, и смотрела на берег. Она плакала отчаянно и сердито утирала кулаком слезы. Волосы ее трепал ветер, но она не поправляла их. Алеша тихо стал подле нее. Сестру надо было выручать. В конце концов действие честного пионерского слова может считаться недействительным с того момента, как давший его человек отплывает от берега, на котором это честное слово дано. Это было совершенно новое понятие честного слова, чисто территориальное, но Алеша считал, что иного выхода у него нет.

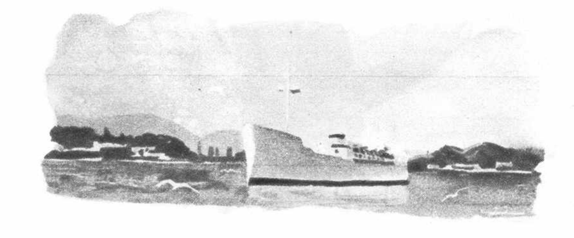
— Жалко школу,— сказал он без всякого выражения.— Привык. Хорошие ребята. И дерутся здесь здорово.

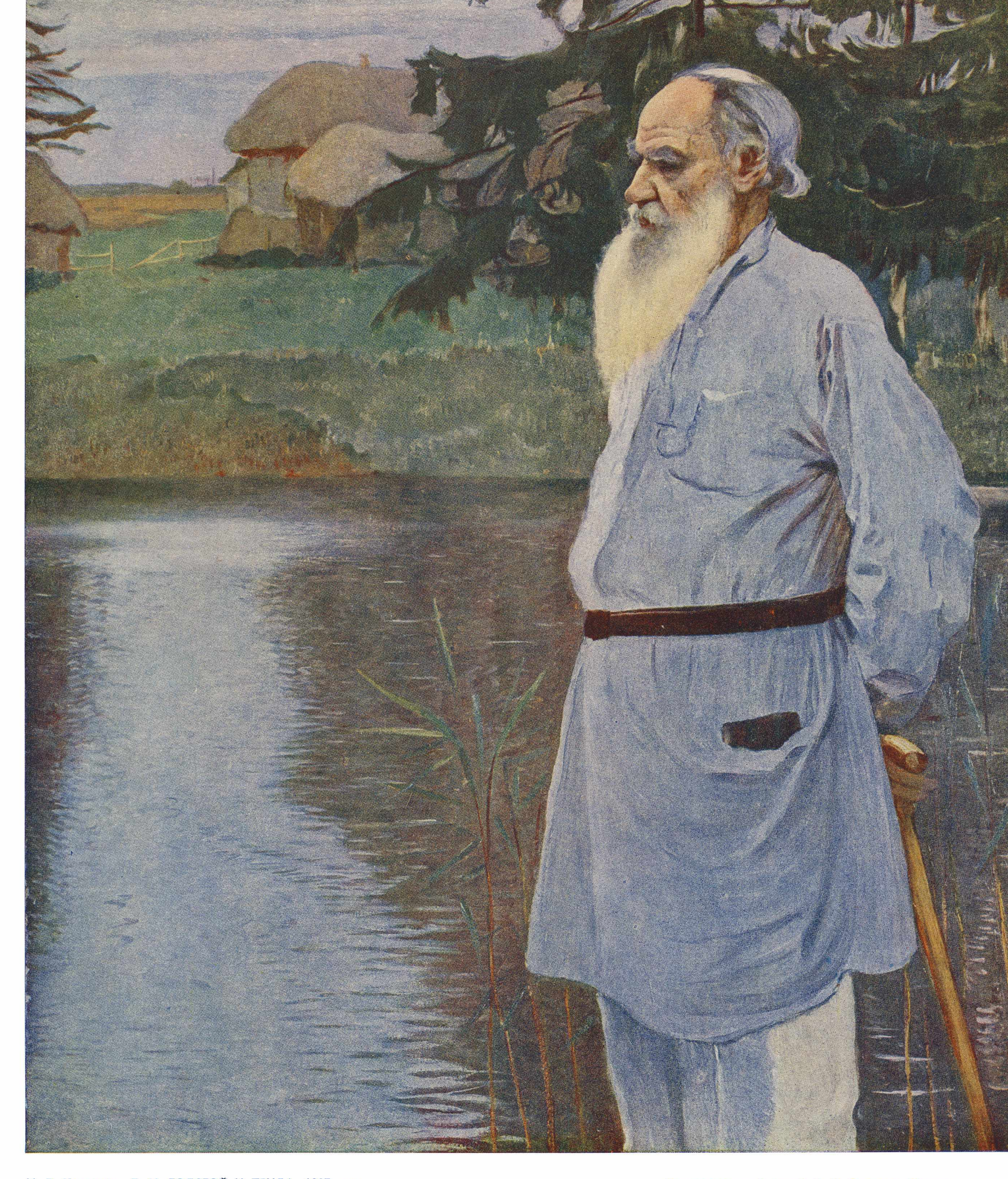
Оля перестала плакать и даже, кажется, дышать.

— А Митя. — Алеша чуть не задохнулся: впервые в жизни он нарушал честное пионерское слово и впервые в жизни спасал утопающего,— а Митя — уже круглый отличник и уже трех самых силачей побил. А завтра у него на пионерском сборе доклад о Заполярье.— «Утопающий» задышал, еще прерывисто и неровно, но все же задышал.— А учиться Митя приедет в Москву.

Алеша вздохнул с облегчением: «Слава богу, хоть кончится наконец этот рев». Но он ошибся. Рев только еще начался. Оля плакала, и всхлипывала, и обнимала его, и махала рукой уже далекому берегу, и улыбалась. Потом она исчезла так быстро, что Алеша снова потерял ее из виду. Он еще плохо ориентировался на пароходе и увидел Олю только часа через два. Она стояла за высоким столиком против окна с надписью «Почта» и писала. Подле нее стоял молодой моряк. Моряк смотрел с восхищением на Олю и с нескрываемой завистью на стопку исписанных листков, которая все росла и росла.

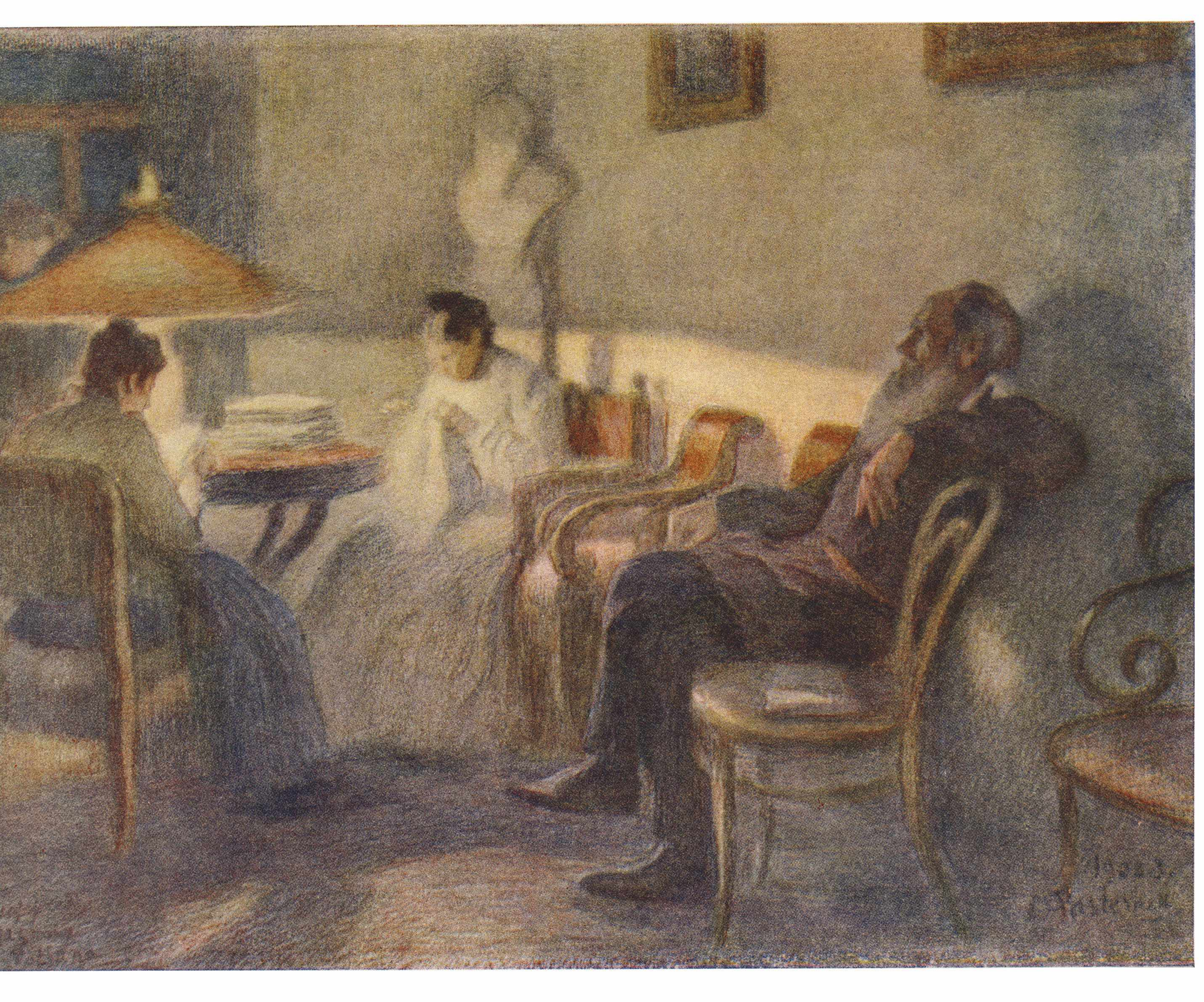
Алеша вздохнул с облегчением. Наконец-то он снова принадлежит самому себе. Он вышел на палубу. Сухуми уже не был виден, и только можно было догадываться, где здание гостиницы, где пальмы, где школа. Сейчас там, наверное, уже звонок. И в Москве тоже. Пароход шел все быстрее, чайки гнались за ним, но, уставши, падали на белые гребешки волн. А белые витые гребешки все догоняли и догоняли пароход, наплывая друг на друга, словно с берега кто-то щедро и грустно бросал вслед пароходу пушистые снопы белых цветов.

М. В. Нестеров. Л. Н. ТОЛСТОЙ У ПРУДА. 1907 год.

Государственный музей Л. Н. Толстого. Москва.

Л. О. Пастернак. Л. Н. ТОЛСТОЙ В СЕМЬЕ. 1902-3 годы. **Государственный музей Л. Н. Толстого. Москва.**

А. Юлин (справа) еще впереди, но первым на финише был Ю. Литуев. Оба они побили рекорд Европы в барьерном беге на 400 метров.

Фото Н. Волкова.

НА ПЕРВЕНСТВО СТРАНЫ

Из записной книжки

22 АВГУСТА. Завтра на московском стадионе «Динамо» начнутся состязания на первенство СССР по легкой атлетике. Крупнейшее событие летнего сезона 1953 года! В Москву уже съехались все участники, а их, говорят, без малого 1 300. Представлены все шестнадцать союзных республик, Ленинград и Москва. Звание чемпиона разыгрывается в тридцати видах легкой атлетики, не считая эстафет.

В положении о соревнованиях есть любопытный пункт. Если кто-либо из участников выполнит норму мастера спорта, то команде, которую он представляет, начисляется дополнительно 300 очков, за всесоюзный рекорд — 500, за мировой — 1 000 очков. Интересно, кто и сколько наберет дополнительных очков.

23 АВГУСТА. Первой чемпионкой СССР 1953 года стала москвичка Александра Чудина, прыгнувшая в длину на 5 метров 95 сантиметров.

В метании копья молодой ленинградец Владимир Кузнецов не знает сейчас равных. У него гармонически сочетаются быстрый разбег и рывок. Сегодня его лучший бросок равен 75 метрам 47 сантиметрам. Киевлянин Виктор Цыбуленко, занявший второе место, проиграл ему почти 5 метров.

Выше всех — на 1 метр 95 сантиметров—удалось прыгнуть ленинградцу Юрию Илясову. Таким результатом нельзя быть довольным. Наши прыгуны должны поднять планку выше, и намного. Установленный в нынешнем году мировой рекорд равен 2 метрам 12 сантиметрам.

С нетерпением жду бега на 10 тысяч метров. Два стайера привлекают общее внимание. Это горьковчанин Александр Ануфриев, установивший в июне выдающиеся рекорды в беге на 5 тысяч и 10 тысяч метров, и ленинградец Владимир Куц, призер фестиваля молодежи и студентов в Бухаресте. Но ожидание увидеть острую борьбу не оправдалось. Куц легко одержал победу. Его время — 29 минут 49,4 секунды, а у Ануфриева — 30 минут 31,4 секунды.

24 АВГУСТА. Сегодня было восемь финалов и три новых рекорда. Большой день! Прежде всего о барьеристах. Барьерный бег — сложнейший вид легкой атлетики. Здесь все построено на ритме, безошибочно четких и точных движениях.

Сегодня герой дня — ленинградец Юрий Литуев. Он пробежал 400 метров с барьерами за 50,7 секунды — новый рекорд СССР и Европы. Теперь только 0,1 секунды отделяют Литуева от мирового рекорда, установленного девятнадцать лет назад.

Александра Чудина сегодня установила новый всесоюзный рекорд, взяв высоту 1 метр 69 сантиметров. Это третий результат в мире за всю историю легкой атлетики.

В. Куц на финише всегда поднимает руку.

Уже несколько лет наши бегуны на 800 метров безуспешно стремились пройти эту дистанцию меньше чем за 1 минуту 50 секунд. Наконец этот рубеж взят 25-летним москвичом Георгием Ивакиным. Новый рекорд теперь равен 1 минуте 49,6 секунды.

После двух дней команда Москвы вышла вперед, выиграв у ленинградцев всего 3 очка. Но важно захватить инициативу.

25 АВГУСТА. Наш рекордсмен по прыжкам с шестом киевлянин Петр Денисенко понес тяжелое поражение, заняв четвертое место. Первое место досталось москвичу Владимиру Бражнику. Бражник взял высоту 4 метра 30 сантиметров.

Сильно провела бег на 400 метров москвичка Зоя Петрова. В ожесточенной борьбе с ленинградкой Солоповой и киевлянкой Откаленко она заняла первое место со временем 56,2 секунды.

26 АВГУСТА. Глядя на красивый, легкий бег Ардальона Игнатьева, нельзя не восхищаться им. Игнатьев в совершенстве овладел техникой бега. К тому же он отлично подготовлен. В течение часа он стартовал дважды: сначала на 200 метров, а затем на 400 метров. 200 метров он пробежал за 21,2 секунды, а 400 — за 46,9 секунды. Выдающиеся результаты!

Еще одну, третью по счету, золотую медаль завоевала Чудина. В метании копья она заняла первое место.

Коллектив легкоатлетов Москвы уверенно идет впереди. Вряд ли кому удастся догнать столичную команду.

27 АВГУСТА. Последний день соревнований. В 16 часов 30 минут свыше ста человек приняли участие в марафонском беге, дистанция которого, как известно, равна 42 километрам 195 метрам.

П. Сороковых, один из старейших легкоатлетов, стал чемпионом страны в марафонском беге, пробежав 42 километра 195 метров за 2 часа 29 минут 2,8 секунды.

В беге на 800 метров Нина Откаленко установила новый мировой рекорд — 2 минуты 7,3 секунды.

Старт принимают участники бега на 1 500 метров. Вперед вырывается киевлянин Чевгун. Пройден первый круг. Чевгун уступает лидерство другому представителю команды Украины — Белокурову. Позади три круга. До конца дистанции остается 300 метров. Вот когда разгорелась борьба!

Первым финишировал Багреев. О нем никто ничего не знал. Он представлял вторую команду Москвы. Время Багреева — 3 минуты 50 секунд. Двадцатидвухлетний Владимир Багреев— студент Московского института инженеров железнодорожного транспорта.

Без особого труда выиграл бег на 5 тысяч метров Владимир Куц. 14 минут 2,2 секунды потребовалось ему, чтобы пройти 5 километров. Исключительный результат! Быстрее него эту дистанцию пробежали лишь двое — Г. Хэгг (Швеция) и А. Ануфриев (СССР).

Вечером при свете прожекторов был спущен флаг соревнований. Первое место заняла команда Москвы, второе — Ленинграда и третье — Украины. За пять дней состязаний было установлено три всесоюзных и один мировой рекорд.

В. КАЗАНЦЕВ,
заслуженный мастер спорта.

Пять дней спортивных испытаний

Накануне всесоюзных состязаний по современному пятиборью в районе подмосковной станции Планерная участники совершили нелегкое путешествие. Они прошли по пятикилометровой дистанции, которую завтра им придется преодолеть на лошадях. Хорошо бы на своих лошадях! А тут правила жесткие. Лошади разыгрываются по жребию, и только за 15 минут до старта можно будет сесть на доставшегося скакуна.

На другой день утром начались скачки. Каждый пятиборец должен был обязательно взвеситься. Полагалось иметь не менее 72 килограммов весу, иначе не допустят к старту.

Первенство оспаривают команды Советской Армии, «Динамо», «Урожая», «Пищевика», «Медика» — всего тридцать с лишним человек.

С интервалом в пять минут один за другим стартуют спортсмены. Важно пройти дистанцию не более чем за 12 минут. Иначе начисляются штрафные очки. Штрафные очки начисляются и в том случае, если лошадь сделает «закидку» — не возьмет препятствия.

С вершины холма хорошо просматривается почти вся трасса. Видно, как мчится всадник. Затем он исчезает в высоком кустарнике, и только по топоту копыт лошади можно определить, где он находится. Барьер, установленный тут же, возле кустарников, чисто взят.

— Да это наш Вадим на «Казбеке»! — кричит стоящий рядом с нами армейский спортсмен.

Между тем армеец Вадим Жданов продолжал скачку в стремительном темпе. Взяты все препятствия. Теперь вверх по дороге к заветному финишу. Звонит колокол. Пять километров трудного пути остались позади.

Результат Жданова, 10 минут 55,2 секунды, оказался лучшим. Он проскакал всю дистанцию без единого штрафного очка. Второе и третье места заняли армейские спортсмены Петр Поляков и Иван Небабин. Один из основных претендентов на звание чемпиона СССР, динамовец Игорь Новиков, попал в десятку сильнейших. Это хорошо. Лошадь Новикову досталась далеко не из лучших. К тому же именно этот вид пятиборья — самый трудный для Новикова.

На другой день пятиборцы «перебазировались» на московский стадион «Динамо». Предстояли встречи по фехтованию на шпагах. Не узнать вчерашних всадников: бриджи, сапоги, жокейские шапочки заменены специальными белыми костюмами, легкими туфлями, лицо защищено металлической сеткой. Для того чтобы победить, достаточно сделать один укол. Но участников много. И состязания, начавшиеся в 10 часов утра, закончились только к 8 часам вечера.

Как только укол сделан, на судейском столике вспыхивает электрическая лампочка. Лучшим в фехтовании оказался динамовец Валентин Вдовиченко. В 35 встречах он нанес 24 укола. На 2 укола меньше сделал Новиков.

Третий день посвящен стрельбе. Близ станции Строитель Северной железной дороги расположено стрельбище. Пятиборцы выходят на линию огня. Стрельба из пистолета. Дистанция — 25 метров. Нужно сделать 20 выстрелов (четыре серии по 5 выстрелов). На каждый выстрел дается три секунды. Появляется мишень. Залп из пяти пистолетов. Стреляют динамовцы Новиков, Дысс, армейцы Дыхаев, Проскудин. Хорошо идут дела у Новикова. Первая серия — 46 очков из 50 возможных, вторая — 50, третья — 45, четвертая — 48. В итоге 189 очков. Лучший итог дня. Игорь Новиков выходит на общее первое место. А это значит, что у него большие шансы завоевать звание чемпиона, ибо плавание и бег лучше всего даются Новикову.

И действительно, четвертый день принес полный успех Новикову. На водной станции «Динамо» в Химках он показал лучший результат, проплыв 300 метров за 4 минуты 12,1 секунды.

Наконец, последний, пятый день соревнований. Участники снова собрались близ станции Планерная. Им предстоит бег по сильно пересеченной местности на 4 тысячи метров. Только за час до старта спортсменов познакомили с трассой кросса...

Звание чемпиона СССР было присуждено Игорю Новикову (Ереван, «Динамо»), второе место занял Петр Поляков (Москва, ЦДСА), третье — Иван Небабин (Москва, ЦДСА). Общекомандное первенство выиграли армейцы.

Е. ЕВГЕНОВ

Динамовец С. Дысс преодолевает одно из двадцати препятствий.

В лабораториях института шерсти

Н. ГОНЧАРЕНКО

Семеновская улица, дом 3. Здесь, на окраине Москвы, находится Центральный научно-исследовательский институт шерстяной промышленности. В его лабораториях разрабатываются методы усовершенствования технологии и повышения качества сукна, драпа, коверкота и всевозможных других шерстяных тканей. Ученые трудятся в тесной связи с промышленными предприятиями. И радиус действия института простирается далеко за пределами столицы.

Это в первую очередь относится к лаборатории, исследующей основу основ шерстяного дела — сырье.

— Наша лаборатория не совсем обычна,— говорит кандидат технических наук Владимир Юльевич Бигман.— Ее «филиалы» есть и на Украине, и в Азербайджане, и в Казахстане, и в Эстонии,— словом, всюду, где зоотехники и чабаны улучшают местные породы овец, скрещивая их с более продуктивными. Мы помогаем овцеводам заочно, а иногда и сами выезжаем на места.

Рассказ научного сотрудника О. Я. Березиной переносит нас в горы Закарпатья, в Воловский округ. У закарпатской овцы — рацки — очень длинная шерсть, овца вынослива и неприхотлива, однако рост у нее малый, а волокно грубое.

Улучшить породу должны были полутонкорунные цыгайские бараны, дальние предки которых были переселены на Украину еще при Петре Первом. Цыгаи обладают ценным качеством: они быстро приспосабливаются к переменам климата.

По совету Березиной цыгайских баранов в колхоз имени Сталина привезли из племенного хозяйства имени Розы Люксембург. Уже первое поколение новой породы — помеси рацки и цыгая — заставляет думать, что будущее у нее неплохое. Раньше местные жители вырабатывали из волокна рацки только ковры и грубые ткани. Теперь из него можно делать более тонкие ткани типа шевиота. Шерстяная промышленность получила новое сырье.

Сырьевая лаборатория подсказывает практикам сельского хозяйства и научным работникам, как получать хорошее волокно. Созданные институтом витрины наглядно иллюстрируют, как пороки шерсти, происходящие от плохого ухода за животными, от различных заболеваний, от неправильного хранения волокна, влияют на качество ткани. Ведь высококачественное сырье — залог ткани, радующей человека своей прочностью, мягкостью и чистотой красок...

Следующее помещение меньше всего напоминает лабораторию. Это небольшой прядильный цех. Здесь гладкая ровница, вытягиваясь и скручиваясь, превращается в пряжу.

Вот оборвалась одна из нитей. Девушка левой рукой приподнимает тяжелый валик (а весит он до двух килограммов), а правой ловко подводит под него ровницу и присоединяет ее к порвавшейся. Более ста раз за смену приходилось раньше работнице поднимать этот груз!

Теперь эта операция выполняется гораздо проще. Валики расположены не сплошь, а на некотором расстоянии один от другого. Работнице не нужно поднимать тяжелый валик, удерживающий ровницу, а просто завести нить под него и той же рукой соединить порвавшиеся концы.

— Хорошее приспособление, удобное в работе,— говорит прядильщица. — Экономит, бережет наши силы.

Автор приспособления, которое так облегчило труд прядильщиц,— директор института кандидат технических наук Василий Иванович Губин. Он рассказывает нам о создании нового прядильного оборудования — машин непрерывного действия. До сих пор советские фабрики использовали для производства сукна лишь машины периодического действия — сельфакторы, на которых ровница сначала вытягивается и скручивается, а затем, уже отдельно, готовая пряжа наматывается на шпули. А на новой машине прядение и наматывание происходят одновременно. По сравнению со старыми машинами производительность ее выросла почти вдвое, да и площадь она занимает в три раза меньшую, чем сельфакторы.

Промышленность еще только начала осваивать эти машины, но те тридцать восемь, которые уже действуют, хорошо зарекомендовали себя.

Михаил Дмитриевич Ерофеев, начальник ткацко-ассортиментной лаборатории, перелистал альбом, выбрал два темносиних образца ткани и снял с них бумажные ярлыки.

— Попробуйте угадать, чем они отличаются друг от друга.

В улыбке Михаила Дмитриевича чувствуется какой-то подвох. Поэтому мы как можно тщательнее рассматриваем, ощупываем, мнем в руках лоскуты. Но все старания напрасны. Ткань одинаково тонкая, гладкая, мягкая; разницы нет ни в цвете, ни в рисунке.

— Ну, как, ничего не нашли? — спрашивает Ерофеев.— А ведь один из них, можно сказать, дальний родственник капроновых чулок.

И он показывает нам ярлыки. На первом написано: «Бостон с содержанием 10 процентов капронового волокна»,— на втором: «Бостон стандартный, чисто шерстяной».

— Существенную разницу между ними могут уловить специальные приборы,— продолжает Михаил Дмитриевич. — Например, тот, который определяет степень истирания ткани. Его сконструировал научный сотрудник нашего института Серафим Георгиевич Зырин.

В контрольно-испытательной лаборатории, где строгие, чувствительные приборы исследуют свойства ткани, интересующие ее создателей, кусочек капронового бостона заправляют в автомат системы Зырина. Вращаются, соприкасаясь, головки прибора. На одной — бостон, на другой — истирающая поверхность — толстое шинельное сукно. С каждым поворотом головки вокруг своей оси на счетчике появляется новая цифра: 10... 180... 930... Устаешь смотреть, как посверкивают металлические части прибора. Наконец он остановился. Счетчик показывает 7 760. Испытание выдержано. А бостон из чистой шерсти сдался на 3 850 оборотах. Значит, и в носке он протрется в два раза быстрее.

Ко многим высококачественным материям до последнего времени добавляли вискозный шелк. Изучая синтетическое волокно — капрон, сотрудники института обнаружили, что оно по своим свойствам гораздо ближе к шерсти, чем вискоза. Капрон не поддается деформациям, устойчив к воде и слабым растворам кислоты, которыми обрабатывают шерсть, чтобы удалить из нее растительные примеси.

— Капрон позволил осуществить то, что давно уже привлекало нас,— рассказывает М. Д. Ерофеев.— Покупатели чаще спрашивают в магазинах не сукно с его пушистым ворсом, а камвольные, то есть гладкие, ткани. Для изготовления таких тканей нужно длинное волокно, но наша промышленность пока что получает его недостаточно. И мы решили призвать на помощь капрон. Скрутив короткие шерстяные волокна с длинными капроновыми, мы получили материю типа габардина и бостона, с ясно различимым рисунком переплетения нитей и довольно гладкой поверхностью. Эти сорта мы назвали камволеподобными.

Исследования ткацко-ассортиментной лаборатории связаны не только с капроновым волокном. Уже в нынешнем году покупатели увидят на прилавках магазинов шерстяной креп — тонкую, изящную ткань, вырабатываемую новым для нашей промышленности способом, и некоторые другие красивые, прочные материи, созданные институтом. Особенно интересна среди них водоотталкивающая ткань...

Сотрудница химической лаборатории наливает в стакан слегка подогретую воду и высыпает в нее желтоватые скользкие крупинки. Они растворяются, и жидкость принимает мутновато-молочный цвет. Лаборантка окунает в раствор лоскуток коверкота, а через минуту вынимает и отжимает его.

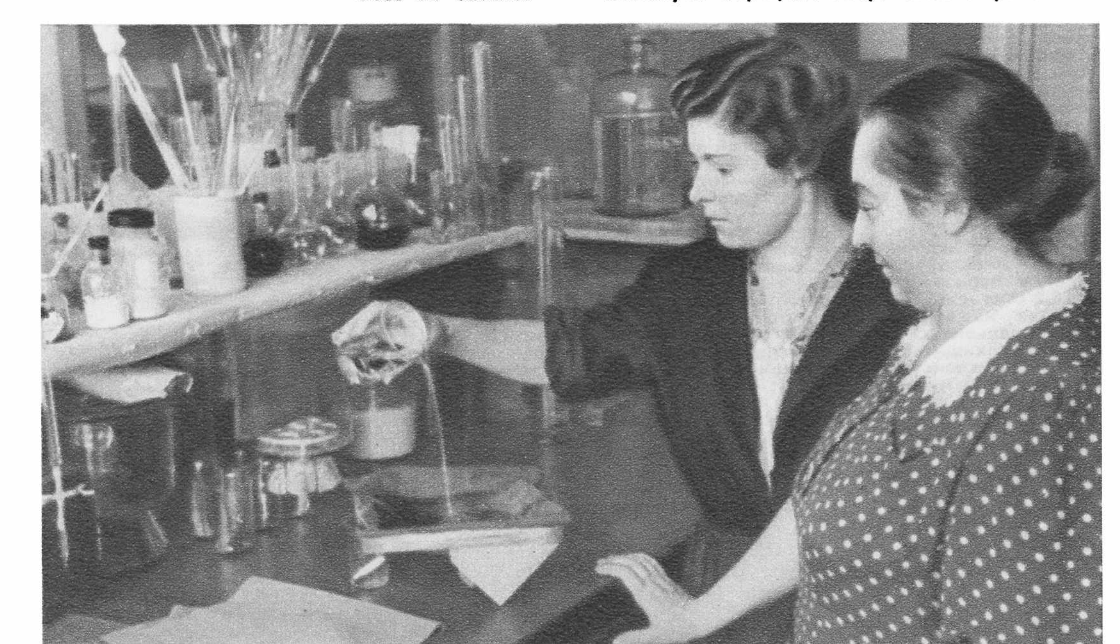
На высушенную и прогретую при 110 градусах ткань выливают воду. Крупные и мелкие серебристые капли разбегаются, как ртуть: коверкот не впитывает их. На тех местах, где задержались капли, он даже не темнеет.

— Вещество это названо препаратом 246 и получено химической промышленностью,— объясняет научный сотрудник лаборатории Фаня Иосифовна Райхлин.— Коверкот, обработанный этим препаратом, мы выдерживали под дождем до четырех часов. Даже и тогда он не намок и не изменил своей формы.

Ткань, на которую подействовал препарат 246, выгодно отличается от прорезиненных непромокаемых тканей: все они обычно сильно топорщатся, а новый сорт — под действием спиртов, из которых состоит препарат,— становится еще мягче и эластичнее.

Институт уже окончил испытание препарата 246 и помог промышленности разработать необходимую аппаратуру. Кунцевская ткацко-отделочная фабрика сейчас готовится к массовому производству водоотталкивающих тканей. Освоила лаборатория и препарат, который не позволяет шерстяной материи «садиться» от воды.

Сотрудники института убеждены в том, что уже в будущем году в магазинах появятся платья, которые можно стирать, не опасаясь, что они станут короче, и что наши читатели скоро смогут носить непромокаемые пальто и плащи из габардина, коверкота, драпа.

Кандидат технических наук Ф. И. Райхлин (справа) и техник Н. Г. Косухина испытывают ткань, обработанную препаратом 246.

Фото М. Савина.

ЦИРК ПРИЕХАЛ!

Репортаж И. ВЕРШИНИНОЙ и И. ТУНКЕЛЯ

Цирк приехал! Эта весть мигом облетела город. Особенно взволновала она ребят. С того момента, как появились на улицах первые яркие афиши, возвещающие о скором открытии циркового сезона в Мурманске, повседневное течение жизни малолетних его обитателей нарушилось.

Волнение усилилось, когда от железнодорожного полотна к пустырю, где в прошлом году стоял цирк Шапито, стали по нескольку раз в день подходить груженые пятитонки... Машины привозили балки, деревянные щиты, загадочные сундуки и ящики всех цветов и размеров, обручи, тюки, никелированные палки... Обширное и многообразное, непонятное и интригующее цирковое хозяйство прибывало. Наконец привезли животных. Процессию открыли верблюды. Они шли, важные, высокомерные, не реагируя даже на то, что из своих жарких родных мест попали в Мурманск.

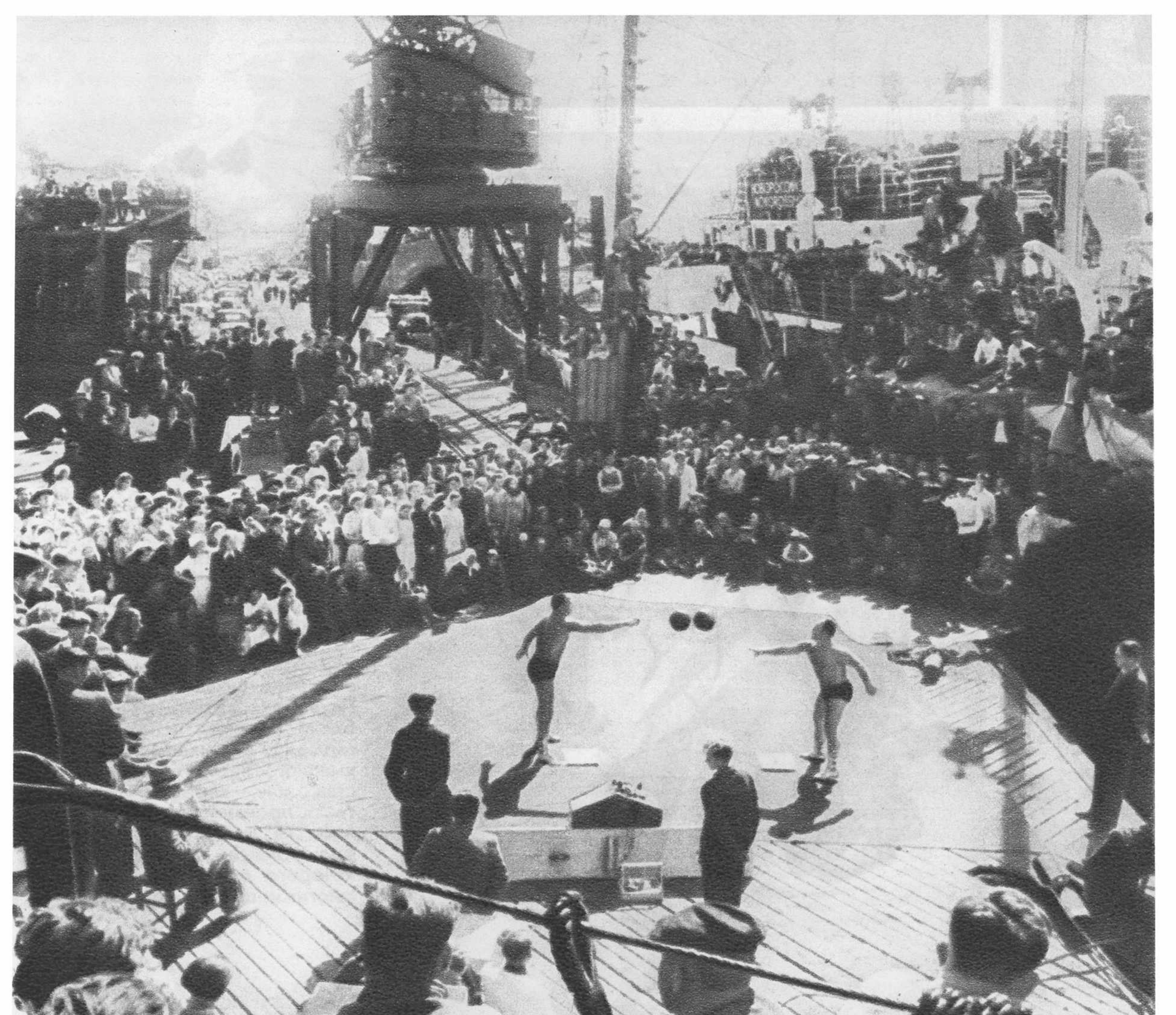
Всеобщую симпатию сразу завоевал маленький медвежонок. Несмотря на близость дрессировщика — Анатолий Дуров шел тут же, рядом,— Мишка вел себя весьма непосредственно. Он охотно брал у прохожих конфеты, пока милиционер останавливал уличное движение на перекрестке, и поспешно встал на задние лапы, чтобы доставить удовольствие мальчику, отдавшему ему едва полизанный вафельный стаканчик мороженого.

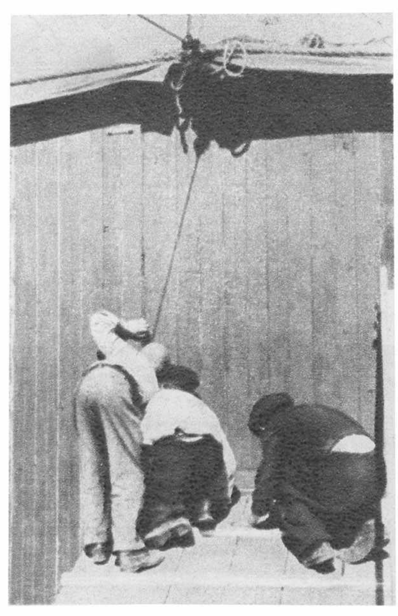
* * *

Цирк приехал! Это известие обрадовало и взрослых болельщиков. А их было немало в городе, немало и среди моряков. Поэтому сообщение портового радио о том, что в обеденный перерыв состоится шефский концерт артистов цирка для работников тралового флота, было принято с большим воодушевлением.

Вот прозвучал гудок на обед, и причал, на котором предполагался концерт, был мгновенно запружен людьми. Зрители разместились на подошедших грузовиках, на подъемных кранах, крышах помещений, пожарных лестницах. Соперничая в ловкости и смелости с актерами, моряки примостились на реях, мостках, перилах стоящих поблизости тральщиков. Подплывали катера, стремительно подлетали моторные лодки, подходили баркасы, причаливали шлюпки, привозя зрителей и образуя вокруг выступающих амфитеатр. Артисты почувствовали себя в привычной обстановке: зрители со всех сторон плотным кольцом, как в цирке, обступили сценическую площадку...

Даже резкий северный ветер, дующий с Баренцова моря, не помешал силовым жонглерам К. Калужьявичусу и И. Романаускасу, искусно манипулирующим соро-

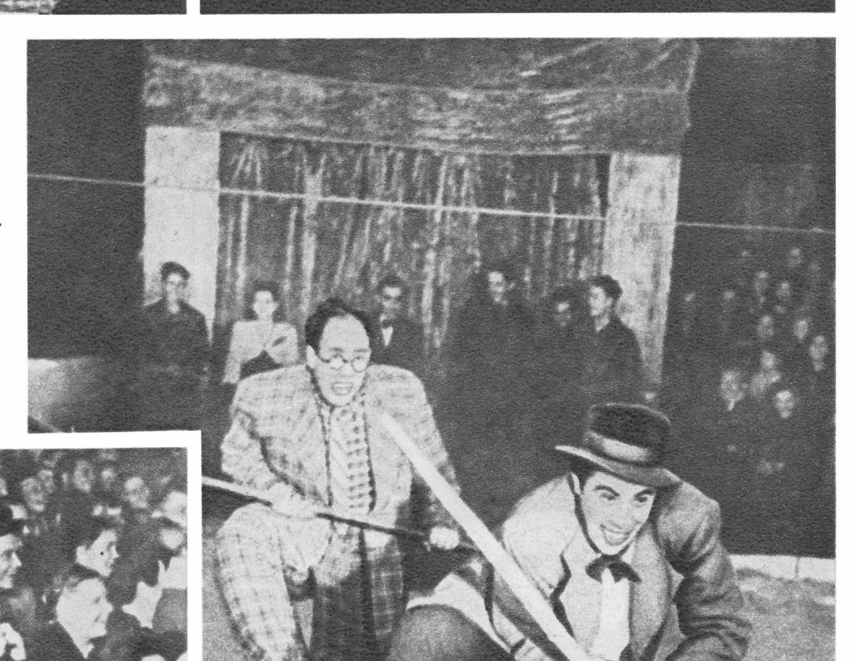

какилограммовыми гирями. А легкие кольца и булавы групповых жонглеров летали, преодолевая сопротивление ветра, точно в назначенных направлениях.

* * *

К щелям здания цирка прилипли любопытные. Заглянем и мы туда. Внутри идет горячая работа: роют землю, вколачивают столбы, что-то пилят, красят, забивают, тянут провода, прокладывают водопровод. Подъемный кран устанавливает массивные четырнадцатиметровые мачты, лебедки поднимают шапито — огромный полотняный купол, венчающий все здание. И всюду рядом с рабочими, строителями — актеры. Не в их характере сидеть в гостиницах, выжидая, когда все будет готово к представлению. Воздушный гимнаст А. Ржецкий устанавливает мачты, литовские артисты И. Романаускас, К. Калужьявичус, А. Гинейка, З. Черняускас строят кулисную часть, П. Варякоис оборудует манеж, женщины-актрисы чистят, моют, убирают — создают уют в гримерных, в красном уголке. Работают дружно, стремясь приблизить день и час открытия. Наконец этот день наступает.

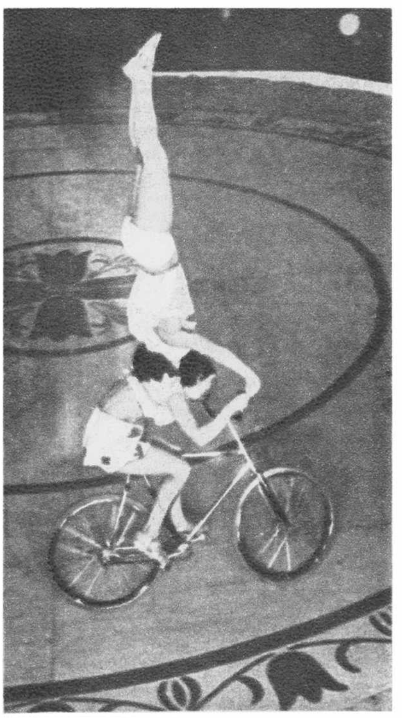

* * *

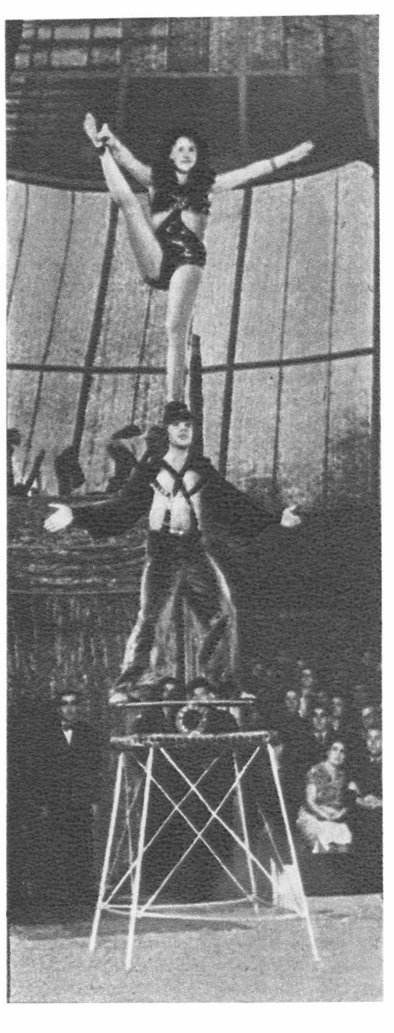
Ровно в 9 часов дирижер взмахнул палочкой, загремели фанфары, зажглись прожектора, соперничая с ярким, светящим сквозь купол северным солнцем. Грянула музыка. Тысяча триста зрителей заполнили зал. Представление началось!

Трудности переезда, подготовки к открытию — все позади. Зритель должен видеть только праздник, наслаждаться искусством красоты, силы, ловкости, мужества...

Скромно, грациозно и жизнерадостно выполняют программу артисты; в их работе нет подчеркивания сложности номеров, хотя вовсе не легко балансировать на вольностоящей лестнице, жонглировать, подымаясь и опускаясь по ней, шестью палочками, кольцами, факелами. Но молодые артисты Черняускасы делают это свободно и непринужденно, так, что кажется, за ними сможет повторить любой. Увлеченность своим делом отличает выступление велофигуристок сестер Станкутес. Глаз не успевает уследить за стремитель-

но несущимися машинами, на которых прыгают, висят, кружатся, кувыркаются, танцуют артистки. С ними соперничают в мастерстве воздушные гимнасты Калужьявичусы: под куполом цирка на маленькой трапеции проделывают они смелые и захватывающие трюки. Паузы заполняют артисты Барнабас и Мумжиу, исполняющие интермедии (к сожалению, очень невысокого литературного достоинства, как, впрочем, почти весь текст, произносимый в течение вечера на манеже), и комик-пародист Алексей Сергеев, искусство которого основано на владении многими цирковыми жанрами, а

также на верном ощущении границы, отделяющей смешное от пошлого. Молодого манипулятора П. Варякоиса, по команде которого прыгали карты, меняли свою окраску цветы и совершались многие другие чудесные превращения, сменяют на манеже Тереза и Анатолий Дуровы — самые молодые представители прославленной семьи русских дрессировщиков. Прислушаемся к их разговору во время работы со своими четвероногими партнерами: «Браво, Орлик!» «Умница, Кентошка!»

Любовь к животным чувствуется в каждом слове артистов — и это залог их творческого успеха.

Над Дуровыми шефствует народный артист республики Б. Эдер. Он специально приехал, чтобы провести с ними несколько очередных занятий. Работают целые дни, но манеж нужен и другим, особенно сейчас, когда из-за переезда пропало столько тренировочных дней. С раннего утра оживает площадь огромного шатра.

Пока животные бегают по манежу, возле зрительных скамеек разминается акробатка, в фойе репетируют жонглеры, под куполом качаются гимнасты. Артисты, одетые в свои повседневные, непривычные для манежа костюмы, кажутся неловкими, неуклюжими. Пришел директор и огласил приказ из Москвы: молодые артисты коллектива — участники Всесоюзного смотра цирковой молодежи Вита и Зигмос Черняускасы и Дануте Лазаускайте — награждены

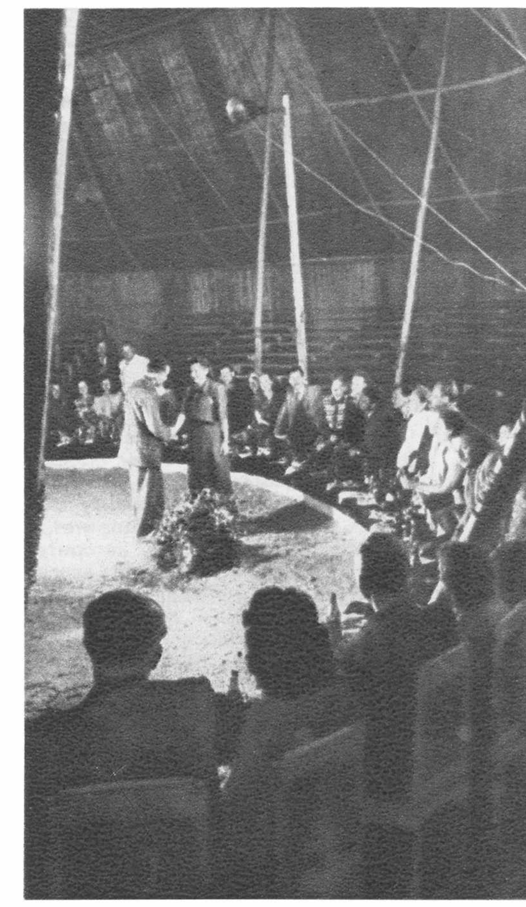

премиями. Репетиции прерываются, награжденных поздравляют, целуют, но через минуту — словно это послужило напоминанием о совершенствовании — тренировка продолжается. Усложняют старые номера, готовят новые. Эксплуатировать один и тот же номер не свойственно советским цирковым артистам. Уж на что Альбине и Альфонсас Гинейки — признанные рекордсмены (никто, кроме них, в Союзе не делает парного баланса на катушке), тем не менее артисты всё улучшают трюки. Новый номер сделали воздушные гимнасты Ржецкие. Гуляя по праздничной Москве, Ржецкий обратил внимание на вращающийся глобус на здании центрального телеграфа. Зимой во время репетиционного периода артист вместе с инженерами разработал чертежи аппарата, руководил его постройкой. И вот теперь на плавно плывущем под куполом шаре Анна и Александр Ржецкие демонстрируют искусство воздушной гимнастики. Конечно, трудно в условиях передвижного цирка, где нет постоянных режиссеров и опытных консультантов, отшлифовывать новый номер, но на помощь приходят товарищи. Здесь не знают чувства зависти, конкуренции, соперничества, здесь не существует понятия «мой номер»; привычные для всех слова — «наша программа». Поэтому на собрании, когда встал вопрос о дальнейшем маршруте, все выразили желание ехать вместе и дальше, чтобы не разрушать ансамбля... Сплоченность коллектива сказывается и за пределами спектакля. Жизнь артиста передвижного цирка одиннадцать месяцев в году проходит вне дома, и в труппе стало традицией отмечать всем коллективом не только народные праздники, но и личные, семейные и отмечать обычно после представления здесь же, на манеже...

Закончились гастроли в Мурманске. Опущено шапито, разобран цирк. Загружено одиннадцать товарных вагонов. Через десять минут скорый поезд Мурманск — Москва увезет артистов.

Впереди новые города, новые зрители...

Из многочисленных заграничных фильмов, из старых романов о цирковой жизни с передвижным цирком у нас связано такое представление: жалкий фургон, чахлая лошаденка, маленькая сцена с зазывалой у входа... Как все это не похоже на советский передвижной цирк!

ФОНТАН

Вл. ДЫХОВИЧНЫЙ, М. СЛОБОДСКОЙ

Рисунки Ю. Узбякова.

I

В последнее время Семена Даниловича Петухова стали преследовать кошмары. Каждую ночь с жестоким постоянством ему снилось, что он потерял авторитет.

Это было ужасно: авторитет для Семена Даниловича всегда был не надстройкой, а базисом, не следствием, а первоосновой. Авторитет казался ему чем-то обособленным, самодовлеющим, даже вещественным, ибо его можно было и приобрести и потерять, и поднять и уронить.

И вот когда его, как с печальной иронией говорил Петухов своим близким, «ушли по собственному желанию», Семен Данилович начал опасаться, что авторитет его потерян и сейчас он, товарищ Петухов, представляет собой не более как пустой резервуар, оболочку, в которой абсолютно ничего нет.

То снилось ему, что он идет по площади Свердлова в Москве... И вдруг движение останавливается... Все показывают на него пальцами — все видят, что он вышел из гостиницы без авторитета, а это хуже, чем голый. Все смеются... Хохочут прохожие... Рыдая от смеха, валится на широкую баранку водитель троллейбуса. В своем стеклянном стакане с серебряным подстаканником заказывается и утирает слезы белыми перчатками милиционер-регулировщик... А бедный Семен Данилович вертится на месте и не знает, какое именно место ему лучше прикрыть портфелем, чтобы спрятать неприличное отсутствие авторитета...

То мерещилось ему, что он входит в свой кабинет... Но в связи с потерей авторитета у него совершенно пропал вес. Он легче воздуха. Он впархивает в кабинет и сразу взмывает кверху. Некоторое время Петухов висит, как детский шарик, упершись теменем в потолок... Он парит над своим просторным кожаным креслом, не зная, как опуститься на его гостеприимные пружины...

Такие сны мучили Петухова непрерывно. Они продолжали терзать его даже после того, как он был прощен добрым местным начальством и брошен на новый участок — на отдел городского благоустройства.

Он понимал, что сейчас ему нужно срочно реабилитироваться, подпереть свой неустойчивый авторитет каким-нибудь выдающимся, из ряда вон выходящим достижением.

И вот однажды ночью его осенила блестящая идея.

Утром он явился к себе в отдел благоустройства бодрый, энергичный и как бы увеличившийся в объеме, словно утраченный авторитет уже начал возвращаться к нему.

— Пора браться за дело, товарищи! — торжественно заявил он своим сотрудникам. — Пора проявить размах! Конечно, в границах терпения Госконтроля, но размах!.. И мы проявим его, товарищи! Мы воздвигнем фонтан!..

И не просто фонтан, товарищи, а самый большой в области! С самой высокой струей! Так, чтобы всех умыть!..

Как ни странно, эта блестящая идея нашла признание не сразу. Какой фонтан? Зачем фонтан? Из каких средств? Почему именно фонтан? Нужно было ответить на уйму вопросов и рассеять множество сомнений. Но надо знать, на что способен Семен Данилович Петухов, когда ему нужно показать, на что он способен!

В течение нескольких дней все отделы горсовета трясло, как в лихорадке.

— Крохоборство! — бушевал Петухов в горфинотделе.— Плюшкинизм! Газет не читаете. Из чего в Подольске решетки лили для своего парка? Из местных ресурсов! А в Херсоне чем улицы мостили? Местными ресурсами! А мы что, хуже? Что у нас, местных ресурсов на струю не хватит?!.

Окончательно запугав финансистов, Семен Данилович устремлялся к заместителю председателя горсовета.

— Ладно, ладно, — дружески похохатывая, говорил Петухов. — Знаем мы твою экономию — спичка на шестерых, пол-литра на одного!.. Что ж, по-твоему, я должен распыляться на мелочи, или мне надо концентрировать силы на главном?..

Строителей и архитекторов он отечески журил:

— Закоснели, товарищи, закоснели!.. Неверно это, товарищи! Провинциализм это!.. — И Семен Данилович мчался дальше, нажимая на общественный резонанс, будя уснувший местный патриотизм и глуша колеблющихся поднятым им самим шумом.

Так или иначе, от Петухова в конце концов отступились, и тут Семен Данилович развернулся. Прежде всего он выбрал плацдарм. Фонтан он решил соорудить на окраине города, возле главного шоссе, ведущего в областной центр. Правда, местному населению ходить сюда и любоваться на фонтан было и далеко и неудобно, но зато областное начальство могло наблюдать петуховское рвение даже проездом, не выходя из машины.

Затем Петухов изыскал средства. Бассейн для фонтана выкроился из ассигнований на ремонт яслей и «расходов на поддержание жилфонда». Квадратные метры асфальта, запланированные для Большой улицы, перекочевали на прифонтанную территорию...

Потом он взялся за инженеров. Из их проекта явствовало, что они не уловили главной цели — переплюнуть всех. Запланированная высота струи была позорно мала. Семен Данилович сказал инженерам, что они проявили недопонимание, и приказал им выжать из струи 300 процентов проектной мощности.

Последующие два месяца строительства были для Семена Даниловича месяцами непрерывного штурма. Он выколачивал фонды, проталкивал цемент, продвигал арматуру и подкручивал строителей. Возникающие препятствия он преодолевал с ходу, смело и решительно.

За неделю до пуска фонтана, 7 августа, утром жители Малой Большой улицы обнаружили, что за ночь под их окнами пропал сквер. Исчезли решетки. На месте молоденьких липок зияли квадратные ямы.

Это Петухов одним ударом разрешил проблему благоустройства и озеленения территории вокруг фонтана. Он перевез липки вместе с бирками, извещающими о том, что «это дерево выращивает школьник такой-то»...

А за два дня до пуска Петухов узнал, что завтра в город приезжает секретарь обкома Логинов. Совершенно очевидно, что въезжать он будет на машине по главному шоссе. Было бы непоправимой глупостью пропустить такой удобный момент для торжественного открытия фонтана и не встретить руководство сюрпризом — невиданной, рекордной струей!..

II

Ранним утром следующего дня к восточной окраине города прибыл духовой оркестр пожарной самодеятельности. У ограды нового сквера выездные бригады продавцов и официантов на ящиках из-под печенья раскидывали свои скатерти-самобранки. Мороженщицы выстраивали на лотках вафельные стаканчики со сливочным пломбиром, который в рассветных лучах казался клубничным. Розовые плотники только что приладили последнюю розовую тесину к свежей «правительственной» трибунке.

На трибунке у микрофона стоял Семен Данилович и патетически говорил:

— Струя нашего фонтана, товарищи, — это свежая струя в деле благоустройства нашего города! И мы можем гордиться тем, что нам удалось поднять ее на небывалую, недосягаемую высоту! Раз, два, три, товарищи!.. Аня, Маня, Таня!.. Начали!..

Это была репетиция его выступления и одновременно проверка радиоусилителей, которые еще не были налажены. Вообще предварительные испытания были отменены из-за особой срочности пуска.

Наконец все было подготовлено к торжественной церемонии, а Логинов не ехал. Девушки устали танцевать друг с дружкой и стали о чем-то сговариваться с шофером своего грузовика. Аудитория расхолаживалась. Семен Данилович, державшийся за перила три-

буны, как за поручни капитанского мостика, понял, что надо начинать.

— Пора! — сказал он своему заместителю. — А то неуважение к массам получается. Зазнайство!.. Надо приступать к открытию!.. Пусть товарищ Логинов увидит наши достижения в действии!..

И он подал знак дирижеру. Оркестр заиграл специально разученную по предложению Петухова сцену у фонтана из оперы «Борис Годунов», и торжественный пуск объекта начался.

Семен Данилович легко соскочил в бассейн, сверкнул ножницами и разрезал ленточку. Сняли брезент, и глазам собравшихся предстал фонтан во всей своей красоте. В скульптурном облике фонтана Петухову удалось скомбинировать и примирить все противоречивые советы консультантов и тем самым отразить тему многогранности жизни.

Фонтан представлял собой скульптурную группу, состоящую из молодого человека и девушки в купальных костюмах, склонившихся над книгой, с веслом, отбойным молотком, пионерским горном, грудным ребенком и рулоном чертежей в руках и пограничной собакой у ног. Из бронзового рулона, поддерживаемого обоими молодыми людьми, и должна была забить рекордная струя.

Семен Данилович вскарабкался на гранитный борт бассейна и, встав на него, как на пьедестал, картинно взмахнул рукой. Внештатный сторож фонтана, взятый на должность инженера-сантехника, стал медленно поворачивать колесо вентиля.

— Сейчас, товарищи! — звонко и весело крикнул Петухов. Он откашлялся, кивнул сторожу и почти пропел: — Раз!.. Два!.. Три!..

Фонтан хрюкнул, потом нахально свистнул, но не выдавил из себя ни капли воды. В публике раздались смешки.

— Товарищи, товарищи, это неопытные кадры!.. Это временные трудности! — нервно объяснил Семен Данилович и сам бросился к колесику. Оттеснив сторожа, он повернул колесико еще раз... И еще, до отказа... Он даже попробовал потрясти трубу и весь измазался ржавчиной, суриком и тавотом... А вода не шла.

Наступила напряженная, неловкая тишина. Потом раздался тоненький жалобный писк, сменившийся простуженным хрипением. Фонтан кашлянул. Потом два раза плюнул. Потом сделал паузу и вдруг забил всей своей рекордной струей.

Под аплодисменты публики и восторженный свист мальчишек, усталый и счастливый, Петухов поднялся на трибуну. Он провел рукой по лбу и даже не заметил, что на лбу осталась черно-рыжая полоса. Сейчас он видел только фонтан. В его радужных струях видел он свой авторитет, подымающийся высоко-высоко — выше пенистого водяного султана.

Петухов откашлялся и, продолжая поглядывать быстрыми глазами в сторону шоссе, откуда должна была появиться машина секретаря обкома, начал торжественную речь.

А в это время из поселка нефтяников, совсем с другой стороны, вползал в город, карабкаясь по рытвинам и ухабам, свежезапыленный «ЗИМ» Логинова. Как мог ожидать Петухов, что секретарь обкома въедет в город не через парадный въезд, так тщательно приготовленный для него, а как раз там, где Семен Данилович из оставшихся средств лишь залатывал, закрашивал и загораживал ширмами зияющие прорехи благоустройства! Но Логинов часто делал совсем не то, чего от него ожидали.

Он остановился на углу улицы, переименованной Петуховым из Старо-Воздвиженской в Ново-Воздвиженскую, прочел свежую табличку и, усмехнувшись, что-то записал. Задержался он и у новой газетной витрины, повешенной так, чтобы прикрыть облупившуюся штукатурку. В витрине висела газета пятидневной давности. Он сорвал газету и приколол вместо нее свою, с карандашной надписью на полях: «Обком. Логинову».

В конце Ново-Воздвиженской, где машину трясло и бросало особенно сильно, Логинов остановился около милиционера и, указав взглядом на мостовую, спросил:

— У вас что, землетрясение было?

Милиционер козырнул и доложил, что землетрясения не было. В ответ на следующий вопрос он опять козырнул и сказал, что ремонта тоже не было.

На следующей, Третьей Безыменной улице, сверкающей свежепокрашенными фасадами и крышами, Логинов приказал шоферу развернуться и проехать задами. Как он и предполагал, дома и крыши были выкрашены только со стороны улицы.

И в последний раз Логинов остановился около водоразборной колонки. Он о чем-то поговорил с людьми, которые стояли в очереди с пустыми ведрами, потом сел в машину и сказал шоферу:

— К фонтану!

III

Когда Логинов подъехал к месту торжества, обдаваемый сверкающими брызгами Петухов в третий и последний раз говорил: «Я закругляюсь, товарищи!..» Однако, увидев секретаря обкома, он растянул это последнее закругление и запустил еще один роскошный период.

Когда он наконец закончил, Логинов поздоровался с ним и тихо сказал:

— На кого вы похожи! Вы бы умылись все-таки...

— С работы, товарищ Логинов! — широко улыбаясь, ответил Петухов.— Лично руководил пуском. Как говорится, горим на работе.

— На воде горите? — усмехнулся секретарь обкома и предложил: — Пойдемте в соседний дом, я тоже ополоснусь с дороги... Фонтан от нас не убежит.

— С удовольствием! — согласился Семен Данилович. В предложении Логинова была какая-то приятная и многообещающая фамильярность: ведь не каждому же приходится умываться вместе с секретарем обкома!

Логинов постучал в дверь дома и, незаметно подмигнув хозяйке, попросил провести их к крану умыться. У крана он настоял на том, чтобы Петухов умывался первым. Это тоже понравилось Семену Даниловичу. Логинов даже сам открыл ему кран, из которого побежала тоненькая струйка воды. Чтобы не задерживать руководство, Семен Данилович быстро и густо намылился. Когда же он протянул ладошки ковшиком под кран, чтобы начать смывать мыло, и без того тоненькая струйка окончательно похудела, превратилась в ниточку и совсем иссякла.

— Что это? — удивился Петухов и даже открыл залепленные мылом глазки.— Воды нет? Отчего это?..

— В струю ушла, товарищ Петухов,— неожиданно строго сказал Логинов.— В вашу рекордную струю... Во всем городе водопровод не работает.

— Не может быть... Позвольте, почему?..— залепетал Петухов, встревоженный не столько самим фактом, сколько тоном Логинова.— Но как же...

— Как же домыться, вы хотели спросить? Идемте к фонтану.

А тем временем на мраморных берегах фонтана домохозяйки черпали ведрами воду. Логинов подвел намыленного Петухова к бассейну и приказал закрыть фонтан. Рокотанье струй смолкло, и в наступившей тишине даже залепленные мылом уши Семена Даниловича уловили нарастающий смешок. Все уже знали о том, что фонтан высосал весь водопровод, и смеялись над петуховской затеей. Теперь же, когда люди увидели самого виновника, покрытого белыми хлопьями, смех превратился в хохот. Это было, как в недавнем кошмаре,— хохотали прохожие... Рыдая от смеха, свалился на широкую баранку водитель грузовика. Закатывался и утирал слезы белыми перчатками постовой милиционер. На гранитных берегах бассейна смех раскачивал домохозяек.

— Смывайтесь, смывайтесь,— сухо сказал секретарь обкома, подводя Петухова к его бассейну.— Воду уже спускают...

Петухов склонился над бассейном и стал промывать слезящиеся не то от мыла, не то от тоски глаза...

А над его склоненной головой звучал спокойный голос Логинова:

— В среду приезжайте на бюро. Обсудим ваш... этот... Тришкин фонтан!..

Эти страшные своей неуловимой ясностью слова доносились до Петухова, как сквозь сон. Цепенея от испуга, он тупо глядел в круглую дырку водостока и механически следил за тем, как туда уходит последняя вода, сердито бурля, всхлипывая, со свистом унося в трубу его авторитет...

Первые упоминания о Л. Н. Толстом в печати

В 1844 году Л. Н. Толстой поступил в Казанский университет. Юный студент «был вовлечен в водоворот казанской аристократической жизни»: он бывал на всех балах и маскарадах, участвовал в любительских спектаклях и живых картинах.

В 1845 году в «Казанских губернских ведомостях», в статье «Благородный театр», отмечено участие в двух любительских спектаклях Л. Н. Толстого и его брата. Журналист с большой похвалой отзывается об игре всех участников спектаклей: «Кому отдать преимущество? Мы решительно затрудняемся в этом потому, что каждый из них выполнил роль свою так отчетливо, так прелестно, что во многих местах зрители забывали, что перед ними искусство сценическое, а не сама природа».

В 1846 году в той же газете, в отделе «Казанская хроника», появилась заметка о постановке живых картин в актовом зале университета в пользу двух бедных учениц местного Родионовского института. Л. Н. Толстой участвовал в картине «Предложение жениха», которую хроникер описывает так: «Старик-рыбак поймал в свои сети молодца и представляет его своей дочери. Простак-детина почтительно вытянулся, закинув руки на спину: он рисуется... Отец взял его за подбородок и с простодушно-хитрою улыбкою посматривает на дочку, которая потупила в смущении свои взоры. Эффект этой картины был необыкновенный. Раза три требовали ее повторения и долго не умолкал гром рукоплесканий. Лучше всех был в этой картине отец (А. А. Дейпланьи), чрезвычайно наивен также и жених (граф Л. Н. Толстой)».

Таким образом, впервые в печати Л. Н. Толстой был упомянут как артист-любитель. Первый отзыв о нем, как о писателе, появился в 1852 году в № 10 журнала «Отечественные записки»; в статье о повести «Детство» автор поздравлял русскую литературу «с появлением нового замечательного таланта». Однако имя Толстого в этой статье не могло быть названо, так как повесть, напечатанная в «Современнике», была подписана буквами «Л. Н.». Полностью имя Л. Н. Толстого в статьях о нем впервые появилось только в 1856 году, когда в № 1 «Современника» был помещен рассказ «Севастополь в августе 1855 г.» за подписью «Граф Л. Н. Толстой».

Н. АШУКИН

Виноград под окном

Разве только на юге, приоткрыв окно, можно увидеть зреющие гроздья винограда? Нет, уже давно трудами И. В. Мичурина и его неутомимых последователей виноград перестал быть капризным южанином: он произрастает и в средней полосе России.

Новые сорта винограда, созданные мичуринцами-опытниками, такие, например, как «успех», «рекорд», «исполин», «террасный» и другие, отличаются высокой морозостойкостью и хорошей урожайностью. Наиболее благоприятны для выращивания винограда южные и юго-западные склоны и стены домов, отдающие лозам накопленное ими тепло.

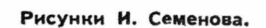
Под Москвой, в Кратове, садовод-любитель Денис Петрович Долбешкин культивирует мичуринский сорт винограда «буйтур». Выращенный им куст за пятнадцать лет поднялся в высоту на двенадцать метров и раздался в ширину на двадцать метров, закрыв красивой узорной листвой южную и восточную стены дома. Во время цветения винограда нежный аромат проникает в комнаты. Осенью куст дает урожай в сто килограммов вкусных ягод.

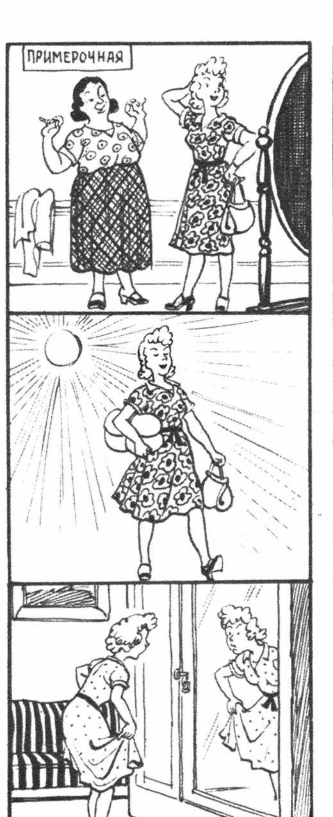
«Буйтур» интересен и как долголетнее декоративное украшение. В своем саду Д. П. Долбешкин устроил из «буйтура» причудливую беседку: снаружи она похожа на густо сплетенный зеленый шатер, а внутри ее выделяются, словно развешанные, черные гроздья винограда.

«Буйтур» хорошо размножается, растет без подпорок, цепляясь за малейшие выступы, и на зиму не требует никакого укрытия. Виноградник защищает жилище от проникновения пыли, поглощает уличный шум и, испаряя много влаги, осушает фундамент дома.

П. ЧУМАК

К вопросу о качестве...

Рисунки И. Семенова.

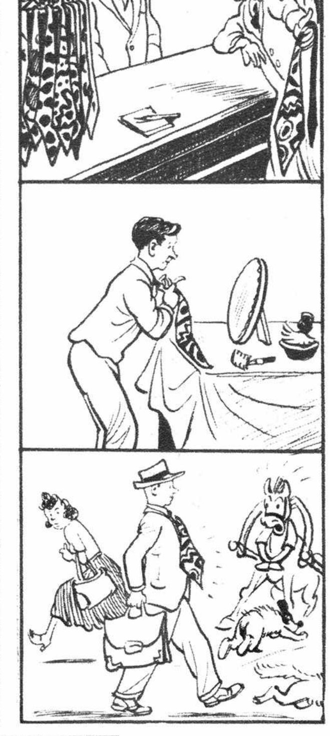

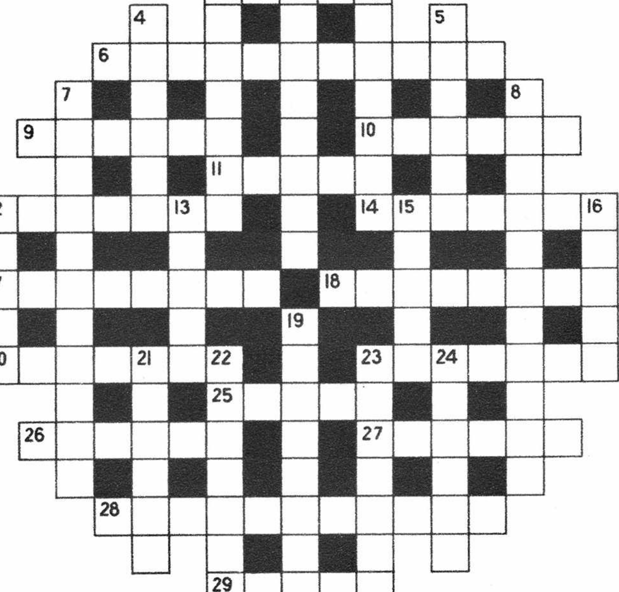

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Приток Северного Донца. 6. Советский композитор. 9. Вселенная. 10. Блеск поверхности. 11. Бухта в море Лаптевых. 12. Садовые ножницы. 14. Река и водопад в Америке. 17. Прибор для определения плотности жидкости. 18. Судоходный путь. 20. Насекомое из отряда жуков. 23. Музыкальный инструмент. 25. Трава, выросшая на месте скошенной. 26. Представитель народа одной из советских республик. 27. Ножной рычаг. 28. Журнал, в котором появились первые произведения Л. Н. Толстого. 29. Озеро в Северной Америке.

По вертикали:

1. Группа музыкантов, совместно исполняющих музыкальные произведения. 2. Русский художник. 3. Изобретатель лампы накаливания. 4. Метеорологические условия, свойственные данной местности. 5. Луг, небольшая равнина. 7. Роман Л. Н. Толстого. 8. Город на юге СССР. 12. Строфа стихотворения. 13. Персонаж оперетты Ю. Милютина «Трембита». 15. Буква латинского алфавита. 16. Главная артерия. 19. Областной город в РСФСР. 21. Название особых воинских частей в некоторых странах. 22. Дикий горный козел. 23. Органическое сахаристое вещество. 24. Предприятие для добычи полезных ископаемых.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 35

По горизонтали:

9. Пересказ. 10. Петушков. 11. Ангидрид. 13. Пирамида. 14. Мичман. 15. Комар. 17. Макар. 18. Рефрижератор. 19. Монолитность. 22. Пение. 24. Астра. 27. Чирчик. 30. Формация. 31. Йодоформ. 32. Развитие. 33. Орнамент.

По вертикали:

1. Сплав. 2. Прогноз. 3. Осадка. 4. Нажим. 5. Нежин. 6. Курага. 7. Скрипач. 8. Овчар. 12. Диссимиляция. 13. Паторжинский. 16. Рифление. 17. Матроска. 20. Реприза. 21. Триолет. 23. Италия. 25. Словак. 26. Сфера. 27. Чибис. 28. Копра. 29. Смета.

В этом номере на вкладках: репродукции картин И. Н. Крамского «Портрет Льва Николаевича Толстого», И. Е. Репина «Лев Николаевич Толстой на отдыхе в лесу», М. В. Нестерова «Л. Н. Толстой у пруда», Л. О. Пастернака «Л. Н. Толстой в семье», три страницы цветных фотографий и шесть акварелей В. А. Успенского.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А 05037. Подп. к печ. 1/IX 1953 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 550 000. Изд. № 637. Заказ 2057. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

ИЗ ИЛЛЮСТРАЦИЙ А. В. КОКОРИНА К «СЕВАСТОПОЛЬСКИМ РАССКАЗАМ» Л. Н. ТОЛСТОГО (Гослитиздат).

Цена 3 руб.